

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

**Сборник научных трудов
VIII Международной научно-теоретической конференции,
посвященной памяти доктора философских наук, профессора
Татьяны Николаевны Брысиной**

Россия, г. Ульяновск, 23-24 сентября 2022 г.

Ульяновск
УлГТУ
2022

УДК 130.2
ББК 71.0
О-23

Редакционная коллегия:

М. П. Волков, доктор философских наук, профессор;
Н. А. Гильмутдинова, кандидат философских наук, доцент.

Рецензенты:

Н. Г. Баранец, доктор философских наук, профессор;
В. Б. Петухов, доктор культурологии, профессор.

Образование и социальная динамика: сборник научных трудов VIII
О-23 Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти
доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной (Россия,
г. Ульяновск, 23-24 сентября 2022 г.) / под ред. М.П. Волкова. – Ульяновск
: УлГТУ, 2022. – 457 с.

ISBN 978-5-9795-2221-0

Сборник включает материалы, охватывающие основной круг проблем, являющихся сферой постоянного интереса Т.Н. Брысиной – сущности образования как пространства саморазвития личности и мощного фактора динамики общества, его постоянного обновления. В качестве самостоятельного раздела представлены работы молодых исследователей – бакалавров и магистрантов.

Сборник открывается текстами уже изданных работы Т.Н. Брысиной, позволяющими составить представление о глубине ее мысли.

Рекомендуется аспирантам, магистрантам, студентам и преподавателям вузов различного профиля, а также всем интересующимся философией. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 130.2
ББК 71.0

ISBN 978-5-9795-2221-0

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление, УлГТУ 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
-----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Т.Н. БРЫСИНОЙ

БРЫСИНА Т.Н. Сетевой принцип организации социума, науки, образования	10
БРЫСИНА Т.Н. Образование как цивилизационное явление.....	12

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ЦЕННОСТИ

Розанов Ф.И. (Ульяновск). Системный подход к исследованию места образования в функциональной структуре социума: определение, функциональная модель и направления эволюции образовательного процесса.....	23
Гильмутдинова Н.А. (Ульяновск) Просвещение, современность, образование	40
Зимакова Е.С., Тищенко А.В. (Владимир) О ценностях и целях современного образования.....	50
Ташлинская Е.Ш. (Ульяновск) Современное образование: проблемы, противоречия, перспективы	55
Карпенко О.А. (Самара) Развитие человеческих качеств в современной системе образования.....	62
Недоступенко Д.А., Чобану Л.А. (Белгород) Современные взгляды на инновации в образовании	69
Данилова А.С. (Ульяновск) Образовательные новации: фестивальная педагогика.....	75
Волков М.П. (Ульяновск) Высшее образование в техническом университете: ценность гуманитарной подготовки.....	79
Барвинок А.С. (Донецк) Тенденции развития современного высшего технического образования.....	89
Попов А.Н., Хадримайлов А.А., Малахова О.Ю. (Оренбург) Культурное самоопределение будущего инженера: таргетирование, проблемы, способы осуществления	92
Янкина И.А. (Таганрог) Место образования в цифровую эпоху	98
Булавская Т.В. (Минск) Образование в цифровую эпоху: перспективы и проблемы	103

Лойко А.И. (Минск) Образование в контексте онтологии сознания	106
Быльева Д.С. (Санкт-Петербург) Вызовы цифровизации образования: новая нормальность	110
Велиева С.Р. (Джизак) Зарубежный опыт освоения цифровых образовательных технологий	116
Стовба Е.В., Стовба А.В. (Бирск) Стратегические ориентиры цифровой трансформации образования	119
Соловьева Е.Р. (Донецк) Цифровая медиаграмотность: переосмысление медиаобразования в эпоху интернета	126
Леушкин Р.В. (Ульяновск) Философский анализ видеоигр: виртуальность, самообучение, наррация	134
Аругтюнян К.С. (Рязань) Роль управленческих дисциплин в системе высшего образования в условиях цифровизации	142
Восканян С.С. (Волгоград) Российские вузы: вопросы эффективности управления... 144	
Горбачева С.С., Кобелева А.С. (Воронеж) Становление индивидуальности преподавателя вуза в педагогической деятельности	149
Приходько Ф.С. (Горки) Академическая недобросовестность как проблема научной деятельности университета	153

РАЗДЕЛ III. ОБРАЗОВАНИЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ

Морозов А.В. (Минск), Данакари Л.Р. (Волгоград), Ивентьев С.И. (Казань) Формирование коммуникативной компетентности современного специалиста в высших учебных заведениях республики Беларусь и Российской Федерации	160
Миронова Т.М. (Санкт-Петербург) К вопросу о сетевом университете	169
Лях Я.В. (Минск) Проблемы организации учебного процесса в высших учебных заведениях в период пандемии	175
Сульдикова И.В. (Смоленск) Перспективы развития дистанционного обучения в творческом вузе: новые технологии и традиционные методы	178
Жукова Т.В., Конюченко О.Н. (Оренбург) Опыт взаимодействия студентов оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова с общественными патриотическими организациями различного уровня	181

Доценко Т.Э., Виницкая Н.В. (Бийск) Эффективные формы воспитания патриотизма студентов в педагогическом вузе	185
Иванова А.Л., Фоминых С.О. (Чебоксары) Современные подходы к формированию патриотизма у школьников среднего звена общеобразовательной школы	190
Свобода Н.Ф., Воробьева О.Б. (Самара) Место русской философии в гуманитарном образовании студентов технического вуза.....	194
Морозова Д.Ф. (Ульяновск) Формирование и репрезентация ценностных ориентиров в историческом исследовании.....	198
Бурлакова И.И. (Москва) Актуализация профессиональной подготовки будущего педагога	205
Бакунович М.Ф., Евдокимова О.М., Корзун С.А., Станкевич О.А. (Минск) Психолого-педагогические аспекты формирования функциональной грамотности у будущих педагогов.....	210
Касперович Н.Г. (Минск) К вопросу о дистанционном обучении студентов неязыкового вуза иностранному языку в условиях пандемии	216
Кулеба О.М. (Москва) Тестирование как эффективный метод контроля знаний в процессе профессиональной подготовки будущего учителя в период пандемии.....	219
Коциба И.В. (Горловка) Дидактические он-лайн игры в изучении иностранного языка и геймификация	224
Султанова А.П. (Казань) Сопоставительные исследования в области многозначной фразеологии и лексикологии как инструмент совершенствования англоязычной компетенции в вузе	226
Гибкий П.В. (Минск) Актуальность исследования временных отношений в китайском языке	231
Кошелев М.С. (Чита) Интеллектуальный teambuilding как инновационная форма профориентационной работы современного вуза.....	236
Шевченко М.С., Самойленко Н.Б. (Севастополь) Педагогический потенциал модели «перевернутый класс» в обучении студентов севастопольского государственного университета.....	238
Лбова М.Н., Сердобинцева Е.А. (Саранск) Технология написания сочинений разных жанров как способ формирования коммуникативной компетенции обучающихся профильной школы.....	245
Ваткова О.А. (Плевен) Инфографика - географическая карта на уроках изобразительного искусства: методические аспекты (на примере профессиональных гимназий Болгарии).....	249

Воробьева Д.И., Шилинг Г.С. (Бийск) Использование элементов иммерсивных технологий на уроках геометрии в средней школе для развития пространственного воображения.....	255
Гузенко С.С., Кузьмина Л.П., Пескова Е.В. (Казань) Духовно-нравственная инновационная деятельность в здоровьесберегающих образовательных программах	260
Балян Е.В., Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л. (Краснодар) Социокультурный и психолого-педагогический статус родительства	265
Тимошкина Н.А. (Москва) Практическая работа по ознакомлению школьников с национальными традициями и памятниками архитектуры в процессе их духовно-нравственного развития.....	269
Мищенко А.С. (Санкт-Петербург) Учебно-воспитательная деятельность педагогов профессиональных лицеев и колледжей: десять лет исследований	273
Мареева И.Н. (Калуга) Анализ деятельности ресурсного центра по работе с одаренными детьми старшего школьного возраста: изменения последних лет, проблемы и результаты	280
Приходченко Е.И., Маркова Е.А. (Донецк) Модель формирования управленческих компетенций будущих педагогов на основе деловых игр	284
Маскалевич Ю.А., Куницкая О.С., Корневская Ю.А. (Минск) Сущностные характеристики смешанного обучения будущих социальных педагогов в условиях университетской подготовки	293
Исупова Е.В. (Глазов) Этапы подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов.....	297
Волков М.П. (Ульяновск) Первый семинар по философии: трудности и стереотипы постижения проблемы генезиса философии	302
Лобастова В.А. (Санкт-Петербург) Феноменологическая стратегия смыслополагающих рефлексий сознания	306
Абасов Р.Г. (Тольятти), Колыванова Н.А. (Самара) Готовность педагогов адаптивной физической культуры к профессиональной подготовке обучающихся.....	310
Турсынова Ж. М. (Караганда) Блочно-модульная технология обучения в преподавании литературы	314
Данилов В.А. (Ульяновск) Проблемы формирования личности, или «правило одной трети».....	318
Болбас Г.В. (Минск) Идеи природосообразного воспитания в философско-педагогическом наследии К. Нарбута	320

РАЗДЕЛ IV.
ШКОЛА-СЕМИНАР МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Стрельцова Е.С., Козлова М.М. (Ульяновск) Современное образование: цели и ценности	325
Сиразетдинов Д.В. (Ульяновск) Образование в современном мире. Сущность, ценности и цели.....	327
Гатиатуллина А.Р. (Ульяновск) Образование как социальный институт.....	331
Надарян Б.М. (Ульяновск) Роль образования в формировании инновационного общества.....	335
Щепалина А.И. (Ульяновск) Делает ли образование человека культурным?.....	338
Халардин А.А. (Ульяновск) Жизненные ценности современных студентов	340
Улыбина Л.А. (Бирск) Инновации – источник изменений в образовании	343
Спиридонова Д.В. (Владимир) Деловая игра как инновационный подход в образовании	346
Попова Е.Д. (Ульяновск) Анализ ценностей и целей образования в постиндустриальном обществе.....	349
Кузьмина С.А. (Ульяновск) Цифровое обучение: проблемы и возможности развития.....	352
Арасланов А.Р. (Ульяновск) Образование как инструмент формирования цифрового мира	355
Суркова Д.В. (Ульяновск) Образование в цифровую эпоху: перспективы и проблемы.....	358
Евсеева С.Д. (Санкт-Петербург) Образование в эпоху цифровизации: проблемы и возможности и период пандемии	361
Плаксенков В.Н. (Ульяновск) Роль гуманитарных наук в современном мире.....	367
Чванов Н.И. (Ульяновск) Целесообразность преподавания философии в университетах	369
Шумилов Д.А. (Ульяновск) Анализ применения знаний гуманитарных наук в современной энергетической сфере	371
Захаров Д.О. (Ульяновск) Влияние пандемии на высшее образование в России	374
Журина У.Н. (Ульяновск) Дистанционное обучение в вузе в период пандемии: достоинства и недостатки.....	376
Хижов И.О. (Ульяновск) Дистанционное образование: преимущества и недостатки....	378

Булдаковский Е.С. (Ульяновск) История идеологии образования: общности интересов государства и университетской науки	381
Димитрюк Д.В. (Ульяновск) Анализ университетского устава 1835 года и его влияние на патриотическое воспитание в российской империи	383
Кочнева А.К., Тихонова А.Н. (Елабуга) Анализ зарубежного опыта дистанционного обучения	388
Борисов С.П. (Ульяновск) Образ учителя в системе современного образования.....	393
Кишко А.А. (Мозырь) Компетентностный подход в формировании экологической культуры старшеклассников	397
Черепанов А.В., Базюк Д.А. (Тюмень) Образовательные институты как посредники формирования экологического сознания молодежи	400
Шиманская И.М. (Мозырь) Актуальные аспекты этноэкологического воспитания ...	406
Тугарева И.А. (Белгород) Этнопедагогика северных и южных коренных народов России: сравнительный анализ	412
Ибениева Л.М. (Елабуга) Методологические основы формирования модели профессиональной компетентности руководителя среднего образовательного учреждения	420
Анопчик В.В. (Минск) Направления социально-педагогической работы по профилактике негативного влияния социальных сетей на социализацию подростков.	423
Гуляева С.А. (Санкт-Петербург) Влияние смартфона на интеллектуальное развитие современного подростка.....	426
Голнев В.В. (Ставрополь) О формировании информационной грамотности младших школьников	433
Габрусева А.О. (Санкт-Петербург) Обучение младших школьников толерантному отношению к различным культурам на уроках английского языка	436
Мухина А.А. (Санкт-Петербург) Обучение младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) английскому языку	443
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	449

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник научных трудов VIII международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти оригинального мыслителя, талантливого педагога – доктора философских наук, профессора Татьяны Николаевны Брысиной.

Обладая уникальной способностью, выражающей специфику философского мышления, проблематизировать очевидное, видеть за ним потаенное, скрытое, она открыла студентам, аспирантам и коллегам глубинные смыслы, скрытые за внешним, очевидным, банальным. Это относится и к ее трактовке образования как атрибута социума и пространства саморазвития личности, которое предстает постоянно рождающимися креативными ситуациями, поддерживающими интеллект и внутренний мир человека в напряжении и не позволяющими ему (человеку) пребывать в состоянии успокоенности.

Признание нерасторжимой связи университетского образования и школьного просвещения сказалось на характере материалов конференции: в сборнике наряду с философско-теоретическими работами представлены труды учителей школ, лицеев, колледжей, ресурсных центров, занимающимися с одаренными детьми самыми разными направлениями деятельности.

Мы надеемся, что идеи и практический опыт, представленные в статьях сборника, подтолкнут вас к новым подходам в исследовании проблем образования, а для кого-то станут главным поприщем деятельности.

Оргкомитет выражает благодарность всем принявшим участие в конференции и приглашает к дальнейшему сотрудничеству.

М.П. Волков, д.филос.н., профессор
А.М. Наместников, д.т.н., профессор
Н.А. Гильмутдинова, к.филос.н., доцент
Д.Ф. Морозова, ассистент

РАЗДЕЛ I.

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Т.Н. БРЫСИНОЙ

Т.Н. БРЫСИНА СЕТЕВОЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА, НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время достаточно прояснено отношение исторически обусловленной картины социального мира, науки и образования. С точки зрения социальной прагматики две последние реалии выступают эффективными средствами преобразования мироустройства, а первая задает цель и обеспечивает обоснование возможности и необходимости таких действий. Однако этим аспектом не исчерпывается характер вышеобозначенного отношения. Более того, появляется необходимость его осмысления вне инструменталистских установок, поскольку они уже перестают соответствовать изменяющейся картине социальной реальности, а тем самым перестают удовлетворять запросам общественной практики. Задача, таким образом, заключается в выявлении и экспликации иного рода связи между социумом, наукой и образованием, что предполагает использование иной методологической установки и средств описания. Прежде всего это выражается в изменении статуса иерархических отношений как формы организации вышеобозначенных реальностей. Иерархия предполагает и раскрывает жесткий характер отношений между четко локализованными и строго определенными элементами. Следует отметить, что современное значение понятия «элемент» сложилось в Новое время, то есть именно тогда, когда в картине мира, социальной в том числе, утверждаются идеи механистического его устройства. Тем самым задавалось доминантное положение таких отношений, которые демонстрировали и раскрывали связи субординации, обеспечивающие возможность построения иерархических моделей любых реалий.

Современный социальный мир хотя и сохраняет иерархическую форму, но она уже не рассматривается как главенствующая. Все больший вес приобретают связи координационные, а главное – сетевые, охватывающие самые разнообразные сферы общественной жизни, начиная от организации жильцов (кондоминимумы) и заканчивая межгосударственными объединениями типа Евросоюза, групп качества (специфическая форма менеджмента) и создание современных корпоративных объединений, где все их члены в том или ином виде участвуют в планировании, управлении и формировании идеологии деятельности. Другими словами, на первый план выдвигаются связи сотрудничества, а не подчинения.

Сегодняшний социальный мир – это мир пересекающихся, перекрывающих друг друга сетей самого разного характера. Переход от иерархической формы организации к сетевой, по сути, переход от общества,

ориентированного на производство товаров и услуг к обществу, работающему с информацией в качестве главной цели и ценности.

Понятно, что в такой ситуации наука и образование уже не могут занимать строго определенное место в иерархии социальных реалий, поскольку сами являются своеобразными сетями, покрывающими все социальное пространство. А это, в свою очередь, означает, что они становятся предпосылками, условиями и содержанием преобразования самого социального пространства, превращая его в гетерогенное.

Сетевой характер организации науки проявляется в размывании границ между ее ранее четко определенными частями, что выражается в росте междисциплинарных исследовательских областей, в переходе от тематических к проблемным видам построения и осуществления научного поиска, в проникновении методов и норм социально-гуманитарного познания в естественно-научное и даже техническое.

Сетевой характер образования выражается как в изменениях, связанных с формами образования – дистанционное, экстернат, домашнее, дополнительное и т.д., так и с его содержанием. Образование, организованное по сетевому принципу, уже не может рассматриваться как способ приобретения знаний и навыков, поскольку они очень быстро устаревают, и не менее быстро меняют свое место в духовном пространстве человека. Такой вариант был более или менее успешен, когда знание имело если не абсолютный, то хотя бы устойчивый характер и выступало другой (вторичной) формой бытия устойчивых (и объективных) мировых закономерностей. Для получения, хранения и трансляции такого знания иерархически организованное образование (от простого к сложному, от начального к высшему) подходило наилучшим образом. Реализация сетевого принципа в образовании требует изменения статуса как преподавателя, так и ученика, что выражается в отказе от «трансляционного» характера их связи. Они оба – равноправные участники образовательной ситуации, в которой знание не столько передается, сколько рождается в актах совместной работы.

Все вышесказанное подводит к выводу, что имеет место реализация в жизни социума, науки и образования специфического рода связи, которую можно характеризовать как связь представленности (презентативности). Ее суть заключается в одновременном и повсеместном осуществлении преобразований, происходящих в любых сферах общественной жизни. Это означает, что ни социум, ни наука, ни образование уже не могут рассматриваться в качестве автономных и локализованных «предметов», но только как состояние единой реальности – общественного бытия. В качестве состояний исследуемые реалии уже не могут быть связаны иерархически, поскольку здесь не выполняется требование одновременности и совместности, так как распространение преобразований (информационных прежде всего) в такого рода организации всегда осуществляется с задержкой. Именно поэтому сеть («паутина») становится адекватной формой организации современного общественного бытия.

Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 1. – С. 37-38.

Т.Н. БРЫСИНА

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Понимание отношения культуры и цивилизации обуславливает разработку различного рода социальных проектов, программ, технологий, тем самым выступая одним из фундаментальных источников общественных трансформаций. Следовательно, изучение этого отношения, разработка той или иной концепции, выдвижение какой-либо идеи имеет не только, а в современных условиях, и не столько теоретическое значение, сколько практически-прагматическое.

Существует множество различных трактовок образования, культуры, цивилизации. Не ставя своей задачей анализ этих трактовок, я, тем не менее, считаю необходимым определить собственную позицию в понимании цивилизации, с которой и рассматривается образование в качестве некоего цивилизационного явления. Такой ракурс анализа, во-первых, позволяет представить образование в контексте изменений общественной жизни, то есть эксплицировать ее синхронные и диахронные связи; во-вторых, обнаружить факты, позволяющие если не преодолеть, то усомниться в позиции, которая доминирует в социальном познании, противопоставляющей культуру и цивилизацию.

Одной из форм социальной жизни выступает история, понимаемая как изменчивость, темпоральность и событийность. Наличие этой формы обуславливает разнообразие явленностей общественного бытия, видов его организации. Упорядочение, «со-стыковка» этих явленностей, их оформления как целостности – это и есть культура.

Цивилизация – это способ бытия культуры, которая, в свою очередь, есть особая форма социальной жизни. Культура, следовательно, не может появиться до цивилизации (модель, сконструированная в 18 веке Фергюссоном и до сих пор имеющая место в социально-философских и исторических исследованиях), а также и цивилизация не может существовать после культуры (шпенглеровский вариант, также сохраняющийся в современных представлениях общественной жизни). Цивилизация в таком случае есть воспроизводство сложившегося культурного порядка различного вида процедурами, включающими в себя как материальные, так и символические средства и техники (навыки, приемы действия). Трактовка цивилизации как определенного набора и соотношения процедур имеет двоякий смысл. Во-первых, выявляется презентативность культуры в самой цивилизации: процедуры каким-то образом упорядочены, то есть культурно оформлены; во-вторых, процедурность есть демонстрация действия, то есть здесь предполагается наличие усилия, напряжения, энергетических затрат. То же самое необходимо для упорядочения, оформления, порождения целостности. Таким образом, обнаруживается «цивилизационное присутствие» в культуре. Тем самым идея синхронии культуры и цивилизации получает дополнительное обоснование.

Образование с этой позиции может быть представлено как одна из цивилизационных процедур, которая осуществляет воспроизводство определенной разновидности упорядоченности и подключение к ней новых поколений людей. Таковой упорядоченностью выступает знание. Усложнение и разрастание знания обуславливает усложнение и «почкование» процедуры его воспроизводства и трансляции, что приводит к усложнению общественной жизни в целом.

Первоначальное, или мифологическое знание – это упорядочение опыта людей, жизнь которых четко локализована в пространстве (территория обитания); определена социально (принадлежность к тому или иному роду-племени), а также по функционально-ролевым признакам. Именно поэтому, во-первых, это знание, или форма организации (упорядочения) жизни имеет ограниченный характер действия; во-вторых, оно функционирует в виде коллективных представлений, в которых доминирует «эмоцию» над «рацио», ассоциации над логикой. Реализуется это знание различным способом, например – магией. Магия представляет собой синкретическое явление, где слиты телесные техники и идеальные конструкты. Один из виднейших исследователей первоначальных форм общественной жизни Дж.Фрэзер так характеризует магию: «...Совокупность правил, которые «определяют» последовательность событий в мире, она может быть названа магией теоретической. В качестве же предписаний, которым люди должны следовать, чтобы достичь своих целей, она может называться магией практической. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытный колдун знает магию только с ее практической стороны – он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами».¹ Для того, чтобы столь сложная реальность могла функционировать, необходимы были особые, выделившиеся из соплеменников, люди, владеющие как «теоретической», так и практической стороной магии. Обеспечивался этот культурный запрос цивилизационным явлением – образованием, которое имело вид приобщения к сакральному знанию через непосредственную передачу «теоретического» ядра магии и техники его реализации. Как именно происходит такая передача, то есть как образовывается новый шаман (колдун, волхв и т.п.) – вопрос чрезвычайно сложный, так как исследователи не могут быть участниками этих действий, а участники не расположены об этом рассказывать в силу запрета на подобное деяние. Поэтому только косвенным образом такие сведения доходят до антропологов, которые еще должны дать им свою интерпретацию. Однако ни у кого из исследователей (Дж.Фрэзер, Л.Леви-Брюль, К.Леви-Строс и др.) не вызывает сомнения наличие такой процедуры.

Другим вариантом воспроизводства и передачи мифологического знания является инициация – процедура введения молодого поколения во взрослую жизнь путем сложных телесных техник, имеющих своей целью посвящение, то

¹Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М., 1980. – С.20.

есть включение человека как в знание о собственном социуме, так, одновременно, и превращение в его полноправного члена.

Можно отметить и такой вариант образования, связанный с приобретением и воспроизводством в том числе и профессиональных знаний. Сошлюсь на исследование советского антрополога В.Р. Арсеньева, изучавшего жизнь африканских племен. «Охотничий союз бамбара – добровольное объединение людей с единой идеологической системой, моралью, этикой, ритуальными и обрядовыми действиями, с единым блоком недоступной для непосвященных информации, способами хранения, преумножения и передачи ее в процесс воспроизводства самого союза. Это во многом тайное объединение воинов и промысловников, колдунов и врачей... Вхождение в союз сопряжено с соответствующим обрядом посвящения, ритуальной трапезой... Посвящаемый делает ритуальное приношение орехов колы, курицы и т.д. За неофитом закрепляется наставник, учитель..., который лично отвечает перед союзом за обучение, поведение и успехи вновь принятого в союз. Принятые проходят нечто вроде послушнического стажа, в ходе которого они узнают от учителя – и в беседах, и во время скитаний по лесам – основы охотничьего мировоззрения и охотничьей практики».¹

Локальность и синкретизм мифологического знания обуславливают и одновременно воспроизводятся этнически локализованными сложно переплетенными действиями, включающими в себя профессиональные навыки, магические ритуалы и символические представления.

В античности появляется специфическое представление о человеке, который должен сочетать в себе физическую красоту тела и внутреннее, нравственное благородство. Это и есть идеал совершенного человека, так называемая калокагатия (calos – прекрасный, agathos – хороший). К этому идеалу должен стремиться каждый свободнорожденный человек, занимаясь физическими упражнениями, с малых лет впитывая мифологические представления, моральные и эстетические формы переживания мира и человеческой жизни, приобретая знания из различных областей опыта и умозрения. Таким образом, любой свободный человек мог через процедуру образования реализовать калокагатию, правда, долгим и сложным путем: «в борьбе чувств и страстей, привязанностей и пристрастий вырабатывается в конце концов тот мудро уравновешенный человек, что заслужил, по словам Симонида Каосского (VI-V вв. до н.э.) название «четырехугольного», то есть человека, у которого равномерно развиты все способности».² Именно мера становится принципом не только культурного, но и цивилизационного способа бытия античного общества, что еще раз подтверждает репрезентативный характер отношения культуры и цивилизации.

Однако оставалось и представление о знании как о сакральной форме, сохранение и трансляция которой требует особых образовательных действий.

¹ Арсеньев В.Р. Звери = боги = люди. – М., 1991. – С. 76, 81-82.

² Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Жизнеописание. – М., 1977. – С. 11-12.

Поэтому сложившиеся в античный период институциональные формы упорядочения знания – пифагорейский Союз, платоновская Академия, аристотелевский Ликей – имели двойственный способ образования. Занятия там были двух типов: для широкого круга слушателей и специальные, в которых имели право участвовать только посвященные. Например, в Ликее для всех читались лекции по риторике, а для «эксотерического» (то есть для подготовленных) обучения выделялись метафизика, физика и диалектика. Само время занятий было разным: утром для всех, вечером – для «эксотериков».

Специфика понимания знания и методов его получения – умозрение, майевтика требовали сохранения процедуры непосредственного образования – наставничества, когда трансляция как самого знания, так и его выработки осуществляется «лицом к лицу». Поэтому и в Академии, и в Ликее мы имеем не столько социальный институт (хотя они удовлетворяют по многим параметрам этому статусу), сколько сообщество единомышленников, связанных друг с другом личными отношениями, где присутствовали и дружба, и зависть, и недоброжелательство, и ревность к успехам и восхищение ими, другими словами, весь набор человеческих чувств, открыто демонстрируемых, известных и за пределами этих великих школ Древней Греции. Факт совершенно невозможный в предшествующий период, когда знание не могло быть предметом критики, а процедуры его трансляции – достоянием общности.

Рост знаний и их дифференциация, многосторонность исследований, требовавших усвоения огромного фактического материала, обусловило появление особой процедуры, обеспечивающей эту потребность. Появляется **библиотека** не столько как хранилище рукописей, а позднее и печатной продукции, **но** как вид образовательной деятельности, имеющий свои собственные правила сбора, классификации, хранения общественного знания. Тем самым оно становилось доступным вне наставничества. Библиотека – это промежуточное звено, посредник между носителями знания; более того, здесь знание вообще становится самостоятельной формой, отделенной от своего «родителя», теряя личностную окраску. Отсюда возникает два важнейших для общества следствия: возможность преподавания, то есть разделения хранителя и «родителя» знания и транслятора знания, а значит появление зазора между культурной формой и цивилизационной процедурой, а также необходимость интерпретации знания.

Как известно, первыми преподавателями, а не учителями-наставниками, любителями и не хранителями (жрецами) знания (мудрости) стали софисты. «Однако нерасчлененность тогдашнего знания на философскую и специально научные области, а также значение, которое ... успела получить в 5 в до н.э. философия...привели к тому, что эти новые преподаватели обычно учили не только технике (подчеркнуто мной – Т.Б.) политической и юридической деятельности, а связывали эту технику с общими вопросами философии и

мировоззрения».¹ И если это утверждение правомерно для «старших» софистов, то «младшие» софисты уже почти полностью отходят от собственно выработки знания, сосредоточившись на технике работы с ним. Как отмечал Гегель, «главной стороной их образования было обобщение элеатского способа мышления и распространения его на всякое содержание знания и действия».² Знание как культурная форма здесь впервые оказывается поставленным в зависимости от цивилизационной процедуры, – это, во-первых, а во-вторых, сама процедура становится самостоятельной реалией, с которой можно и нужно было работать, которой можно было обучать вне зависимости от соотношенности с культурной формой.

Основная цель софистики – подготовка к политической деятельности – обусловила характер образования, которое было направлено на техническое формальное развитие речи (риторика) и на передачу тех знаний, которые могли бы в максимальной степени способствовать достижению этой цели.

Отсюда главный интерес софистов к социально-политическим, психологическим и лингвистическим видам знания, но отсюда же и развитие приемов «вести споры – говорить pro и contra о любом (подчеркнуто мной – Т.Б.) предмете; эту же ловкость они сообщали и своим ученикам. Наибольшее значение при этом придавалось способности запутать слушателя, принудить его к нелепым ответам и, таким образом, опровергнуть противника».³

И совершенно не случайно, что именно софисты стали первыми, у кого имеются разработки грамматики и логики. Несмотря на то, что эти разработки были в зачаточном состоянии, здесь мы впервые обнаруживаем расхождение культурной формы и цивилизационной процедуры, при котором последняя начинает приобретать самодостаточный статус и играть доминирующую роль.

Вполне вероятно, что софистическая логика понималась и использовалась как особый род искусства спорить, опровергать и доказывать, но позднее, у Аристотеля, чья деятельность по разработке логики, несомненно, опиралась на результаты, достигнутые софистами, логика превращается в учение об умозаключениях и доказательствах, названное им Аналитикой. «Этот первый систематический очерк логики включает в себе внутренне связанными три главные точки зрения, с которых впоследствии излагали эту науку: формальную, методологическую и гносеологическую».⁴

Таким образом, аристотелевская логика является не только способом воспроизведения и точной передачи готового знания, но включает в себя методологические процедуры добывания нового знания как такового безотносительно к его содержательной стороне. По существу – это орудие всякой науки, понимаемой «как умозрительное исследование, дающее возможность различать условия доказательства, его виды, степени, а также

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. – М., 1976. – С.98.

² Гегель. Сочинения. Т. X. – М., 1932. – С. 22.

³ Виндельбанд В. История древней философии. – М., 1995. – С.109.

⁴ Виндельбанд В. История древней философии. – М., 1995. – С.212.

выяснять последние предложения, достигнув которых, мы уже не можем продолжать сведение данного к элементам, объясняющим это данное».¹

А позднее – у стоиков, логика превратится в специальную науку, тем самым окончательно утвердится в качестве самостоятельной и самодостаточной рефлексии о процедурах получения и оперирования знанием – то есть станет методологией.

Так в античности произошло четкое и окончательное закрепление различия между **что** и **как** есть знание.

Средневековье дает нам богатый материал для рассмотрения взаимопереплетения и взаимоотношения культурного и цивилизационного измерения в самом знании.

Усложнение знания как демонстрация историчности социальной жизни, оформление его в виде богословия обусловило необходимость состыковки этого вида с уже имеющимися – философией и наукой. Результатом являются схоластика и средневековая мистика, однако никогда не дистанцирующиеся абсолютно друг от друга, где образование получает различное значение и выполняет различные задачи.

Сохранению мистического и схоластического моментов в едином целом способствовали специфические социальные организации: монастырь, а позднее – университет. Монахи были теми людьми, которые выступали не только хранителями наличного знания, но имели возможность (в виде досуга) выработки нового знания. В их же деятельности происходило переплетение религиозного и философского знания. Поэтому-то появляются два вида образования – две «технологии» как обратная сторона двойственности имеющегося знания – философии и научных представлений, а также религиозное знание, теснейшим образом связанного с верой.

Мистика – совокупность процедур, воспроизводящих и проясняющих в человеческой душе образ Бога; она есть «естественное последствие, с одной стороны, веры в тайны, предложенные и освященные религией, а с другой – созерцательного образа жизни монахов».² Однако этим мистика как способ воспроизводства не исчерпывается, она обеспечивает также воспроизводство и трансляцию опыта общения человека с силами зла. Надо подчеркнуть, что осуществляли эту практику те же самые монахи, которые пестовали образ Бога в собственных душах, «очень наглядным образцом отмеченного нами шатания мысли, нерешительных взглядов на тайные науки... может служить знаменитый Роджер Бэкон (1214–1294). Он, по-видимому, глубоко сомневался в ходячих рассказах о колдунах, о колдовстве, о возмущениях ими сил и явлений природы..., но сам же Бэкон пускался в туманные рассуждения о том, что бывает-де такое состояние неба и такое сочетание светил, при котором магические операции удаются».³ Вот это наличие двух видов опыта –

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. - М., 1976. – С. 317.

² Виндельбанд В. История древней философии. – М., 1995. – С. 341.

³ Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. – М., 1992. – С. 148.

рационально описываемого и оккультного, не поддающегося такому описанию, фиксируется и упорядочивается в двух видах знания и двух способах его воспроизводства и трансляции. Широчайшее распространение тайных наук, которых было множество, было обусловлено не только шаткостью веры простонародья, церковных и светских элит.

«Отцом схоластики» по праву можно считать Боэция (ок. 480 г. – 526). Будучи широко образованным человеком, римским консулом в правлении германского императора Теодориха¹, Боэций унаследовал от перипатетиков представление о логике как органоне наук и одновременно знании об универсальном способе получения знания. «... логика подобна руке, которая одновременно есть и часть тела (философии (т.е. знания – Т. Б.)) и его инструмент»². Эта идея стала фундаментальной в схоластике, причем акцент был сделан на методологической составляющей. Это фиксируется в скрупулезной разработке силлогистики как наиболее удобного метода комментирования библейских истин. Однако «злоупотребление силлогизмом влечет за собой мелочность, страсть к делениям и подразделениям, низводит логическое рассуждение к словесной механике, способствует чрезмерной заботливости о внешнем выражении мысли в ущерб самой мысли (подчеркнуто мной – Т. Б.), словом – рождает формализм».³

Способ их воспроизведения оказывается зачастую мощным средством психологического воздействия на человека, что не могло не использоваться властвующими в своих целях. Именно поэтому при всех западноевропейских правителях были придворные астрологи. Кстати, к их услугам прибегали и в век Просвещения, да и нынешние правители ими не пренебрегают.

Следовательно, возникшая в античности трещина между формой упорядочения – знанием и способом его воспроизводства – образованием в схоластике становится все более глубокой и широкой. Расстыковка, зазор между культурой и цивилизацией, явно проявившиеся в период расцвета схоластики (XI-XIII вв.) становятся тем местом, где рождается новое как в культуре – идея научного знания, так и в цивилизации – технология: методология плюс процедуры исчисления и производства.

Происходившие метаморфозы в соотношении знания и образования репрезентировались в социальной сфере общественной жизни в виде процесса институционализации знания и образования.

Уже у предшественника Боэция, римского писателя Марциана Капеллы, формируется концепция семи «искусств», или «дисциплин»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, где каждое из них явлено в виде единства знания и способа его хранения и передачи. Боэций осуществляет классификацию (методическую операцию) этих

¹ Виндельбанд В. История древней философии. – М., 1995. – С. 341.

² Эти данные приводятся для того, чтобы подчеркнуть сложный исторический контекст, в котором рождается цивилизационное явление.

³ Цит. по: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. – М., 1979. – С. 373.

«искусств», выделяя собственно гуманитарное знание («trivium»), которому противопоставлялись четыре последних («quadrivium»), исчерпывающих наличное знание, относимое по античной традиции к природе. В таком именно виде знание и способы его воспроизводства и трансляции просуществовали на протяжении почти тысячелетия, а отголоски и рецидивы его мы можем наблюдать и сегодня.

Начиная с XI века в Западной Европе возникают нецерковные школы, чаще всего организуемые вокруг того или иного учителя (магистра) – школы риторики, права, медицины уже зависели не только от церкви, но и от городских властей. Так происходило отпочкование специального знания от богословия, а также способов его трансляции и хранения. Наибольшее значение приобретает диалектика в значении формальной логики, которая по существу становится независимой от теологии. И в церковных (кафедральных) школах происходит смещение акцента на изучение, прежде всего диалектики, хотя традиционная программа (тривиум и квадриум) остается единственной.

В XII веке происходит усиление институционального момента в функционировании городских школ. «Теперь дело преподавания и обучения становится более упорядоченным. Возникает так называемая всеобщая школа (stadium generale). Всеобщность означала здесь интернациональный характер учеников, обучавшихся в школах, которые в дальнейшем получают наименование университетов (universitas – совокупность). Корпорации преподавателей распределяются по главным направлениям знания... – факультетам. Статус университетов ... определяется уже не столько местными городскими властями, сколько санкцией королей и даже римских пап».¹

Так происходит включение сферы знания и образования в государственные структуры, которые получают возможность регулировать университетскую жизнь, со временем все более ущемляя ее автономию, в том числе и в выборе направлений теоретического поиска, способов трансляции знания и определения целей педагогической деятельности. С этого времени образование оказывается теснейшим образом связанным с другим цивилизационным явлением - государством. Тем самым создаются условия для дальнейшего углубления зазора между культурной формой и цивилизационным способом ее существования. Разумеется, в период позднего средневековья и Нового времени это не было ярко выражено и вуалировалось многими историческими явлениями. Тем не менее почва была подготовлена, и современность в полной мере демонстрирует этот зазор.

Вернемся, однако, к хронологическому изложению и дадим краткое описание состояния дел в Новое время. Именно в этот период «образование» получает то значение, которое для современного человека кажется само собой разумеющимся, а именно, некий итог духовной активности человека, «вид разумения» (В. Гумбольдт), благодаря чему в человеке раскрывается нечто трансцендентное самому человеку. Это не просто естественные задатки,

¹ Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979. – С. 303.

которые шлифуются и развиваются с помощью определенных методик. Такая практика есть не что иное, как воспитание. Образование же содержит другой смысл, возвращающий к средневековой мистике, трактовавшей образование как раскрытие образа Бога в человеческой душе. Теперь же место образа Бога занимает иное трансцендентное – свобода, творчество, высшее предназначение и т.д., в зависимости от тех ментальных и культурных особенностей, в которых вырос и сформировался слой людей, рефлексирующих по поводу образования.

Не случайно, что в Германии с ее богатейшими традициями философствования в идеалистически-трансцендентальном контексте рождается идея университета как организации, обеспечивающей реализацию принципа свободы.

Модель университета, предложенная братьями Гумбольдтами, базируется на четырех равнозначных постулатах: университет как корпорация преподавателей и студентов, свобода выбора форм знания и их преподавания как для студентов, так и для преподавателей; сочетание преподавания и исследования; автономия университетской корпорации от государственных регламентации. Последний постулат, надо отметить, реализовывался в наименьшей степени. Особенно это проявилось в России, взявшей за образец именно немецкую модель университета. Согласно Гегелю, суть образования состоит в том, что человек делает себя духовным существом во всех отношениях. Поэтому главный акцент в образовании сделан на развитии теоретических интересов, что и закрепляется в немецкой модели университета.

Другая – английская – модель также произрастала из историко-культурных особенностей Великобритании, где в среде средневековых университетов складывается интерес к естественнонаучным изысканиям, развиваются эмпирические методы изучения природы. Это наложило свой отпечаток не только на философию, но и на понимание науки и варианты институционализации знания.

Главный акцент здесь делается на «полезности» знания, его технологической воплощаемости, поэтому образование мыслится в другой антично-средневековой традиции как культивирование талантов и способностей человека, целью которого является добывание нового знания как средства воздействия на природу.

Две модели европейского университета – это демонстрация двух линий соотношения культурного феномена и цивилизационного явления, имеющих, по сути, общий результат: все нарастающее подчинение первого второму. Знание само приобретает качество инструменталистское, все более становится технологией и все менее сохраняет качество целостности, т.е. особого порядка, который синонимичен слову «смысл». Нарастающая дисциплинаризация знания закрепляется не только в расходящихся методах его получения, но и трансляции. Естественнонаучное, а затем и техническое знание в силу приобретения им в Новое время смысла «знания как» довольно безболезненно адаптируется к образованию как технологии.

Гуманитарное знание, сохраняя в какой-то степени давнюю идею знания как раскрытие трансцендентального, и в способе своего существования пытается ее воспроизводить. С этим, кстати, связано разделение наук на естественные и гуманитарные, поскольку методы создания технологии и культивирования трансцендентального действительно различны, поэтому различными должны быть и способы их воспроизводства и трансляции. Однако эта специфика гуманитарного знания со временем становится все менее значимой, поскольку его попадание (или стремление туда попасть) в сферу науки с неизбежностью меняет саму природу гуманитаристики, изгоняя из нее еще сохраняющиеся, пусть и в измененном виде, рецидивы средневековой мистической традиции. Становясь научным, гуманитарное знание оказывается формой упорядочения уже совсем иного опыта жизни социального существа в среде им и ему подобных существ создаваемой. Следовательно, образование как прагматически ориентированная технология получает широчайшие возможности воспроизводить социально-гуманитарное знание, бытующее в форме «знания как».

Одновременно с этими изменениями и в корреляции с ними осуществляется и разрастается процесс институционализации, в том числе и профессионализации как в культурной, так и цивилизационной компонентах, т. е. в знании и образовании.

Сегодня образованный человек – уже не эрудит, способный осуществлять самостоятельную ценностную классификацию знаний и способов их добывания, хранения и трансляции. Это прежде всего профессионально подготовленный к определенному (специализированному) виду деятельности человек. Другими словами, это человек, прошедший ряд этапов (начиная с начальной и кончая высшей школой), усвоивший правила работы с определенными наличными знаниями и приобретший навыки конструирования новых эпистемологических реалий. И все это в соответствии не только со стихийно сложившимися в научном сообществе нормами, но с государственно установленными стандартами. Это означает, что образование приобрело как бы двойной цивилизационный статус, став государственной структурой. Тем самым к способу хранения и трансляции знания добавилась функция воспроизводства власти. И эта «добавка» отнюдь небезобидна и второстепенна. Напротив, она становится доминантной, определяя не только стратегию добывания и содержание культурной реалии – знания, но и его смысла. В качестве иллюстрации сказанного обратимся к сохранившейся в России с советских времен практике вхождения в научное сообщество. Свидетельством принадлежности к этому сообществу является наличие ученой степени, которая формально присуждается советом ученых (прошедших в свое время такую же процедуру), а фактически – ВАК'ом, государственной, т. е. чиновничьей организацией. Именно эта корпорация и разрабатывает правила, которым должна соответствовать диссертация, и правила эти едины для всех, независимо от содержания, проблематики и методов. Такому же шаблону должны соответствовать отзывы оппонентов на диссертацию и обязательно

заканчиваться словами, что «... диссертация соответствует требованиям пункта 13 Положения ВАК'а о присуждении ученых степеней научным и научно-педагогическим работникам». Творческая работа, по определению выражающая уникальность, новизну, должна соответствовать пункту инструкции! Это означает, что наметившийся еще в античности зазор между знанием и образованием в наше время преодолен (или почти преодолен), но суть его совсем иная: не в виде установления соответствия, а за счет подавления одного другим. Однако победа эта Пиррова.

Сложившаяся ситуация – не частный случай. Такую же гипертрофированность цивилизационной процедуры по отношению к культурной форме можно обнаружить в других регионах социальной жизнедеятельности. Однако это вовсе не означает гибель культуры.

Можно говорить об упадке культуры и расцвете цивилизации, но точнее было бы охарактеризовать выявленное отношение как взаимоотношение. Научное знание, становясь технологией, приобретает качество цивилизационное, тогда как способ его бытия сам обретает формоорганизующее, упорядочивающее качество, явленное в его сверхтехнологичности, сверхдеятельности и сверхутилитарности. Это и обеспечивает науке универсальность: выход за любые национальные, идеологические, территориальные и временные рамки. Другим свидетельством взаимоотношенности культуры и цивилизации являются, например, события 1968 года и их последствия для Европы и не только для нее. Этот год явился годом массовых выступлений университетской молодежи против сложившихся порядков не только в системе образования, но и в обществе в целом. Это было время тотального сдвига в «естественном порядке вещей» – в культурной форме в целом. Если характеризовать этот сдвиг в языке политологии, то его можно назвать леволиберальным, а в языке философии и культурологи – постмодернистским. В общем же это есть демонстрация размывания «жестких» культурных структур (порядков) и приход им на смену «мягких» порядков, в которых границы подвижны, отсутствуют доминантные точки. Обеспечивается такое культурное бытие соответствующим цивилизационным способом, где процедуры допускают различные варианты действий (сценарный метод прогнозирования – в науке; политкорректность – в политике и в быту; эклектизм в искусстве).

Таким образом, обнаруживается двойственность значения слова «образование» в полной мере присущее современности, поскольку сегодня культурная форма и цивилизационный способ ее бытия в актуальном опыте общественной жизни достигают зрелой стадии взаимопревращения, подкрепляемой воздействием таких цивилизационных явлений, как государственная власть и институционализация культурной формы.

Образование как креативное явление социума : сборник научных трудов / под ред. Г. Ф. Миронова. – Ульяновск, УлГТУ, 2008. – С. 26-36.

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ЦЕННОСТИ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕСТА ОБРАЗОВАНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИУМА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ф.И. Розанов

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В исследовании рассматривается феномен образования с точки зрения системного подхода, анализируется место образования в структурно-функциональной системе социума и функциональная взаимосвязь образования с базовыми функциональными подсистемами социума: экономикой, правом, политикой и культурой. Утверждается, что в системе общества образование является частью культуры как системы воспроизводства функциональной структуры социума и представляет собой процесс функционального программирования социальных элементов. Обосновываются выводы о том, что скоринг и сортинг являются фундаментальными функциями образования, роль которых будет все более возрастать. Прогнозируется все большая взаимосвязь и взаимозависимость образования и власти, дальнейшая цифровизация, виртуализация и формализация образовательного процесса. Делается вывод о фундаментальном диалектическом противостоянии в образовании двух направлений системной эволюции – функциональной специализации и универсализации. Обосновывается предположение о том, что система образования будет все больше разделяться на массовое узкоспециализированное образование для управляемых мифологизированных масс и системное образование для управляющих элит. Вопрос о возможности массового системного гуманистического образования остается открытым, так как оно возможно только в отдаленной перспективе и может быть обусловлено процессами кардинальной трансгуманистической трансформации цивилизации.

Ключевые слова: Образование, система, цивилизация, структура, функция, скоринг, сортинг, универсализация, специализация, гуманизация, управление, трансгуманизм.

A SYSTEM APPROACH TO THE STUDY OF THE PLACE OF EDUCATION IN THE FUNCTIONAL STRUCTURE OF SOCIETY: DEFINITION, FUNCTIONAL MODEL AND DIRECTIONS OF EVOLUTION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Ph. I. Rozanov

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The study examines the phenomenon of education from the point of view of a systematic approach, analyzes the place of education in the structural and functional system of

society, the functional relationship of education with the basic functional subsystems of society: economics, law, politics and culture. It is argued that in the system of society, education is part of culture, as a system of reproduction of the functional structure of society. Education is a process of functional programming of social elements. The conclusions are substantiated that scoring and sorting are fundamental functions of education, the role of which will increase more and more. It is predicted that the interconnection and interdependence of education and government will increase, further digitalization, virtualization and formalization of the educational process. The conclusion is made about the fundamental dialectical confrontation in the formation of two directions of system evolution - functional specialization and universalization. The assumption is substantiated that the education system will be increasingly divided into a general highly specialized education for the controlled mythologized masses and a systematic education for the ruling elites. The question of the possibility of mass systemic humanistic education remains open. From our point of view, this is possible only in the long term and may be due to the processes of cardinal transhumanistic transformation of civilization.

Keywords: Education, system, civilization, structure, function, scoring, sorting, universalization, specialization, humanization, management, transhumanism.

Современный мир меняется очень быстро и порой не всегда удается ухватить суть происходящих перемен. Ускоряющееся развитие информационно-коммуникационных технологий, активное технико-технологическое развитие в самых разных сферах научного знания, удивительные и настораживающие трансформации в массовом политическом, экономическом и социокультурном пространстве – все эти перемены происходят лавинообразно. Идея того, что развитие техники и технологий идет с экспоненциальным ускорением уже прочно обосновалась в современном философском дискурсе [16]. Вполне вероятно, что социокультурное развитие ускоряется столь же быстро, и мы можем говорить не только о технологической, но и о социокультурной сингулярности – состоянии, когда происходящие в социуме перемены будут происходить быстрее, чем у нас будет возможность их осмыслить, и, как следствие, эти изменения станут все менее контролируемыми и управляемыми [7].

Образование является той сферой, где происходящие в обществе изменения отражаются в наиболее яркой и, вероятно, наиболее болезненной форме. Образование является той сферой, где проявляется конфликт поколений, где формируются самые важные в жизни навыки и морально-ценностные ориентиры, где педагоги работают с будущим человечества [13]. В этой ситуации критически важно иметь научную основу понимания происходящих процессов социальной трансформации, поскольку только при этом условии у нас есть шанс не стать жертвой случайных перемен, а встретить надвигающееся будущее во всеоружии, имея возможность заранее определить сферы трансформации и направить перемены в необходимое нам русло. А может быть уровень нашего понимания и развитие методологии управления будут настолько развитыми, что можно будет заниматься социальной

инженерией и целенаправленно формировать нужные нам социальные изменения.

Так или иначе, но невозможно ни понимать суть происходящих с обществом перемен, ни тем более управлять этими переменами, не имея соответствующей теоретико-методологической основы. Именно с этим связан такой большой рост интереса к различным системным социально-гуманитарным исследованиям, носящим меж- и трансдисциплинарный характер, поскольку очевидно, что только системный подход обладает достаточным теоретико-методологическим потенциалом, необходимой целостностью охвата сложной природы социальных процессов и явлений, а также необходимым потенциалом междисциплинарной интеграции знания [11]. В полной мере все вышесказанное относится и к исследованию образования [3].

Понятие «образование» прочно вошло в общеупотребительный лексикон и используется нами в самых различных ситуациях и контекстах. Если мы не говорим о свойствах и качествах отдельного человека, то обычно говорим об образовании как о некой «системе образования». Но при этом, несмотря на широкое использование такого термина, мы не придаем ему должного системного значения. Более того, в науке в целом нет четкого понимания того, что такое образование с системных позиций, какую функциональную структуру имеет система образования и как она локализована в структуре самого социума. Для ответа на данные вопросы нам необходимо проанализировать существующие определения образования и концептуализировать понимание образования как системного феномена.

На самом деле трактовок понятия «образование» чрезвычайно много в силу важности, системности, неоднозначности и, зачастую, субъективности этого понятия. Но мы приведем в качестве примера некоторые наиболее общеупотребительные и авторитетные определения:

- «...единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [12].

- «Процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. ... передача от поколения к поколению знания всех тех духовных богатств, которые выработало человечество, усвоение результатов общественно-исторического познания, отражённого в науках о природе, обществе, в технике и искусстве, а также овладение трудовыми навыками и умениями» [2].

- «... процесс педагогически организованной социализации, объединяющий обучение и воспитание, обеспечивающие культурную преемственность поколений и готовность человека к выполнению социальных и профессиональных ролей» [1].

- «... процесс и результат усвоения человеком навыков, умений и теоретических знаний. Слово "образовывать" имеет двоякое значение. Во-первых, оно значит "выставлять образец и устанавливать предписания", а во-вторых – "формировать уже имеющиеся задатки"» [10].

- «система воспитания и обучения личности, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, функций, опыта деятельности и компетенций. В широком смысле слова, образование – процесс или продукт формирования ума, характера и физических способностей личности» [4].

Анализ данных определений позволяет нам сделать несколько выводов. Во-первых, образование, как явление, представляет собой процесс. Любой феномен может быть отнесен к одной из трех ипостасей: объект, процесс, свойство. Образование – это именно процесс, т.е. оно не имеет объектной природы, не является имманентно связанным с определенными социальными структурами, организациями, технологиями и т.д. Образование имеет определенную локализацию в некоторых социальных институтах, но может эту локализацию изменить и реализовываться через другие институты, организации и технологии. Образование представляет собой именно процесс, а реализовываться этот процесс может разными путями и способами. Соответственно, образование как процесс необходимо изначально рассматривать как постоянно меняющийся феномен. Будучи процессом, образование не может иметь неизменной объективную содержательную часть (отвечающую на вопрос о том, что передается в процессе образования). Константами могут быть лишь некоторые процессуальные характеристики образования (как реализуется данная функция), но и этот вопрос требует более детального рассмотрения.

Во-вторых, образование всегда понимается как трехкомпонентный процесс обучения, воспитания и развития [5]. Обучение обычно понимается как процесс передачи объективной информации, накопленной обществом, а воспитание рассматривается как процесс усвоения моделей поведения и нормативно-ценностных правил. При этом образование должно обязательно включать оба этих компонента. Подразумевается, что важен не столько сам факт получения человеком некоторой информации, сколько идейная окраска этой информации, контекст ее применения. Если же мы рассматриваем компонент развития, то он подразумевает определение задатков человека, выявление его способностей, создание необходимых условий для реализации врожденного потенциала, контроль и направление этого процесса.

Очень интересной является и разница в содержательном значении понятий, обозначающих образование в русском и английском языках (в западной культуре, если говорить более широко). Определение образования в Википедии в переводе идентично между русской и английской версиями. Но английское слово «education» имеет другую этимологию и содержательный акцент. Существующий в русском языке термин «образование» очевидно происходит от понятия «образ» - некоторый шаблон, стандарт, на основании которого и в соответствии с которым формируется человек как будущий элемент общества. Собственно понятие «формирование» употребляется применительно к процессу образования вполне закономерно, так как «образ» является производным от греческого слова μορφή (лат. forma – рус. форма) [15]. В греческом же языке существовало в качестве первоосновы понятие μόρφωσις, обозначающее приведение чего-то к определённой форме. Одновременно с ним, являясь логическим развитием, в Древней Греции существовало понятие «пайдейя» (др.-греч. παιδεία «воспитание детей» от παιδός «мальчик, подросток»), которое было аналогом современного понятия об образовании [14]. При этом по смыслу пайдейя понималась именно как процесс формирования. С одной стороны, формирования ребенка в соответствии с существующими культурными стандартами. С другой стороны, как процесса целенаправленного влияния на природу, фюзис (др.-греч. φύσις) ребенка и его формирования через проявление и реализацию заложенных в нем потенциалов, скрытого «идеала» [6]. Английский же термин «education» происходит от латинского ēducō, имеющего значение вести за собой, направлять, возвышать, порождать. Таким образом в западной традиции акцентируется еще один важный аспект образования – контроль и управление.

Как мы видим, образование представляет собой сложный, многоаспектный, системный процесс. Когда мы говорим «система образования», мы имеем в виду не только систему организаций и функциональных структур в социуме, реализующих образовательный процесс, но и ту сложную и многоаспектную роль, тот сложный спектр функций, который образовательный процесс реализует в социуме. Таким образом, проблема нашего исследования заключается в определении того, что такое образование и что такое система образования с системных позиций. Соответственно, наша задача состоит в том, чтобы в рамках системного подхода и теории систем дать четкое определение того, что такое образование, определить функциональную роль образования в социальной системе и составить своеобразную «функциональную модель» образовательного процесса.

Образование как процесс функционального программирования реализуется через различные социальные институты. Это, в первую очередь, специализированные учебные заведения – школы, университеты, колледжи и

т.д. Но также образование реализуется и через семью, средства массовой информации, литературу, кино, разнообразные социальные сети, игры и прочее. При этом освоение моделей поведения, нормативно-ценностных правил, получение новых знаний происходит опосредованно при любой деятельности – занятии бизнесом, политических выборах, спортивной тренировке, общении с друзьями... Таким образом, образование неправомерно называть «системой», т.к. оно не является самостоятельной функциональной подсистемой социума, а реализуется как процесс через функционирование различных подсистем социума и физически распределено между ними. Попробуем локализовать образование в функциональной структуре социума.

С точки зрения теории систем, социальная система, как целостность, имеет несколько базовых функциональных подсистем (в дальнейшем мы будем использовать аббревиатуру БФП) [8, с. 235]. Универсальными для всех систем являются четыре базовые функциональные подсистемы, реализующие четыре базовых функции¹:

1. *Система энергообмена*, реализующая функцию ассимиляции поступающей из среды энергии и выделения излишков энергии в среду.

2. *Система поддержания целостности*, необходимая для сохранения структуры системы.

3. *Система управления*, опосредующая и координирующая взаимодействие элементов и функциональных подсистем.

4. *Система воспроизводства*, выполняющая функцию самокопирования систем и наследования их признаков².

Обозначенные БФП, вполне очевидно, могут быть соотнесены с четырьмя традиционно выделяемыми сферами социальной жизни: экономика, право, политика и культура [8, с.236].

Экономика является энергообменной функциональной подсистемой, и ее функция заключается в использовании природных ресурсов в той или иной форме для удовлетворения людьми своих естественных потребностей и обеспечения тем самым функционирования общества. Экономическую БФП в свою очередь составляют подсистемы добычи ресурсов, их переработки, утилизации отходов, а также подсистемы распределения вещества и энергии (материальных и духовных благ) между всеми элементами социосистемы в

¹ Детальное обоснование концепции Базовых Функциональных Подсистем и их соотнесения со сферами общественной жизни содержится в моей книге, к которой и отсылаю заинтересованного читателя: Розанов Ф.И. Общая теория социальных систем: монография. – М.: КНОРУС, 2016. – 458 с.

² Следует уточнить, что, с точки зрения системного подхода и теории метасистемных переходов любая система рассматривается как самостоятельная целостность всегда условно. Любая система всегда (кроме предельных состояний) состоит из подсистем. При этом любая система для своих подсистем является средой, а сами подсистемы в рамках этой среды являются условно самостоятельными системами. При этом любая система также является функциональной частью более общей материнской системы, в рамках которой она рассматривается как функциональная подсистема.

соответствии с потребностями социальной системы и потребностями составляющих ее социальных элементов.

Право является подсистемой, функция которой – поддержание общей целостности социосистемы и регулирование внутренних функциональных процессов. В социуме данная функция осуществляется за счет действия соответствующих правовых норм (законов, обычаев, традиций, моральных норм и т.д.). В соответствии с этим к данной БФП относятся охрана границ, системы по поддержанию правопорядка, т.е. избавления социального организма от вредоносных агентов, система здравоохранения, система борьбы с разнообразными чрезвычайными ситуациями и т.д.

Политическая система представляет собой функциональную подсистему управления. Эта БФП развивалась в социуме и эволюционировала по сценарию, аналогичному для биологических систем. Система управления обеспечивает восприятие информации из внешней среды и из внутренней среды от функциональных подсистем, запоминание информации, ее обработку, а также коммуникацию между различными подсистемами. К системе управления относятся различные органы власти и административно-чиновничьи структуры, структуры самоуправления, а также различные формы и механизмы взаимовлияния общества и власти. Помимо этого, к политической системе относятся соответствующие подсистемы, обеспечивающие сбор и анализ сведений, системы принятия решений и системы их непосредственного осуществления (министерства, агентства и т.д.).

Культура, в рамках системного подхода, понимается как функциональная подсистема воспроизводства. Роль культуры как системы воспроизводства общества и сами механизмы «социальной наследственности» настолько мало исследованы, что их рассмотрение необходимо провести более детально. Зачем вообще в эволюционной перспективе в социосистемах возникает культура, какова сущность социального воспроизводства и в чем его функциональное значение? Любая система представляет собой совокупность элементов, упорядоченных в единое функциональное целое посредством какого-либо взаимодействия. При этом каждое из взаимодействий представляет собой не что иное, как реализацию одного из фундаментальных законов природы. Можно сказать, что взаимодействие элементов предопределяет функциональную роль каждого из элементов и свойства самой системы в целом. Т.е. элемент, взаимодействующий с другими элементами в процессе системогенеза, фактически «программируется» фундаментальными законами взаимодействия на определенное место и определенную функциональную роль в системе. Это «программирование», эту фундаментальную предопределенность можно трактовать как своеобразный базовый уровень наследственности, присущий самой природе даже на ее самом фундаментальном физическом уровне.

Именно в том, чтобы каждый элемент занимал подходящее ему место в системе и обладал необходимыми функциональными свойствами, и состоит функциональный смысл наследственной системы. В простых физических и химических системах элементы занимают необходимое положение в системах «автоматически», в результате самоорганизации элементов в процессе непосредственного взаимодействия путем действия фундаментальных сил. Однако, на биологическом уровне непосредственное взаимодействие всех элементов друг с другом уже невозможно в силу возросших размеров системы и для воспроизводства столь сложных систем возникли механизмы опосредованного взаимодействия элементов через специфические структуры функционального программирования элементов и сохранения этих функциональных программ в подсистеме воспроизводства – ДНК. ДНК позволяет биологическим системам расширять свой объем и увеличивать свою сложность, поскольку непосредственное взаимодействие всех элементов системы уже ненужно – клеткам достаточно иметь функциональную программу ДНК и взаимодействовать только с ближайшими клетками окружения.

Таким образом, смысл существования носителей наследственной информации – в опосредовании взаимодействия элементов системы, позволяющем системе существовать и функционировать без непосредственного взаимодействия всех элементов системы. Общий же смысл системы наследственности – в самовоспроизводстве системы путем функционального программирования элементов. Аналогично и с социосистемами – смысл существования культуры, системы социализации и образования не в каком-то эфемерном просвещении людей или их облагораживании, а в их функциональном программировании для воспроизводства функциональной структуры общества. Человек, вырастающий в определенном культурном окружении, становится членом данной социосистемы, хотя взаимодействует в процессе своей жизни только с ограниченным числом непосредственно окружающих его социальных элементов.

Культура, как базовая функциональная подсистема воспроизводства, имеет три уровня:

1. Внешняя по отношению к индивидам социальная среда как источник поведенческих традиций, передающихся путем социальной эстафеты (М.А. Розов) [9];

2. Медийная среда, формируемая СМИ и другими источниками информации;

3. Материальный субстрат наследственной системы социума, передающийся через антропогенную среду.

Конкретное функциональное устройство социосистем чрезвычайно сложно, и функциональное программирование (передача наследственной информации) в них осуществляется множеством различных способов. Однако

существуют и специализированные социальные институты функционального программирования. Официально существующий специализированный социальный институт функционального программирования – система образования, имеющая дифференциацию по уровням и специализации. Однако существуют и многочисленные другие институты, участвующие в образовании, такие как семья, церковь, различные референтные группы, СМИ и т.д. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям человек может читать книги, смотреть фильмы, получать разнообразную информацию через Интернет и другие источники, приобщаясь к глобальной культурной информационно-технологической матрице без участия специализированных образовательных институтов. Кроме того, если мы говорим об усвоении традиционных форм поведения, стандартных поведенческих моделей, то такие модели усваиваются и закрепляются человеком в процессе любого повседневного социального взаимодействия и, таким образом, институтом традиционной, или обычной (по аналогии с обычным правом) социализации человека является все общество в целом.

В процессе рассмотрения четырех БФП становится очевидным, что традиционное выделение социальных институтов как функциональных подсистем общества, является необоснованным, поскольку каждый из социальных институтов является воплощением всех функциональных подсистем общества одновременно. Разве можно сказать, что армия, полиция, система здравоохранения, церковь или семья не выполняют сразу все базовые функции – экономическую, правовую, культурную, политическую? Поэтому выделение социальных институтов есть выделение структурных частей социума, но они не являются его функциональными подсистемами. БФП локализованы в каких-то конкретных социальных институтах чисто условно.

Если мы говорим об образовании, то, очевидно, что по своим функциональным характеристикам оно относится к сфере культуры, т.е. БФП воспроизводства. При этом мы понимаем, что при анализе образования мы должны учитывать, что в нем частично реализуются функции экономики, права и политики. Соответственно, если мы говорим о факторах, которые определяют тенденции в развитии образования, то мы должны учитывать факторы всех БФП. И если мы говорим о том, каким будет образование в будущем, то мы должны моделировать не только выполнение образованием своих прямых функций, как части БФП культуры, но и функций экономики, права и политики. Именно эти четыре БФП мы можем выделять достаточно определенно. Но даже в этом случае необходимо понимать, что их структура и функции во многом пересекаются и дублируются. Более мелкие дочерние функциональные подсистемы этих БФП зачастую имеют еще менее определенный функциональный статус. Например, куда отнести литературу или кинематограф? Понятно, что это в первую очередь часть культуры. Но они

прекрасно используются и в управлении, и в нормативно-правовом регулировании. А какой важной частью экономики является в современном мире кинематограф – объяснять не нужно. В соответствии с этими выводами перед нами встает следующий вопрос: какие функции образование реализует в рамках БФП экономики, права, политики и культуры?

Культура, как БФП воспроизводства, выполняет функцию передачи наследственной информации и функционального программирования элементов общества – людей. Материальная культура, в любых своих проявлениях, является носителем наследственной информации и ее можно уподобить механизмам передачи наследственной информации в биологических организмах. В этом случае, продолжая аналогию, образование можно сравнить с системами транскрипции ДНК и синтеза на основе ДНК отдельных белков, а также с механизмами межклеточной передачи наследственной информации. Образовательная система (в самых разных своих воплощениях) функционирует именно так: из элементов культуры выбирает необходимые составляющие и на их основе формирует необходимые знания, умения, навыки, нормативно-ценностные модели человека. В соответствии с требованиями социума (организма) образовательная система формирует необходимые элементы системы (белки), наделенные определенными функциональными качествами и свойствами. При этом определенные функциональные характеристики социальных элементов заложены в них изначально и определены их происхождением, т.е. биологическим родством и особенностями социальной среды, в которой они родились (что аналогично механизмам клеточной передачи информации).

Так же до известной степени можно провести аналогию с механизмами комплементарности в передаче наследственной информации ДНК. Потенциал человека в виде его генетики и физиологических особенностей для максимального развития должен полностью, комплементарно соответствовать факторам среды. В идеале культура должна формировать функциональную и информационную среду в комплементарном, т.е. точном соответствии со способностями и особенностями человека, подобно тому, как в процессе репликации ДНК ее дочерняя копия формируется на основе подбора нужных нуклеотидов в строгом соответствии со структурой материнской ДНК. Отсюда следует, что скоринг и сортинг (т.е. технологии оценки, формализации, анализа, отбора и распределения) – важнейшая и имманентная составляющая образования. Если функциональное программирование основано на формировании у социальных элементов определенных свойств и качеств, то это возможно только в соответствии с внутренним потенциалом, врожденными качествами людей, определенных их биологической природой. Соответственно, культура изначально должна быть организована таким образом, чтобы стремиться к максимально точному определению биологического и

психологического потенциала человека, его способностей и возможностей, а затем целенаправленно, в соответствии с потребностями общества, создавать именно такие условия развития, которые максимально бы этому потенциалу соответствовали. Закономерно, что и функционирование человека в социуме тоже должно быть комплементарным, т.е. таким, чтобы его деятельность была максимально эффективной и полезной. Здесь, правда, возникает вопрос о том, насколько эффективность использования человеческого потенциала в обществе будет соотноситься с индивидуальным счастьем конкретных людей. Но этот безусловно важный вопрос выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, в системе культуры образование выполняет функцию функционального программирования социальных элементов за счет непосредственной передачи наследственной информации, формирования условий среды, а также сортировки и определения элементов в соответствии с их функциональным потенциалом. Именно эти три функции и являются главными для образования: функциональный сортинг и скоринг, формирование эффективной программирующей и развивающей среды, передача информации и поведенческих моделей. На основе данных выводов мы можем сформулировать рабочее определение образования - процесс функционального программирования социальных элементов путем определения и оценки (скоринга) их актуальных и потенциальных функциональных свойств, отбора и распределения (сортинга) элементов в функциональной структуре социума, а также создания необходимых условий для максимально эффективного, комплементарного обучения, воспитания и развития элементов с целью их максимально эффективного дальнейшего функционирования в социуме.

Теперь разберем более подробно роль образования в рамках других БФП. Начнем с функциональной роли образования в экономике. В определенном смысле образование можно уподобить добывающей и обрабатывающей промышленности. Людей можно рассматривать как экономический ресурс, где определенные качества и способности имеют ту или иную социальную ценность. Образование в этом случае заключается в том, что оно выявляет, отсеивает и обрабатывает социальные элементы, как обрабатывают алмазы или металлы, проявляя и усиливая в них нужные характеристики, добавляя недостающие качества и подавляя ненужные. Одновременно с этим система образования выполняет функцию распределения ресурсов, таких, как информация, знания, доступ к технике и технологиям, возможности трудоустройства, социальных лифтов и социальных связей. Кроме того, образование можно рассматривать и как систему удовлетворения жизненных потребностей людей. В первую очередь, познавательного инстинкта, потребности в информации – люди нуждаются в информации, в знаниях ради интереса и развлечения. И через классическую институциональную систему образования, и через научно-популярные или развлекательные образовательные

ресурсы они эту потребность эффективно удовлетворяют. Сюда же относятся и всякие не слишком функциональные кружки по интересам: шахматы, танцы, вышивание крестиком и т.д. – люди что-то изучают, получают какие-то знания, но для своего удовольствия. Хотя и здесь есть функция сортинга, поскольку среди этих поклонников хобби могут оказаться экономически ценные или общественно полезные индивиды. Ну и конечно же образование позволяет в известной степени удовлетворять инстинкт агрессии в форме стремления к социальному доминированию за счет повышения статуса и улучшения общественного положения.

Будучи функциональной частью правовой БФП, образование реализует функцию поддержания целостности социума за счет того, что приобщает людей к существующим правовым принципам и формирует необходимые нормативно-ценностные модели. Кроме того, в рамках образовательной системы формируются модели поведения, необходимые для правильного и эффективного функционирования элементов и поддержания ими своих функциональных свойств путем контроля состояния здоровья, грамотного поведения в чрезвычайных ситуациях. Точно так же, являясь практически всеохватной системой, образование выполняет функцию сортинга уже применительно к правовой сфере за счет выявления и отбора людей по степени их правовой грамотности, законопослушности, потенциальной криминальности и противоправности.

В рамках политической БФП управления система образования играет сложную и многоплановую роль. Управление, в первую очередь, подразумевает восприятие информации из внешней природной и внутренней социальной среды. Система управления не может это делать самостоятельно – депутаты не совершают открытия в физике или биологии, а президенты не проводят археологические или лингвистические исследования. Сбором информации занимается наука как в теоретическом, так и в прикладном варианте. При этом совершенно очевидно, что научная деятельность, как одна из высших форм творчества, подразумевает наивысший уровень образования. Можно даже утверждать, что творчество в сфере науки требует большего уровня подготовки, чем творчество в сфере искусства, поскольку подразумевает точность, методологическую выверенность, недвусмысленность результатов. И одновременно с этим научное творчество подразумевает достаточно широкую эрудированность и освоение передовых технических и технологических средств. Очевидно, что занятие наукой является главным и, в общем-то, единственным источником объективной информации о мире. И вне системы образования наука существовать не может по целому ряду причин:

1. Научные кадры необходимо воспроизводить непрерывно, а с развитием и усложнением научных знаний и научных методов это становится все более

непреложным. Соответственно, разделить научное творчество и образование невозможно.

2. Наука ускоряется все больше и больше в своем развитии, и новые знания, как и новые методы, появляются со все большей скоростью. Соответственно, сейчас нельзя просто «выучиться» на ученого и всю жизнь работать в какой-то сфере – необходимо непрерывно учиться, получать новые знания, овладевать новыми методами и, может быть, вообще менять научную специализацию.

3. Научные знания имеют общеобразовательный и общеразвивающий характер и, соответственно, должны идти в образование как в институциональном (школы, вузы и т.д.), так и в популярном форматах (фильмы, передачи, книги).

4. Научные знания и методы теперь нужны практически во всех видах деятельности и, как следствие, образование подразумевает достаточно обширную научную теоретическую подготовку и освоение специальных научных методов в изучаемой области.

Следствием неразрывной интегрированности образования и науки является то, что функция анализа и обработки информации тоже в очень большой степени относится к образовательной системе, но в основном – к системе высшего образования и подготовки кадров высшей квалификации. Анализ разнообразных данных требует высокой квалификации, и не всегда у системы управления в государстве есть необходимые ресурсы и необходимая компетенция. Неразрывно с получением информации связка образование-наука реализует функцию хранения информации. Понятно, что хранение информации осуществляется очень многими способами в рамках культуры. Но образование тоже играет в этом существенную роль. Причем как в плане хранения формальной информации через специализированные информационные носители, так и в плане передачи информации неформальным путем через традиции, сложившиеся практики, общую культурную среду (в том числе и материальную в виде зданий, оборудования, антуража и т.д.).

Система образования выполняет также и коммуникационные функции. С одной стороны, понятно, что основным коммуникационным каналом для реализации властного управления являются средства массовой информации, различные сферы искусства (литература, кинематограф, театр и т.д.), а также сфера entertainment, или, говоря по-русски, сфера развлечений, которая так или иначе доносит до обывателя различные символы, смыслы, установки и т.д. С другой стороны, образование как коммуникативная система позволяет доносить решения, мнения и ценности власти до очень восприимчивой социально важной и активной аудитории. При этом ценность такой информации и эффективность ее донесения будет достаточно высокой, поскольку ее источником будут образованные и уважаемые в обществе люди – педагоги и ученые. Не случайно образование всегда очень тесно связано с

воспитанием, идеологией, просвещением. Если наука в силу своей направленности на постижение истины может себе позволить определенные академические свободы, то система образования, особенно государственная и особенно начального и среднего уровня, очень и очень тесно интегрированы в БФП управления.

Власть как систему управления традиционно принято делить на законодательную, исполнительную и судебную. К судебной ветви власти, в силу ее специфики, образование прямого отношения не имеет, а вот с двумя другими связано достаточно тесно. Законотворчество неизбежно подразумевает привлечение академических специалистов к процессу разработки законов. Кроме того, сама политическая система требует специфического образования, которое можно получить только через серьезную подготовку кадров в системе высшего образования и в собственных институциях властной элиты по передаче опыта, знаний и связей, т.е. образование выполняет функцию воспроизводства элиты, способной разрабатывать и принимать законы. Не менее важную роль система образования играет в системе исполнительной власти. Исполнительная власть формирует общество таким, каким его планирует элита, а также в соответствии с объективными потребностями и интересами общества. Таким образом, мы видим естественное и закономерное родство исполнительной власти, как силы, формирующей общество, и системы образования, которая формирует отдельных людей, составляющих это общество. В этом свете образование видится неотъемлемой частью и прямым продолжением исполнительной власти.

Проведенные исследования позволяют нам сделать следующие выводы. С системных позиций образование следует рассматривать как часть культуры – базовой функциональной подсистемы воспроизводства социума. При этом образование представляет собой не объект, а процесс, локализующийся и реализующийся в различных функциональных институтах и структурах социальных систем. Нам удалось сформулировать рабочее определение образования, а также проанализировать реализацию образовательного процесса в базовых функциональных подсистемах: экономике, политике, праве и культуре. Это позволило определить, что основополагающей функцией образования является функциональное программирование элементов социума через прямую передачу наследственной информации, формирование условий среды, а также сортировки и определения элементов в соответствии с их функциональным потенциалом. Системный подход дает возможность разработать структурно-функциональную модель реализации образовательного процесса в социальной системе. Такая модель не только позволяет лучше понять реализацию образования в различных сферах социума, но и дает возможность более глубокой интеграции теории образования с экономикой, политикой социологией, а также техническими науками.

Образование не связано напрямую с деятельностью специальных учреждений и социальных институтов, не локализовано в них, а реализуется системно в разных частях общества. Локализация образования в конкретных организациях и учреждениях – это закономерная стадия на определённом уровне развития цивилизации, но это не является непреложным и обязательным правилом. С трудом, но можно представить себе развитие общества, в котором процесс образования будет протекать только опосредованно, через другие социальные институты и процессы. Понимание процессуальности образования рисует перед нами в перспективе естественный отказ от специализированных образовательных учреждений, все большую системную интеграцию разных форм образования в единый процесс и единую систему. Вместе с тем становится понятным, что идея непрерывности образовательного процесса лежит в основе самой сути образования, поскольку образование – это процесс. Соответственно, в перспективе мы предполагаем, что функциональное программирование человека через систему образования будет идти непрерывно до конца его жизни, т.к. ускоряющееся развитие цивилизации требует постоянной корректировки и развития функциональных свойств человека. Помимо этого, очевидной становится закономерность и неизбежность развития дистанционных форм образования. Дистанционные технологии, моделирование вместо практической деятельности, виртуализация, коллективная работа в распределённых сетевых структурах и другие подобные технологии с неизбежностью будут замещать традиционную локализованную структуру образовательных учреждений, а педагог все больше будет играть роль куратора и тьютора.

Образование как система передачи информации естественным образом развивается синхронно с развитием информационно-коммуникационных технологий. На современном этапе на структурно-функциональную организацию образования влияет развитие интернета и технических средств коммуникации. А вот на сущностные аспекты образовательного процесса влияют уже более продвинутые ИКТ технологии – системы искусственного интеллекта, BigData, виртуализация и метавселенные. Такие технологии позволяют человеку не только легко получать доступ к любой информации, но, что самое важное, делают этот процесс максимально индивидуализированным и личностно ориентированным, в отличие от массового и статистического по своей сути классического образования. Но вероятно самым большим по значению будет развитие технологий скоринга и сортинга. Это направление будет определяться прогрессом в области естественных наук и, в первую очередь, генетики, физиологии, нейрофизиологии, а также технологиями исследования, анализа и оценки врождённых способностей и потенциала развития человека. Понимание фундаментальной роли скоринга и сортинга в образовании (сильно недооцененной в настоящее время) позволяет

предположить, что магистральной линией развития образования станет всесторонняя формализация и алгоритмизация учебного процесса, связанная как с отбором и распределением учащихся, так и с формированием индивидуализированных учебных программ, а также оценкой результатов образовательного процесса. При этом можно предположить, что будет происходить параллельное интенсивное развитие тестовых технологий для объективного формального оценивания участников образовательного процесса, и превентивных, эвристических, не инвазивных (если можно так выразиться применительно к социально-психологическим исследованиям) методов оценки, которые позволят гибко и непрерывно осуществлять контроль над образовательным процессом и управлять им.

В своих предыдущих исследованиях нами было показано, что в настоящее время глобальная цивилизация находится в стадии формирования Управляемого общества (Managed Society) и развитие технологий управления как отдельными социальными элементами, так и обществом в целом – это магистральное направление развития. В этой связи управленческая роль образования будет становиться все более и более важной, а может и доминирующей. При этом следует понимать, что управление – процесс отнюдь не гуманистический. По определению, власть функционально не заинтересована в большом количестве универсальных и по-настоящему умных и широко образованных людей. Видимо, общество будет в еще большей степени разделяться на управляющую элиту, обладающую системным мышлением, и мифологизированные массы, имеющие узкоспециализированное профессиональное образование. Разделяй и властвуй – этот принцип никуда не делся. Вместе с тем никуда не делось и диалектическое противоборство двух тенденций системной эволюции – универсализация и специализация. И это важнейший фундаментальный вопрос: каким образом при росте сложности цивилизации, технологий, увеличении количества информации и интенсификации информационных потоков человек сможет с этим справиться. Скорее всего, в существующем виде человек не может адаптироваться к происходящим переменам и быть по-настоящему полноценно культурным и образованным. Его удел – узкая специализация. И это одна из причин технологической сингулярности. Но, возможно, развитие биотехнологий и процесс трансгуманизма смогут дать человеку возможность догнать происходящие изменения, а может и эффективно управлять ими? Это вопрос, на который у нас нет пока ответа, но который должен стать одной из ключевых тем исследования перспектив образования.

Обобщая результаты проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы. Применение системного подхода к определению роли образования в социальных системах показывает, что образование является гораздо более сложным и многоаспектным процессом, а также играет гораздо

более важную системообразующую роль, чем это принято было считать. Одновременно с этим мы понимаем, что образование в гораздо большей степени зависит от передовых научных технологий, и эта зависимость носит фундаментальный, имманентный характер, напрямую определяя развитие образовательной системы как по форме, так и по содержанию. Проведенные исследования показывают, что образование стоит на пороге кардинальной трансформации, вероятно самой масштабной и самой существенной за всю историю самого существования образования. Понятно, что происходящие перемены носят очень сложный и дискуссионный характер. Но, с нашей точки зрения, происходящие перемены в образовании являются следствием масштабных тектонических перемен в самой цивилизации, обусловленных глобализацией, развитием ИКТ и приближением технологической сингулярности. И, как следствие значение, будет иметь вопрос не о нашем отношении к этим переменам, а о том, как и каким конкретно путем эти перемены будут происходить, как сделать происходящие перемены максимально безболезненными и адекватными как для самих людей, так и для общества в целом. Разработанная нами функциональная модель образования в социальной системе не отвечает в настоящее время на эти вопросы, но содержит необходимый теоретико-методологический и эвристический потенциал для разработки данных вопросов. И именно эти исследования станут основным направлением развития предложенных в данной статье идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://bigenc.ru/section/education> (дата обращения: 21.03.2022).
2. Большая советская энциклопедия. Том 18. Никко-Отолиты. 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 632 с.
3. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е, дополн. / В.Г. Буданов. – М.: Издательство ЛКИ, 2009 – 240 с.
4. Википедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Гусейнов А. А. Образование, обучение, воспитание // Ведомости прикладной этики. – 2005. – №26. – С. 88-102. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-obuchenie-vospitanie> (дата обращения: 21.03.2022).
6. Образование в Древней Греции. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ozareniye.livejournal.com/111533.html> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Прайд В., Коротаев А.В. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего (серия публикаций Центра цивилизационных и региональных исследований «Диалоги о будущем») / В. Прайд, А.В. Коротаев. – М.: ЛКИ/URSS, 2008. – 320 с.
8. Розанов Ф.И. Общая теория социальных систем: монография / Ф.И. Розанов. – М.: КНОРУС, 2016. – 458 с.

9. Розов М.А. Что такое теория социальных эстафет // Epistemology & Philosophy of Science. – 2017. – №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-teoriya-sotsialnyh-estafet> (дата обращения: 21.03.2022).
10. Современный философский словарь. Под общей ред. д. ф. н., профессора В.Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. – 1064 стр.
11. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под редакцией В. Бажанова, Р.В. Шольца. – М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. – 564 с.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 21.03.2022).
13. Фёдоров А.А., Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. «Конвенция поколений» в новом мире образования // Высшее образование в России. – 2018. – №7. – С. 28-38. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konventsiya-pokoleniy-v-novom-mire-obrazovaniya> (дата обращения: 21.03.2022).
14. Человек и общество: Культурология. Словарь-справочник. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://man_society.academic.ru/267/Пайдейя (дата обращения: 21.03.2022).
15. Этимологические онлайн-словари русского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/o/образ> (дата обращения: 21.03.2022).
16. Kurzweil R. The Singularity Is Near / R. Kurzweil. – N. Y.: Viking, 2005. – 602 p.

ПРОСВЕЩЕНИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

Н.А. Гильмутдинова

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В статье предложен анализ выдающегося проекта культуры Нового времени – проекта Просвещения. Поставлен вопрос: насколько он современен, приведены доводы Ю. Хабермаса и М. Фуко. Эта теоретическая основа позволяет рассмотреть ведущие тенденции в современном отечественном образовании и сделать вывод об их просветительских истоках.
Ключевые слова: Просвещение, рациональность, знание, наука, прогресс, современность / постсовременность, образование.

ENLIGHTENMENT, MODERNITY, EDUCATION

N.A. Gilmutdinova

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The article offers an analysis of an outstanding project of Modern culture – the Enlightenment project. The question is raised: how modern is it, the arguments of Yu. Habermas and M. Foucault. This theoretical basis allows us to consider the leading trends in modern domestic education and draw a conclusion about their educational origins.

Keywords: Enlightenment, rationality, knowledge, science, progress, modernity / postmodernity, education.

Что касается мотива, который двигал мной, то он очень прост... Это — любопытство или по крайней мере тот единственный вид любопытства, который стоит практиковать с определенной долей упорства. Речь идет не о том любопытстве, которое направлено на усвоение того, что положено знать, но о том, которое дает возможность отстраниться от самого себя. Чего стоило бы познание со всем присущим ему упорством, если бы оно должно было обеспечить всего лишь количественное усвоение знаний и не предполагало бы освобождения — особого рода и в той мере, в какой это возможно, — от автоматизма сознания для того, кто познает?

М. Фуко

Ко второй половине XX века в мире происходит закат больших идеологических и/или исследовательских парадигм — таких, как структурализм, марксизм, социальная феноменология. Социум изменяется, иным становится и самосознание индивида в нем. Темп социальных изменений ускоряется, резко возрастает гражданская активность, заявляют о себе новые экологические, антивоенные и феминистские организации и общественные движения, наполняя улицы американских и европейских городов. С одной стороны, благодаря новым информационным, индустриальным и социально-политическим технологиям мощь человеческого общества достигает чрезвычайно высокого уровня. С другой стороны, практически любой человек в социуме лишается иллюзии своей бессубъектности, больше не ощущая себя детерминированно-пассивным элементом предзаданной ему социальной структуры. Как гласил один из лозунгов студенческих движений конца 1960-х — начала 1970-х годов, — «Структуры не выходят на улицы».

«Эта ситуация новой социальной реальности становится вызовом для социальных мыслителей. Как обосновать производимое ими знание, какой статус ему придать? Явно устаревшими теперь выглядят подходы, развившиеся в рамках обеих больших традиций социальных наук первой половины XX века — условно говоря, дюркгеймовской и веберовской. С одной стороны, архаичным и не соответствующим реальности кажется исходный тезис социальной науки дюркгеймовского типа, согласно которому действия, мысли и чувства людей определяются внешними и не зависящими от них социальными структурами и институтами. С другой стороны, неудовлетворительным выглядит теперь и основной принцип ориентированной на субъекта веберовской социальной науки. Становится затруднительным понимать человека, действующего по-старому, — как субъекта «внутренних» и первичных по отношению к социальным институтам ментальных (или «духовных») сущностей — смыслов, мотивов, интенций — и рассматривать последние как причины социальных действий и складывающейся из них социальной реальности» [3].

В этот период набирает популярность идея мультикультурности, калейдоскопичности культур, опирающихся на типы рациональности, часто противоположные друг другу, иногда несоизмеримые и содержательно, и

знаково-символически. В это время философия науки в ходе постпозитивистских штудий, представленных в книгах Т. Куна, М. Полани, П. Фейерабенда, обсуждает тезис об исторической смене возможно несоизмеримых научных парадигм, научно-исследовательских программ и методологических принципов, а, следовательно, о множественности «природных миров», в которых жили и живут ученое сообщество и деятели повседневности. Тогда же в научном сообществе набирают популярность философия языка Л. Витгенштейна (теория «языковых игр») и философия действия Д. Дэвидсона (принцип множественности «форм жизни»). Схожую роль в лингвистике сыграла гипотеза «языковой относительности» Э. Сепира и Б. Уорфа, а в литературе – представление Х. Л. Борхеса о реальности как «саде расходящихся тропок», как о вавилонской библиотеке бесконечного множества различных и часто непереводаемых друг в друга миров культуры.

Идея множественности рациональностей и реальностей человеческого бытия способствовала переосмыслению взгляда М. Вебера на современность как единую «западную рациональность», как эпоху тотальной рационализации общественной жизни. Новые представления о моральной, психологической, социальной, экономической и пр. «природе человека» – точнее о ее отсутствии – подпитывают плюрализацию различных человеческих миров как в синхроническом (другие культуры), так и в диахроническом измерении (миры прошлого).

К 1980-м годам в университетских кругах становится популярным дискурс о постмодернизме, или о постсовременности как о новом и особом периоде развития общества; наступление этой новой эры человеческого развития диагностировали, в частности, Жан-Франсуа Лиотар в книге «Состояние постмодерна. Доклад о знании» (1979) [см. 5] и Юрген Хабермас («Модерн – незавершенный проект», «Философский дискурс о модерне») [8; 9].

С точки зрения Ю. Хабермаса, «модерн» и «постмодерн» предстают как альтернативные философско-политические программы, которые предполагают два разных взгляда на взаимоотношения «жизненного мира» людей и естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Хабермас трактует «современность» («модерность») как особый исторический проект, сформулированный еще философами европейского Просвещения в XVIII веке. В этой логике Просвещение и современность являются синонимами. То, что называется «веком Просвещения», отмечено неколебимым упованием на человеческий разум. О Разуме тогда писали и говорили почти все. Не только писатели и философы, но даже монархи готовы были признать его исключительный суверенитет в любой сфере человеческой деятельности. «Природа, как объект познания, казалась абсолютно прозрачной для света разума. В ней нет никаких тайн; она подчинена строгим математическим законам, и совершенное знание о ней – дело недалекого будущего. Также и человеческое общество живет в соответствии с неизменными принципами, которые должны быть раскрыты усилием разума. Сам человек, его душа и тело, превращается в предмет исследовательского интереса. Разум проникает

повсюду, ему открыто всё. То, что не от разума, что не выдерживает его просветляющей критики, не имеет права на существование, должно быть отброшено как предрассудок» [1, с. 289].

XX век демонстрирует, что безоговорочный оптимизм веры в прогресс человеческого разума и эффективность вооруженного им деятеля оказывается в глубочайшем кризисе. «Инструментальная рациональность, воплотившаяся в успехах естественных и социальных наук, в развитии технологий, была использована в целях, прямо противоположных тем, которые имел в виду эмансипационный проект Просвещения. Она породила новые, невиданные ранее виды оружия, в частности, оружие массового уничтожения, она способствовала формированию массовых обществ, она была поставлена на службу тоталитарным режимам и способствовала развитию новых форм и технологий господства, она привела к развитию новых форм эксплуатации. В послевоенное время она породила феномен массовой культуры, который в условиях постиндустриального информационного общества ведет к обеднению, стандартизации и утилитаризации жизненного мира людей» [3].

Однако, согласно Хабермасу, кризис проекта модерна не означает, что мы должны отказаться от самого принципа рациональности и от рационализации общественной жизни, этот проект на сегодня не завершен. Думается, основной темой всего творчества мыслителя и является модерн как незавершенный проект. Теория коммуникативного действия Хабермаса в этой логике является попыткой продолжить (и завершить? — Н.Г.) этот проект: в современном обществе должны быть созданы нормативно-правовые основания универсальной *коммуникативной рациональности*. Именно она лежит в основе упорядочения и регламентации всей сферы публичности, а потому обеспечивает возможность самоуправления социума и рационального консенсуса в нем; именно поэтому культура обретает влияние на процессы социальной модернизации.

Оппонентом Ю. Хабермаса выступает М. Фуко, настаивая на идее множественных рациональностей: ни одна из них не может и не должна быть отождествлена с «разумом» и с «рациональностью как таковой». В статье «Что такое Просвещение?», своеобразным образом перекликающейся со статьей И. Канта [см. 2; 7], Фуко предлагает иное, по сравнению с Хабермасом, решение проблемы рациональности модерна и постмодерна.

Согласно подходу французского мыслителя, «современность» не следует понимать как успешный или провальный рационально-классический проект Просвещения, сформировавшийся в XVIII веке. М. Фуко мыслит современность в другой логике: как «установку современности» (*attitudedemodernité*), как этико-методологическую позицию исследователя по отношению к миру и самому себе, то есть как философский этос, воплощенный в исследовательских практиках европейского Просвещения.

Как писал в самом начале своей статьи Кант, «Просвещение – это выход человека из состояния несовременности, в котором он находится по собственной вине» [2, с. 26]. Этот «выход», согласно Фуко, не означает резкий

скачок в новое состояние или новую эпоху. Это долгий и мучительный процесс интеллектуальной «эмансипации», критической рефлексии над настоящим и прошедшим временем, над работой мышления, занимающегося подобного рода аналитикой. Именно такая непрекращающаяся «работа над ошибками» делает мысль свободной и творческой, превращая нас в подлинных субъектов собственного разума. Так, Фуко пишет: «Если Кант ставил вопрос о том, через какие границы познание должно отказаться переходить, то сегодня, мне кажется, критический вопрос должен быть обращен в позитивный вопрос: в том, что нам дано как универсальное, необходимое, обязательное, какова доля частного, случайного и вызванного произвольными принуждениями? В целом речь идет о том, чтобы превратить критику, осуществляемую в форме необходимого ограничения, в определенную практическую критику в форме возможного преодоления» [7, с. 354]. Таковым в наши дни является, по мнению французского мыслителя, воплощение «выхода из состояния несовершеннолетия» Канта, – «...я не знаю, следует ли сегодня говорить, что критическая работа все еще предполагает веру в Просвещение; но, я думаю, она по-прежнему требует работы над нашими границами, терпеливого труда, придающего форму нетерпению свободы» [7, с. 360].

В идеях просветителей не все однозначно, в их взглядах есть нечто более серьезное, чем простой гимн разуму. При этом почти абсолютное упование на рационально-теоретическое знание остается существенной чертой европейской культуры. Вера в разум оказывается одной из главных человеческих надежд. Несмотря на массовые взрывы иррационализма (например, в период между двумя мировыми войнами) и непродолжительные периоды сомнений, в жизни европейской цивилизации вполне можно увидеть отчетливый след «века Просвещения».

Однако отношение к разуму и научному знанию, выработанное в то время, отнюдь не сводится исключительно к преклонению перед ними. Как ни странно, идеология Просвещения вовсе не считает разум единственной безусловной ценностью: это означало бы чистое устремление к знанию ради него самого, некий бескорыстный интерес к знанию. Но ничего подобного мы не наблюдаем. Идеал разума весьма гармонично сочетается с другим идеалом – идеалом прогресса. Убеждение в могуществе разума подразумевает постоянное его, знания, совершенствование, всё более глубокое постижение природных и социальных законов, бесконечное накопление и расширение сферы известного и объясненного. Благодаря могуществу разума возможно и неизбежно совершенствование множества социальных институтов, отношений между людьми и материальных условий их существования, личного и общественного этоса.

Разум трудится ради практического результата: сама по себе мыследеятельность не имеет никакой цены, если она не идет на пользу жизни. Так утверждал Д. Беркли, который с большим подозрением относился к математике, например, к изысканиям в сфере исчисления бесконечно малых величин, – была подозрительна их практическая бесполезность. Конечно, не все философы и ученые Нового времени были столь утилитарны, при этом все ожидали от успехов

науки грандиозных практических свершений. Таким образом, разум оказывался всё же лишь инструментом: знание с необходимостью должно быть полезным. Принцип полезности, при всем этом, порождает множество вопросов: каковы критерии оценки полезности, к которой надлежит стремиться, что именно следует считать пользой, каким образом в этом процессе поможет разум? Но, какие бы ответы ни были получены, неизменно всегда одно: главенствующим основанием наших действий всегда были и будут знания, накопление и распространение которых сверхценно.

Именно поэтому суть разворачивающегося не одно столетие проекта образования заключается в том, чтобы утвердить в истории цивилизации кредо Просвещения: для достижения любой цели человечеству необходимо овладеть огромной суммой знаний («Знание – сила»), сформировать квалифицированных специалистов. Чем более масштабные задачи стоят перед нами, тем большее число подготовленных, образованных / «просвещенных» субъектов прогрессивных изменений требуется: так, решая общенациональные или даже глобальные задачи, общество с неизбежностью приходит к разнообразным проектам «всемирного / всеобщего образования».

Еще раз отметим: идеология Просвещения подразумевает эффективное получение и использование знаний, сама реализация всякого просветительского проекта предполагает присутствие в нём прагматической цели. Эта цель может обернуться непосредственно прямой утилитарностью, либо оказаться более отсроченной и перспективной, а иногда может быть и вовсе недостижимой.

К таким недостижимым целям с большим сожалением можно отнести, на наш взгляд, и одну из самых возвышенных и благородных: усилиями рационально-просвещенческой работы, распространения и умножения знаний воспитать в людях чувство собственного достоинства, уважения к закону и к нравственному долгу. Думается, недостаточную «укорененность» вышеуказанных качеств трудно связать с несовершенством образовательных стратегий и практик. Однако, со всей определенностью можно утверждать обратное: все эти качества совершенно не гарантированы самим образованием.

Далее попытаемся продемонстрировать высказанную мысль на отдельном примере образования и просвещения в России. Отмеченное обстоятельство демонстрирует одну из специфических черт просвещения и образования в России в прошлом и, что немаловажно, в настоящем [см. подробнее: 4].

Эпоха Петра I уже позволяет обнаружить в нашем Отечестве сформированный Просвещением интересный человеческий тип, который условно назовем так: «просвещенный раб». Действительно, уже в самом начале XVIII века в стране появляется некоторое количество по европейским стандартам образованных людей. Пройдя западные школы и университеты, возвратясь на Родину, они пытаются применить полученные знания и умения в практике реформаторской деятельности императоров и императриц. Но если посмотреть на них глазами соотечественников, то само образование, безусловно маркирующее их на общем фоне, не означает особенной

статусности – более важными обстоятельствами остаются близость ко двору, богатство, чин. Именно последние достоинства, многие обладатели которых были людьми практически безграмотными, позволяли унижать и свысока смотреть на «новых европейцев», ставить их в положение лакеев. Такая ситуация естественна для строго иерархического общества, где важны не столько образование и ум, сколько социальное положение. Однако отмеченное обстоятельство, при всей его обескураживающей несправедливости, не является основным.

Более значим другой ракурс рассмотрения данного вопроса. Согласно идеологии Просвещения, знание и образование всегда имеют прагматический смысл, они не самоценны, но всегда нужны для чего-то. Поэтому носитель знания, «образованный человек», малоинтересен сам по себе – интересно Дело, которому он служит. «Сколь бы ни был образован человек, он остается слугой системы, можно даже сказать – её собственностью. Его образование и ум принадлежат государству, и высокопоставленный государственный чиновник может распоряжаться ими по своему усмотрению. Такой человек и сам смотрит на себя как на своего рода инструмент. Его извлекли из безвестности, выучили, а теперь используют. Ни о каком собственном достоинстве речи и быть не может» [1, с. 291].

Сознание полной преданности делу (преимущественно государственному) всегда было характерно для образованного россиянина. К середине XIX века у некоторой части образованного общества только меняется вектор: Дело состоит теперь не в укреплении, а в разрушении государства. Эти люди видят себя элементом и инструментом новой социальности – революционной организации, партии, а, затем, и нового государства. К середине XX века ситуация принимает абсурдный характер: интеллигенция 1920–1950 годов – это в прямом смысле слова государственные рабы. Удивительно то, что это порабощение было во многом добровольным, не насильственным. Выдающиеся интеллектуалы и художники видели смысл собственной жизни в самозабвенном служении деспотической системе*. Эта варварская система унижала их бессмысленными идеологическими придирками, создавала чудовищные условия, лишая минимальной свободы слова и передвижения, которые необходимы для работы интеллектуалов.

В таких условиях образование зачастую приобретает характер «вербовки кадров» для обслуживания государственной системы. Для самого существования государства оказывается необходимостью вовлекать множество людей в государственные образовательные проекты. В значительной мере советские образовательные практики становились инструментом приспособления практически каждого человека к решению разнообразных государственных задач. Дело облегчалось тем, что образование находилось в

* Словосочетание «смысл жизни» понимается здесь буквально: тоталитарное государство требовало человека целиком, претендовало на него, как на свою собственность, полностью (тотально) растворяло его в себе и растворялось в нем. Самые образованные и творчески активные россияне отдавали себя советской Родине с готовностью и без остатка.

значительной мере в руках тех интеллектуалов, которые, будучи сами рабами государства, плодили себе подобных.

Трудно ответить на вопрос, в какой мере представленный тип сохранился до нашего времени. Пронаблюдать его трансформации в современной России XXI века затруднительно хотя бы потому, что государство в течение тридцати лет то отказывалось от тотальных притязаний, то вновь к ним прибегало. С другой стороны, этот тип не мог исчезнуть просто так: убежденность в том, что образование – дело исключительно государственное, в немалой степени связана с описанным выше умонастроением. «В ситуации же, когда практически все деньги, на которые существуют университеты, получаются из одного источника и регулируются, в конечном счете, правительством, здоровая конкуренция вузов может быть только результатом специального институционального дизайна и нуждается в постоянной поддержке» [6, с. 223]. Большинство идеологов, работников системы образования и ее управленцев убеждены в том, что образование ни при каких условиях не должно быть частным делом, поскольку представляет собой способ приготовления все новых поколений россиян к служению потребностям государства. Кажется, что тоска по «национальной идее» вызвана отчасти тем, что теоретикам и практикам такой модели образования трудно существовать без тотальной идеологии или хотя бы без четко провозглашенных задач общегосударственного характера.

В постсоветской современности заметно активизировалась образовательная деятельность иного рода, существенно отличная от представленной выше, а иногда даже противоположная ей. Для нее характерна ориентация на удовлетворение частных интересов, и выражается эта практика в необычайно широком распространении юридического, экономического, социально-политологического и IT-образования. Понимание смысла образования чрезвычайно просто: оно (образование) необходимо как способ монетизации полученных знаний и умений, как инструмент получения высоких прибылей, как то, что помогает зарабатывать много денег. Немалый спрос на так трактуемое образование формирует соответствующий рынок образовательных услуг, достаточно внушительный. В рамках этого рынка и осуществляется образование, его идеология оказывается совсем иной. Здесь излишни абстрактные формулы, перечисление общегосударственных задач и слова о служении. Приоритет отдан личному, очень меркантильному успеху. И тут возникает вопрос: если нарратив представлений образования в первом случае приводил к формированию из человека просвещенного раба (в прямом и переносном смысле), то ориентирован ли второй тип образования на формирование свободного человека?

Основополагающие приоритеты второго типа образования – монетизация знаний – не так уж просты. Действительно, представить себе человека, который зарабатывает деньги только ради самих денег, достаточно затруднительно; как правило, задача получения образования состоит вовсе не только и не столько в обеспечении хороших условий жизни для себя и своей семьи. Другими словами, целью в данном случае является достижение определённого уровня

потребления и соответствие определенному стандарту потребления. Этот стандарт не всегда явно и четко эксплицирован и артикулирован, но, тем не менее, он достаточно жестоко задан социумом. Курорты, иномарки, салоны красоты и фитнес-клубы, увлекательные путешествия и престижные гаджеты маркируют социальный уровень, являясь символом социального успеха. То, насколько комфортны и удобны дорогие вещи, явно отходит на второй план. Образование в данной ситуации также, как и в первом случае, носит исключительно инструментальный характер: оно не самоценно, важно, чтобы профессия обеспечивала средствами достижение необходимого стандарта потребления. Для этого образовательного вектора неважно, кем быть – менеджером, адвокатом или программистом, полученная квалификация и само содержание образования особой роли не играют.

Сходство с первым типом образования очевидно: не личные склонности и способности задают профессиональный выбор и ориентацию индивидуального образования, а стандарты, предложенные извне. В одном случае это делает государство, во втором – общественная среда, подчинённая законам рынка. Другой ракурс отмеченного сходства носит антропологически-отчуждающий характер: у индивида формируется инструментальное отношение и к самому себе, а не только к образованию. Свои таланты и способности, черты характера и внешность, личное время и различные виды активностей он расценивает лишь как средства достижения социальных целей, навязанных ему внешними условиями, целиком отдавая себя социуму.

Ещё два обстоятельства сближают представленные нами типы образования – «государственный» и «потребительский». Это, во-первых, восходящая к идеологии эпохи Просвещения идея прогресса как одна из главных цивилизационных ценностей. В понятие прогресса органично вписывается как неуклонный рост стандартов потребления, так и укрепление государственной мощи; в обоих случаях прогресс основывается на экспоненциальном росте технологий и совершенствовании социальных институтов, хотя последние, конечно же, существенно различаются.

Во-вторых, оба социальных типа образования опираются на созданный и обоснованный эпохой Просвещения культ рациональности. Как «государственная», так и «потребительская» модели имплицитно подразумевают использование рационально-логических средств и схематик при продвижении к конкретным целям, а внерациональные (мистические, трансцендентные, интуитивно-эзотерические) способы сознательно и методично исключаются из сферы рассмотрения как малозначимые или вовсе фиктивные^{**}. Поэтому

^{**} Понятно, поэтому, что образовательные проекты обоих типов по преимуществу секулярны. Интересны в этом смысле активные в последнее время попытки превратить религию в часть государственной идеологии. Это подразумевает своего рода рационализацию религии, намерение представить её как преимущественно социальный фактор. Когда, например, ведутся разговоры о православии как «фундаменте русского менталитета» или, тем паче, «залоге процветания Державы», то совершается тот самый ход, который описан в статье:

образование всегда строится по дисциплинарно-научной матрице.

Все вышеуказанное не дает основания для вывода о тождестве «государственного» и «потребительского» типов образования. Их различие очевидно^{***}, а вот общие корни их сходства очевидны не столь явно, и потому данный анализ кажется небезинтересным.

Кроме всего прочего, в заключение, имеет смысл перейти к важному для нас уточнению самого понятия «просвещение». То, что обычно с ним связывают – рост образованности, порождение, накопление и распространение знаний, – ещё не исчерпывает всего содержания. Просвещение является вполне «конкретным историческим предприятием». Оно, как представляется, подразумевает решение весьма определенных социальных задач и практически исключает отношение к знанию и образованности как к самостоятельной ценности. Конечно, разные «просветители» могут преследовать прямо противоположные общественные цели. Поэтому, между прочим, от просветительских проектов далеко не всегда можно ожидать заинтересованности в гармоничном образовании и объективном знании.

Подобное отношение к знанию не является единственно возможным. В конце концов, существует и бескорыстный интерес к нему. Именно с таким бескорыстным интересом связана, в значительной мере, теоретическая наука, история которой начинается ещё в античную эпоху. Рядом с ней Просвещение, при всей его солидности, выглядит весьма молодым социальным проектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильмутдинова Н.А. Современное образование как социальный проект Просвещения / Н.А. Гильмутдинова // Россия в многополярном мире: поиск путей инновационного и креативного развития. Сборник материалов международной конференции. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 438 с. – С. 289-294.
2. Кант И. Ответ на вопрос «Что такое просвещение» // И. Кант. Сочинения: В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 25-35.
3. Каплун В. Современность по Фуко: альтернативный проект Просвещения // Неприкосновенный запас. – 2015. – №1(99). – URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2015/1>
4. Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты в России. Как это работает / Я. Кузьминов, М. Юдкевич. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. – 616 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. –160 с.
6. Сонин К. Высшее образование в России: ландшафт перед, во время и после революций /К. Сонин // Неприкосновенный запас. – 2021. – №6 (140). – С.222-229. –URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2021/6>
7. Фуко М. Что такое Просвещение? / М. Фуко //Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002.–Т. 1. – 384 с. – С. 335-360.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-44.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весьмир, 2008. – 416 с.

религия превращается в инструмент для решения конечных исторических задач. В этом случае она вписывается в просветительский идеал.

^{***} Их одновременное существование в обществе может стать источником напряженности, что, по-видимому, и происходит в современной России.

О ЦЕННОСТЯХ И ЦЕЛЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.С. Зимакова, А.В. Тищенко

Владимир, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Аннотация: Образование является одной из основополагающих ценностей современного общественного развития. В значительной степени это связано с изменениями, происходящими в реальной жизни, которые требуют повышения значения образованности в жизнедеятельности каждого человека. В данной статье рассматривается понятие «образование», акцент сделан на его целях и ценностях.

Ключевые слова: образование, общество, цели, ценности, личность, деятельность.

ABOUT THE VALUES AND GOALS OF MODERN EDUCATION

E.S. Zimakova, A.V. Tishchenko

Vladimir, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Annotation: Education is becoming one of the fundamental values of modern social development. To a large extent, this is due to the changes taking place in real life, which require an increase in the importance of education in the life of each person. This article discusses the concept of "education", the emphasis is on its goals and values.

Keywords: education, society, goals, values, personality, activity.

Образование – целая система, которая складывается из множества составляющих. Во-первых, она включает в себя учебный процесс – приобретение так называемых ЗУНов (знаний, умений, навыков), функций, компетенций. Во-вторых, образование невозможно без воспитания – полноценное развитие и совершенствование личности на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей.

Образование обеспечивает:

- необходимой совокупностью тех ЗУНов, которые позволяют правильно воспринимать и анализировать разные факты и явления окружающего мира;
- высоким уровнем способностей и умением применять полученные знания даже к неординарным ситуациям;
- навыком реактивного и правильного рассуждения и анализа.

Получается, что образование базируется не только на стандартных ЗУНах, но и на способности критически мыслить, создавать что-то новое, давать оценку происходящего с морально-этической точки зрения. Всё это становится возможным только через приобщение человека к основным видам деятельности. Таким образом, образование – это процесс, который упорядоченно организуется и нормируется общественными институтами, и происходит он на основе непрерывной передачи уже накопленного опыта.

Именно поэтому структура образования включает в себя 3 важнейших элемента, взаимосвязанных между собой:

- передача опыта;
- формирование норм поведения;
- гармоничное и полноценное развитие ума и тела.

Доктор педагогических наук В. В. Краевский в своих трудах выделяет 3 основных концепции содержания образования, которые оформились в современной российской педагогике. В рамках каждой из них положение и деятельность человека в обществе и окружающем мире трактуются по-разному.

Одна из концепций утверждает, что базу содержания образования должны составлять именно школьные науки. Они позволяют сформировать целостную картину мира и научить производству. Однако существенным минусом такого подхода является игнорирование творческих качеств личности и свободы выбора. Человек не будет готов к жизни в обществе, основанном на принципах демократии.

Другая концепция чуть шире рассматривает содержание образования, под которым она подразумевает «такую систему научных знаний, практических умений и навыков, мировоззренческих и нравственно-эстетических идей, которыми необходимо овладеть учащимся в процессе обучения» [3, с. 128].

Данная трактовка прекрасно вписывается в идейные установки конформизма. Оно предполагает, что ЗУНы по школьным предметам в достаточной мере позволят человеку разумно действовать внутри того общества, в котором он окажется. Однако и эта концепция имеет свои минусы. Во-первых, она слишком поверхностно определяет саму суть этих ЗУНов. Во-вторых, она не анализирует весь состав человеческой культуры и отдельно взятой личности.

Современным реалиям российского образования этого недостаточно. За последние несколько десятилетий жизнь в обществе подверглась коренным изменениям. Какие-то сферы ушли в прошлое, но им на смену пришли совершенно новые, требующие от людей новых подходов, специализаций, мобильности. Появились новые задачи, связанные с функционированием определённых сфер жизни общества. И они требуют от подрастающего поколения не только овладения стандартными ЗУНами. Чеслав Куписевич, польский педагог, автор многих книг по дидактике, отмечает необходимость формирования у детей таких качеств, как целеустремлённость и ответственность не только за собственное поведение, но и за судьбу своей страны, за ту среду, в которой он живёт (включая общество и природу). По мнению Куписевича, образование, являясь одним из важнейших социально-общественных институтов, сможет обеспечить успешное функционирование всех сфер жизни лишь в том случае, если будет формировать у обучающихся ценностно значимые запросы и приобщать их к самообразованию.

Данная концепция содержания образования в большей степени отвечает принципам гуманистического мышления. Она предлагает не заикливаться на стандартном усвоении уже «готовых» знаний и стандартизированной передаче опыта. В её основе лежит два основных компонента. Во-первых, опыт творческой деятельности, который формирует готовность к творческому

преобразованию окружающего мира. Во-вторых, опыт эмоционально-ценностных отношений: культуру чувств у молодого поколения необходимо воспитывать, потому что она не совпадает с культурой мышления.

Таким образом, содержание современного образовательного стандарта состоит из таких обязательных и взаимосвязанных компонентов, как:

- знания об окружающей среде, общественном устройстве, техническом прогрессе – их усвоение формирует образ научной картины мира и позволяет диалектически подходить к любому виду познания;
- практический опыт применения усвоенных знаний – это те самые умения и навыки, которые позволяют осуществлять общественно-полезную деятельность в различных сферах жизнедеятельности;
- эмоционально-ценностное отношение ко всему, с чем приходится сталкиваться человеку в своей жизни, формирующееся на основе эмоций и чувств, которые кардинально отличаются от мыслительной деятельности, и обеспечивающее социальное развитие человека;
- опыт творческой деятельности – пожалуй, самый уникальный компонент современного образования, так как создаётся самой личностью через решение проблемных вопросов и задач, а также выполнение всевозможных креативных запросов.

Освоив все вышеперечисленные компоненты через специально выстроенную систему образования, учащиеся приобретают социальный опыт, который трансформируется в личный. Происходит своеобразный переход общественного в индивидуальное. Только таким образом человек может стать не только хорошим работником на производстве, но и включать в свою деятельность творчество, т. е. быть самостоятельным и изменять действительность (а не просто быть одной из её механических частей) в соответствии со своим видением, чувствами, эмоциями и морально-нравственными ориентирами.

Подобная модель образования позволяет удовлетворить потребности и общества в целом, и каждого индивида в частности. Ведь школьники, с одной стороны, впитывают в себя базовые ЗУНы, отвечающие текущим и даже перспективным общественным и техническим потребностям. Но, с другой стороны, параллельно они учатся сами конструировать и осуществлять ту деятельность, которая отвечает их внутренним запросам и ориентирам.

Основной задачей педагогической науки является целеполагание, от которого зависит успех всего процесса обучения. В любой деятельности нужно предполагать конечный результат и ориентироваться на него. Поэтому в современном образовании существует целая иерархия целей:

- общественные: продиктованы социально-экономическими и духовными потребностями современного общества, связаны с политикой государства;
- образовательные: реализуются на всех этапах системы непрерывного образования (начиная с детского сада и заканчивая аспирантурой);

- организационные: осуществляются в процессе обучения в конкретном учебном заведении;
- учебные: выполняются в рамках отдельно взятых образовательных предметов и через деятельность конкретного педагога.

Данная иерархия наглядно демонстрирует, что все образовательные цели объединены общей внешней задачей – обеспечить обществу как материальные блага, продиктованные конкретными техническими и историческими условиями его развития, совершенствование его производительных сил, так и духовно-нравственные ценности посредством постоянного повышения общей культуры и укрепления морально-правовой защиты всех граждан.

Нужно иметь в виду, что подобная иерархия целеполаганий приводит к наличию разных образовательных систем. Конечно, есть определённая база, обеспечивающая стабильность всей системы, – это материальные объекты: здания, учебные пособия, наглядные средства обучения, лабораторное оборудование, специальная мебель, расписание уроков, питание в столовой, различные материально-технические данные и т.д. Однако в своей основе образование всегда было и остаётся явлением прежде всего духовным. Ведь оно базируется на активном взаимодействии между множеством систем: учитель – ученик, ученик – ученик, ученик – социум, учитель – вышестоящие органы, ученик – родители и т. д. В рамках этих взаимодействий происходит постоянный обмен мнениями и опытом, поднимаются обсуждения, обнаруживаются противоречия, утверждаются идеи и мысли, усваиваются не только ЗУНы, но и образцы поведения. Подобное «броуновское» движение внутри образования порождает внутри каждой отдельной миниобразовательной системы новые цели. Именно этим был обусловлен переход от «природосообразного» принципа обучения к «культуросообразному».

Концепция образовательных целей была разработана Эдвардом Стоунсом – учёным, который стоял у истоков психодидактики и внёс огромный вклад в педагогику [2]. Он включил в иерархию три уровня умений, базирующихся на трёх типах задач и позволяющих правильно организовать процесс обучения на разных его ступенях. Именно они и определяют ценность образования как системы, которая позволяет передать новым поколениям не только опыт (ЗУНы), накопленный за весь предыдущий период существования человечества, но и суть самой жизни, постижение её смыслов в разных аспектах. Ведь о смысле человеческого существования задумываются не только отдельно взятые индивиды, но и всё общество в целом. И только иерархия образовательных целеполаганий может дать ответы на подобные вечные вопросы.

Ценности образования обеспечиваются следующими тремя уровнями:

- государство;
- общество;
- личность.

Государство и общество делают заказ на коллективную значимость образования. В советской педагогике именно эти два уровня были на первом

месте, именно они диктовали основные цели и содержание обучения. Но времена меняются, действительность трансформировалась практически до неузнаваемости. И, конечно же, это не могло не сказаться на современном образовании. В связи с этим главной ценностью в обучении стала личность. Причём мотивация и заинтересованность в учебном процессе исходят, прежде всего, от самой личности. Только если человек сам осознает необходимость непрерывности своего образования, он достигнет успехов и принесёт максимальную пользу и обществу, и государству. Это гораздо более эффективный подход, чем существовавший ранее. Он способен поддерживать на высоком уровне ценности социума, полноценно обогащать и развивать их.

Данную концепцию хорошо раскрывают термины «культура полезности» и «культура достоинства», введённые известным советским и российским педагогом-психологом Александром Григорьевичем Асмоловым. Согласно его определению, первая (базовая в советской педагогике) имеет «единственную цель – воспроизводство самой себя без каких-либо изменений... образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций». Тогда как в «культуре достоинства» (которая определяет ценность и содержание современного образования), по мнению учёного, «ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет» [1, с. 12-13].

Таким образом, именно «культура достоинства» делает возможным ориентировать современное образование и воспитание на возвращение в каждом обучающемся таких чувств и качеств, как собственное достоинство, самодостаточность, осознанность каждого своего действия, уникальность, профессиональная и культурная компетентности. Внедрить такие глобальные задачи на всех уровнях образования, вне всякого сомнения, очень сложно и требует коренных преобразований во всех сферах, связанных с образованием, и на всех уровнях. Недаром то, что происходит сегодня в обществе и в мире учёные называют «аксиологической революцией», когда система ценностей переосмысливается и изменяется. Остаётся надеяться, что новые концепции приведут к увеличению эффективности образования на всех уровнях и подсистемах. Это в корне изменит и уровень жизни нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология образования. Пер. и доп. учебник и практикум для академического бакалавриата. / А.Г. Асмолов, Н.А. Пастернак. – М.: ЮРАЙТ, 2019. – 214 с.
2. Стоунс Э. Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения. / Э. Стоунс; науч. ред., предисл. и коммент. Н.Ф.Талызиной. – М.: Педагогика, 1984. – 482 с.
3. Харламов И. Ф. Педагогика. / И.Ф.Харламов. – М.: «Гардарики», 1999. – 520 с.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.Ш. Ташлинская

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития современного отечественного образования, на которое влияет продуктивный менеджмент, а также изменения, связанные с цифровизацией образования, его достоинства и недостатки в условиях онлайн-обучения.

Ключевые слова: онлайн-обучение, менеджмент образования, стратегия, идеология, национальные особенности, социальные ценности.

MODERN EDUCATION: PROBLEMS, CONTRADICTIONS, PROSPECTS

E.Sh. Tashlinskaya

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The article discusses the development trends of modern domestic education, which is influenced by productive management, as well as changes associated with the digitalization of education, its advantages and disadvantages in online learning.

Keywords: online learning, education management, strategy, ideology, national characteristics, social values.

В условиях дистанционного формата обучения мы столкнулись с проблемами и противоречиями, разрешение которых стоит как неотложная и насущная задача.

1. Образование в режиме онлайн: история продуктивного менеджмента

Сегодня как никогда ранее большое распространение получили курсы повышения квалификации педагогических кадров, которые ориентируют на приобретение компетенций в ситуации онлайн-обучения.

Качественное образование связывают с современными управленческим кадрами, с эффективностью и менеджментом. В этих условиях меняется и роль профессорско-преподавательского состава, они превращаются в тьюторов, коучей, модераторов, координаторов, промоутеров. Все больше нивелируется воспитательная составляющая. Лейтмотивом звучит, что главное – это заинтересовать (синоним – «увлечь», «привлечь», а лучше «завлечь» и «развлечь») аудиторию.

Изучение публикаций и предлагаемых интернет-курсов по менеджменту образования наводит на мысль, что мы не просто в кризисе, а в тупиковом положении, когда создается много информационного шума вокруг этой темы. Складывается убеждение, что топ-менеджеры, начитавшись работ по социологии науки и образования, науковедению абсолютно убеждены, что могут управлять любыми процессами, выполняя при этом преимущественно надзорные и контролирующие функции. Как результат все это ведет к дегуманизации, формализации и бюрократизации образовательного процесса.

При этом забывается, что отечественное образование (по преимуществу) имеет массовый характер, и в условиях необходимости поддержания и отстаивания принципа светскости образования, а также относительной

автономии, свободомыслия и критики мы все дальше отходим от научности как фундамента образования. По сути, речь идет об отсутствии единой образовательной политики.

В проекции на образовательный процесс, педагогический менеджмент – это комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления, направленный на повышение эффективности образовательного процесса [3, с. 211]. Основные особенности менеджмента в образовании [1, с. 115]: – вероятность перехода к построению отношений, к стилю, учитывающему индивидуальные особенности работников и более полный аспект к образовательной деятельности, ориентированный на результат максимально успешных итогов; – обеспечение в коллективе (из числа педагогов и обучающихся) комфортного психолого-преподавательского климата.

Менеджмент в образовании имеет следующие виды функций: планирование, организация, мотивация и контроль. Кроме этого, менеджмент в образовании имеет и специфические особенности, которые выражаются в акцентуации следующих подфункций [2, с. 28]: информационно-аналитической; мотивационно-целевой; планово-прогностической; организационно-исполнительской; контрольно-диагностической; регулятивно-коррекционной. Хочется отметить, что ранее все эти функции выполнял учитель (педагог), причем в одном лице, и надо отметить – вполне успешно (то есть эффективно).

Образование двигается либо в сторону ложной демократизации, когда школам, особенно частным, разрешено выбирать свои программы, направления, удовлетворяя интересы и потребности педагогов. Либо есть другая крайность, когда образование нацелено на потребителя, заказчика. Сегодня пытаются найти связь с предприятиями, с работодателями и учесть региональный аспект. Но при этом забывают, что это также крайности: 1) работодатель не всегда может оценить перспективу, он руководствуется сиюминутным запросом и не знает подлинной ситуации в образовании в целом и внутри, 2) выделение регионального аспекта – это позитивный поворот, но образование в России носит массовый, обязательный и доступный характер, это всеобщая национальная программа. Разделение по регионам и невозможность видеть картину в целом – пагубно для планирования экономики (нужно понимать, сколько и каких кадров нужно в той или иной отрасли, в частности). Более того, и разделение по оплате из-за регионального коэффициента морально разлагает кадры и служит оттоку наиболее талантливых в центр, что обедняет регионы (сегодня имеются слабые попытки выровнять ситуацию, но этих полумер недостаточно); 3) создание платных школ необходимо, но создается искусственно ситуация социального неравенства, при которой отсутствует отбор наиболее талантливых детей (и не всегда из материально обеспеченной среды).

Воспитание и ориентация на псевдоэлиту – это имитация деятельности («активничанье»), но главное – это порождение разобщенности, расслоения и нагнетание конфронтации, по сути выливающиеся в гражданское

противостояние и классовую ненависть. Выход – образование требует разработки долгосрочной программы, вложений, которые оправдают себя не сразу, выработки стратегических положений, что, свою очередь, подразумевает создание идеологии. И это не ограничивается просто формулированием миссии (предназначения) образования.

Выделяют основные этапы управления [1, с. 136]: 1) диагностирование и предположительная оценка; 2) сбор данных с помощью различных социологических методов; 3) окончательные выводы о положении дел, а также способах улучшения ситуации.

Исследование проблемы управления образовательными системами ведет к выявлению закономерностей: зависимость эффективности функционирования системы управления от уровня функциональной и организационной структур; связь между содержанием и методами управления учебно-воспитательной работой и содержанием и методами организации педагогического процесса в школе; компетентность и готовность руководителей к управленческой деятельности; оперативность, непрерывность и ритмичность деятельности; гуманистическую и демократическую направленность управления [3, с. 338-340].

2. Образование в условиях цифровизации

Можно отметить достоинства и недостатки электронного обучения. К положительным эффектам следует отнести: учет индивидуальных запросов, удобство, экономия времени и финансовых ресурсов на сборы, одежду, питание, канцелярские товары и другие расходы; отсутствие привязки к месту (локация относительно свободна, преодоление территориальной дезинтеграции), сохранение здоровья (особенно актуально в условиях распространения пандемии), свобода доступа (посещение курса и ознакомление с текстом, презентацией в любое удобное время), самостоятельное планирование расписания, совмещение разных видов деятельности (однократная запись лекции и возможность многократного ее использования высвобождает ресурсы времени для дополнительных занятий и секций); снижение расходов на нужды класса, подарки и подношения учителям и коллегам, ремонтные работы; выбор педагогов, курсов, программ.

К отрицательным эффектам относят: отсутствие лицензий на обучение (ориентация на репутацию учебного заведения и педагогов), отсутствие или снижение концентрации внимания, понижается когнитивная активность и мера ответственности, сокращение кадров (один человек может заменить многих), отсутствие оборудованного рабочего места; невладение средствами и технологиями дистанционного обучения, усиление чувства страха, тревожности, депрессивности, изменение роли ППС (развлекательно-услужливая), недостаток живого общения, нехватка умений и знаний (составление презентаций, создание банка тестовых заданий в системе Moodle, использование интерактивной доски, запись и трансляция занятий, роликов и проч.).

Альтернативой могут служить посещение кружков, домов творчества, путешествия, экскурсии. Справедливости ради стоит отметить, что появились сайты с возможностью онлайн-посещений театров и музеев по всему миру.

Если речь идет о действительном положении дел в системе высшего образования, то здесь все исполнительские и проч. функции переложены в основном на кафедры. При этом если развивать реально цифровизацию, то учебные планы и план кафедры на год необходимо делать в Excel таблице (удобно, быстро, качественно и хранить, передавать службам проще). Однако и того нет. Работа и управление идет по-прежнему в «ручном» режиме. Все это не просто усложняет жизнь, а делает ее абсурднее.

Нормы времени подлежат пересмотру (и сейчас эта работа запущена, поскольку Министерство, увидев заниженные цифры, понимает, что они нереальны и вторая половина дня никоим образом выполнена по ним быть не может). Кроме этого, полагаем, что индивидуальный подход заключается в том, что невозможно и неправильно требовать со всех абсолютно одинаковые цифры и виды работы. Это должно быть в ведении заведующего кафедрой. Общий план и все виды деятельности по второй половине дня можно вариативно, опираясь на способности, возможности и вклад каждого сотрудника, распределять с учетом желания и наличия реальных успехов, достижений у ППС: НИРС, редакция материалов, исследовательская часть, подготовка заявок на гранты, методическая, организационная работа, разработка тестов, заданий на олимпиаду, конкурсные работы и проч.

Есть виды активности, когда, безусловно, требуется коллективный задел (в частности, подготовка учебно-методических материалов, учебных пособий). Но специфика социогуманитарной отрасли такова, что во многом подготовка, написание, например, статей – это индивидуальная, авторская работа.

Кроме этого, возникает ситуация размножения и наложения избыточных служб и людей вместо того, чтобы запустить механизм действия уже имеющихся структур. Либо нужно создавать такие подразделения, которые оказывают поддержку и продвижение проектов ППС. Примеров тому немало. Есть подготовительный факультет (но профориентацией занимаются преимущественно выпускающие кафедры), создан центр тестирования, но все снова делает преподаватель, имеется служба технической поддержки ЭОС, но никто конкретно ответственности не несет за подключение групп и курсов к системе Moodle (в то время как в ведущих научно-образовательных центрах ППС этим не занимается), заявки на гранты, например в АГУ, уже давно осуществляет служба по франчайзингу и т.д. и т.п. В результате ППС перегружены, и практически не остается ни времени, ни сил на занятия наукой.

Если наука и образование практически разрушены, то будущего у страны нет. Ожидание сиюминутных выгод и шапкозакидательские настроения – бессмысленны и даже опасны. Образование – это вклад долгосрочный. Оправдание надежд возможно лишь через 10-летия. Более того, требование принести всем в копилку пагубно сказывается на морально-психологическом климате в коллективе. Все не могут и не должны зарабатывать деньги. Каждый вносит свою лепту по мере сил и возможностей.

Противоречий возникает огромное количество. Требование технологических «прорывов» и при этом боязнь слова «революция». НТР в

науке – это главный, магистральный путь развития. Реформы – это побочный продукт революции, когда она находится на своем завершающем этапе. Мы же по-прежнему занимаемся постреформированием – модернизацией, оптимизацией, диверсификацией – по сути это путь в никуда. То, о чем писал в свое время Чаадаев П.Я. – об увлеченности заимствованиями, об «обезьянничаньи» – мы до сих пор в этом существуем и барахтаемся (повороты то в сторону Запада, то Востока и при этом «национальной физиономии») (выражаясь словами Бердяева Н.А.) нет, есть гримасы и смена масок. На руинах ничего не построишь. Амбиции – вещь опасная и аморальная. Поскольку эта психология строится на чрезмерном самомнении, самовлюбленности и крайнем индивидуализме, тщеславии, что ведет к чванству и хамству. Требуется объединение и коллективное со-творчество, но запускается программа подготовки лидеров, забывая при этом, что не все могут и хотят быть лидерами. Организаторские способности – это тоже своего рода талант и дано не каждому.

Менеджмент образования делает образование для менеджеров, но не для ППС и обучающегося. Онлайн-система требует мобилизации, финансирования, затрат материальных и интеллектуальных, подготовленности и компетентности кадров, повышения качества управления образовательным процессом [5, с. 360-372].

Исключены ли конфликты в образовании, когда мы находимся в электронной (дистанционной) форме обучения? – отчасти, да. Точнее, они переходят в иную плоскость. Поскольку, например, тестирование проводится в системе электронной, которая считает баллы (но прежде преподаватель вынужден потратить колоссальное количество времени, чтобы вручную создать банк тестовых заданий). Кроме того, даже многовариантность заданий не спасает ситуацию, поскольку студенты не читают выложенные лекции. Безусловно, можно поставить ограничения к доступу сдачи итогового или промежуточного теста (но реально проверить, достоверно прошел курс или нет каждый студент – практически невозможно). Ситуация отстраненности и обезличенности порождает множество психологических и моральных нюансов. Студенты прячутся за «аватарками», не включают камеры и звук на занятиях, либо отсутствуют. Дистант во многом расхолаживает и дезорганизует, особенно если человеку недостает самостоятельности, энергичности, самодисциплинированности и самоорганизованности.

Более того, возникают провокационные моменты: жалобы на других ППС, попытки увести семинар в сторону политических вопросов, организация в чате перепалки и речевого негатива и т.п. Поскольку дистант – это открытая среда, не исключена запись, прослушивание и присутствие за кадром третьих лиц. Здесь нужно проявить максимум сдержанности, аккуратности и деликатности. Это вопросы этики общения в цифровой среде, что является отдельной темой.

Ситуация с семинарами по социогуманитарным дисциплинам особенно показательна в этом отношении. Многие студенты отмечают, что у них есть потребность личного контакта и живого общения с ППС. Бытует шутка о том,

что нужно философам для проведения занятия: тряпки, доски и мела вполне достаточно. Но в этой шутке много правды. Поскольку магистр, например, делая доклад по философским концепциям науки, выходит к доске, рисуя схемы, которые сам придумал, объясняет материал. Это делает занятие продуктивным, интересным, разнообразит ситуацию, привлекает внимание, позволяет ребятам проявить себя, дает ощущение свободы и сотворчества, побуждает мыслить и в совместном диалоге находить решения. Интерактивная доска этого не заменит никогда.

Чтобы выйти к аудитории, нужно подготовиться, настроиться (как в театре одного актера), привести себя в чувство, в порядок, соблюсти этикетные нормы, создать божеский вид себя и текста. Это дополнительный стимул жить и творить.

Онлайн-обучение во многом ведет к дегуманизации образования (и социальных отношений), бюрократизации и формализации процесса. Длительное нахождение в чатах утомляет и отупляет. Возникает ощущение бесполезности и бессмысленности существования. Стиль общения со студентами становится лапидарно-телеграфный, как продолжение уже когда-то давно начатого диалога, без излишних вступлений, обращений, речевых оборотов, метафор и т.п. Почему так происходит? Поток сообщений лавинообразен, время ограничено. Это, конечно, невежливо, некультурно, но ситуация вынуждает.

Нагрузка ППС такова, что физически невозможно каждому отвечать с соблюдением всех формальностей. Это означает, что больше ничем заниматься не получается, кроме как отвечать на послания. Правило: не отвечать лично, писать только в общем чате. При этом наблюдается некая тенденция: иностранные студенты требуют к себе повышенного внимания и с ними приходится общаться лично, потому что есть трудности языковые, психологические. На лекции всегда нужно оставлять время для вопросов – либо в начале, пока все подключаются, либо в конце. Это несложно, много времени не занимает. Причем иностранцы предпочитают не задавать вопросов публично, зато соотечественники с удовольствием откликаются.

Мы находимся во времени, где правят бал бесплодные топ-менеджеры, которые заводят в тупики. Кадры, которые ничего не решают, но присваивают себе чужие результаты, и это в основном сторонние люди для науки и образования, которые находятся около и возле этих социальных институтов. Апробирован подход дилера в роли завуча, который распределяет товар (часы) и за услуги имеет доход, превышающий принцип разумности и справедливости и не предусматривающий наличие исследовательской жилки и методической грамотности, профессиональной культуры (например, подготовки научного доклада и организации дискуссии), но выражающий непомерные амбиции, самоуверенность и требование неприкосновенности. Налицо кризис интеллектуальной культуры, снижения творческой инициативности, роста прагматизма, эгоизма (приоритета ценностей личного комфорта и потребления).

Высшее образование и наука всегда в России были оплотом и пространством свободомыслия, критики и поиска новационных подходов (на территорию университетов в царской России не было допуска жандармам). Сегодня не просто неосмотрительно, но и опасно говорить правду. Хочется, следуя примеру профессора философии из романа Е. Гинзбург («Крутой маршрут»), повесить табличку на дверь, на которой будет написано: «Здесь живет Никто». Поскольку в эпоху, где правят бал мещане (а у нас топ-менеджеры), не модно быть скромным интеллектуалом.

Индивидуальный подход в образовании состоит в выявлении и осознании сильных сторон личности и в способствовании развитию этих способностей и одаренности.

Намечаются перспективы в развитии образования [6, с. 15]: инструментальные – необходимость оснащённости образовательных учреждений качественным программным обеспечением, информационными системами (наличие интерактивных аудиторий по типу Томского политехнического университета и др.), доступ к образовательным ресурсам, внедрение ИКТ и дот, онлайн-обучения (распространение формата смешанного и гибридного обучения), изменение требований к педагогам и обучающимся, становление новых образовательных структур, синтез традиционных форм и методов обучения и новых; ценностно-смысловые: развитие духовного потенциала человека (синтез интеллектуального, морально-этического, художественно-эстетического компонентов).

Чем могут и должны помочь философы в этих условиях? Сегодня требуется находить ответы на вызовы современности: оценка последствий кризиса современной цивилизации, поиск путей выхода, понимание особенностей национального самосознания, характера, менталитета, их положительных и отрицательных сторон, специфики страны, ее возможностей. В этом и заключается ключевая идея стратегии образования, а следовательно, и идеологии. В русской философии вопрос о национальной идее – ключевой вопрос. Эта проблема имеет решение (и не только в духе программы славянофильства). Ситуация не нова: мы живем в извечных метаниях между Западом и Востоком. От старого мы отошли, напрочь и легко отказавшись, забыв, распрощавшись (непонятно, почему разом и навсегда? – словно в прошлом ничего не было достойного и позитивного), а к новому пока не пришли. То есть находимся на перепутье. Конфуций говорил: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Мы живем в это время. И еще находим у этого же мыслителя: «ошибки, которые не исправляются – вот настоящие ошибки».

Социум – это над-персональные отношения, это такие взаимодействия между людьми, которые имеют общечеловеческий смысл, это социальные ценности. Например, безопасность, семья, здоровье, самореализация, познание, совершенствование, любовь, дружба, симпатия, вера, свобода, ответственность, польза, сострадание. Это интернациональные качества и ценности. Это то, что объединяет всех людей независимо от территории, национальности, религии, статуса, расы, имущественного положения.

Таким образом, национальные особенности, соединяясь с социальными, позволяют выявить идеологические аспекты системы образования в условиях российской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веснин В. Р. Основы менеджмента: учебник / В. Р. Веснин. – М.: Проспект, 2015. – 320 с.
2. Мескон М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Вильямс, 2016. – 672 с.
3. Мкртчян С. Г. Менеджмент в образовании / С. Г. Мкртчян. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 45 (283). – С. 338-340. – URL: <https://moluch.ru/archive/283/63691/> (дата обращения: 13.03.2022).
4. Челнокова Е. А., Коровина Е. А., Агаев Н. Ф. Педагогический менеджмент как вид управленческой деятельности педагога // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – №12 (часть 1). – С. 165-168.
5. Шипилина Л. А. Качество управления образовательным учреждением и необходимость профессионализации менеджмента в образовании. // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 10. – С. 360-372.
6. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского ун-та. – 2020. Т.8. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy/viewer>

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Карпенко

Самара, Самарский государственный экономический университет

Аннотация: Работа посвящена исследованию личностного развития современного человека, достигшего определенного профессионального уровня. Рассматривается влияние человеческих качеств в современной общественно-экономической системе: в производственной сфере и в экономике, в социальной и образовательной сфере, в общественной жизни и в общении. Внимание уделяется рассмотрению современных изменений в общественно-экономическом развитии, связанным с увеличением значимости человека и его личностных качеств – проектной и командной деятельности, сетевому формату работы и обучения, трендам глобализации и другим тенденциям.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, эмоциональный и ментальный интеллект, карьерная траектория, самозанятость, социальное предпринимательство.

DEVELOPMENT OF HUMAN QUALITIES IN THE MODERN EDUCATION SYSTEM

O.A. Karpenko

Samara, Samara State Economic University

Annotation: The work is devoted to the study of the personal development of a modern person who has reached a certain professional level and develops spiritual, intellectual and personal qualities of his spirit and character. The influence of human qualities in the modern socio-economic system is

considered: in the production sphere and in the economy, in the social and educational sphere, in public life and in communication. Attention is paid to the consideration of modern changes in socio-economic development associated with an increase in the importance of a person and his personal qualities - project and team activities, the network format of work and training, globalization trends and other trends.

Keywords: intellectual capital, emotional and mental intelligence, career trajectory, self-employment, social entrepreneurship.

Становление личности и развитие индивидуальных личностных и духовных качеств происходит уже после достижения определенного уровня развития всего человеческого капитала (в том числе интеллектуального, социального и культурного, а предпринимательским или организационным капиталом, к примеру, он может не обладать), когда человек имеет развитую профессиональную и социальную базу. Получается, что культурным, социальным и духовным развитием человеку приходится заниматься самому. Как правило, он изучает только то, что ему нравится, или интересно, или то, что получается развить. А общие знания по соответствующим темам и широкий кругозор самостоятельно получить довольно трудно, в полном объеме их получить можно только в образовательной системе.

В образовательных системах происходит обучение как передача знаний, необходимых для человека. При этом задачи развития молодых людей и их правильного воспитания даже не ставятся. Но они являются для жизни человека даже более главными, чем академические знания. Считается, что человеку должно хватать воспитания в семье, но его недостаточно, ведь время общения родителей с детьми также ограничено. Кроме того, не все семьи столь благополучны и не имеют других забот, как непосредственно и напрямую заниматься воспитанием детей. И вместе с этим семья является ограниченным пространством. Если основное воспитание человек и может там получить, то развитие, в том числе современного миропонимания и навыков современной жизни он там не получит, и ему нужно дополнительное обучение. Здесь для своего дальнейшего развития человеку необходимо определить круг необходимых знаний и навыков, недостающих именно ему, и заниматься самообразованием и саморазвитием, включая общение с более успешными и развитыми людьми, чтение соответствующей полезной литературы, посещение развивающих курсов и т.д.

Развитие человека в образовательном учреждении как личности и субъекта деятельности обязательно должно включать в себя следующие компоненты: 1) интеллектуальное развитие и ментальный интеллект; 2) эмоциональное развитие и эмоциональный интеллект; 3) развитие устойчивости в стрессовых ситуациях; 4) развитие уверенности в себе и принятие себя; 5) развитие позитивного отношения к миру и принятие других, духовный интеллект; 6) развитие самостоятельности, независимости; 7) развитие самомотивации и самосовершенствования [8].

Важным моментом в развитии личности становится механизм саморазвития, связанный с осознанностью механизма личностного развития, самостоятельным выбором направлений, способов развития и следование

им. В дальнейшем личностное саморазвитие нацелено на поиск индивидуальной самореализации в общественно-экономической системе и поиск своего предназначения. В самообразовании и саморазвитии есть еще один важный аспект – преимущественное влияние индивидуального развития и опосредованное влияние самих процессов обучения и воспитания. Особо важную роль играют внутренние личностные, скрытые и неосознаваемые изменения в человеке, в его миропонимании, в глубине внутреннего мира, которые проявляются затем уже в поведении.

Важным элементом саморазвития является правильное общение со старшими, с наставниками, или просто с более знающими и успешными людьми, которые могут передать знания и оказать положительное влияние на человека. Общение также оказывает различное влияние на человека и полностью зависит от личности субъекта. Иногда даже сравнительно кратковременное общение с тем или иным человеком оказывает на психическое развитие индивида гораздо большее влияние, чем длительное выполнение им предметной деятельности.

В современном мире многие люди достигли высокого уровня своего профессионального развития и им требуется переход на более высокую ступень развития своих личных качеств, которое приводит и способствует переходу на уровень удовлетворения высших духовных потребностей, самореализации и поиска своего предназначения. Сейчас повсеместно расширяется возможность применения интеллектуальных, духовных и индивидуальных личностных качеств человека. Личностное развитие человека необходимо в современной общественно-экономической системе: в сфере производства товаров и услуг, социальной и культурно-досуговой сфере, в науке и образовании.

Но прежде всего, сама жизнь человека предназначена для воспитания и развития высших аспектов сознания и человечности, духовных и личностных качеств, а окружающий мир, в том числе экономическая действительность, служат лишь инструментами для достижения этого. К интеллектуальным качествам, необходимым не только в современных производственных процессах, но также и в сфере услуг, потреблении, в социуме и в общении, относятся не только профессиональные и общие интеллектуальные знания и навыки (грамотная речь и общая грамотность, широкий кругозор и детальные знания в отдельных сферах, математические, аналитические и технические знания и навыки и др.), но также навыки, связанные с личным контролем бессознательного – эмоциональный и ментальный интеллект.

Профессиональное развитие человека неотделимо от его духовного и личностного развития – в их основе лежит принцип саморазвития, приводящий к высшей форме жизнедеятельности личности – творческой самореализации [3]. В настоящее время в экономике возрастает значение применения сугубо личностных и духовных качеств. Духовная сфера становится все ближе к материальной и начинает более тесно взаимодействовать с ней. К духовным качествам относятся оптимизм, смирение, терпение, сила воли, моральные принципы, аскетизм, благодарность, прощение, щедрость и др. Возрастает

интерес человека к духовному развитию и практике – развитию духовных мотивационных, нравственных, волевых, принципиальных качеств, самосовершенствованию, поиску своего предназначения и даже миссии в жизни, на основании которой можно более четко определить место и роль человека в обществе. И человеку приходится заниматься самообразованием и саморазвитием самостоятельно или с помощью современных тренингов, поскольку современная система образования не развивает эти качества в полной мере.

Индивидуальные личностные качества человека также проявляются в процессе общения. Это умение общаться с различными категориями людей, заботливость и человечность, уважение, рассудительность, выносливость, понимание, «гибкие навыки», востребованные в корпоративной среде, личные интересы и цели, возможности для развития, помощи и оказания положительного влияния на людей, личные отношения и репутация др.

Указанные качества необходимы человеку для общения с людьми, выполнения своей роли в социуме и своего предназначения. В конечном итоге именно правильное общение определяет возможности человека для роста и развития и более глобально – для выполнения своей роли в обществе. Искусству общения человек должен учиться всю жизнь самостоятельно и с помощью различных программ. Здесь сферы общения и образования тесно связаны. Образование призвано опережать другие сферы общественной жизни и быть фактором развития общества. При этом интеллектуальные, духовные и личностные качества человека могут быть развиты на высоком уровне также и в системе высшего и дополнительного послевузовского образования.

В связи с переходом множества профессиональных и управленческих функций к искусственному интеллекту в последнее время, в экономике – в сфере производства и потребления товаров и услуг возрастает роль личностных качеств человека, которые он мог бы применить как в экономических и производственных процессах, так и в процессе общения и взаимодействия. Особенно ярко проявляются личные качества в образовании (авторские лекции), медицине (личные методики диагностирования и лечения, массаж и т.п.), сфере услуг при индивидуальном общении с клиентом, сфере культуры и искусства и др. Это интеллектуальные качества человека, в том числе эмоциональный, ментальный и духовный интеллект; духовные качества – мотивация, цели, принципы, волевые качества; социальные – умение правильно общаться с людьми, грамотно взаимодействовать с ними, понимание возможностей своего положительного влияния на людей и помощи им; личностные – индивидуальный подход к своей деятельности и к собеседнику, личные нравственные качества, интересы, зоны развития и ответственности, возможности и индивидуальные особенности.

Человек, благодаря своим личным качествам, ментальным и поведенческим реакциям на информацию или события, мыслит определенным образом, совершает поступки и тем самым влияет на создание событий в своей жизни, которые определяют его будущее. Пока человек не принял какое-либо

конкретное решение, его будущее существует в нескольких вариантах. И человек своими действиями и поступками делает выбор в ту или иную сторону, тем самым формируя свое будущее в настоящем. Вместе с этим человек постоянно находится в социуме и связан отношениями с другими людьми. Некоторые люди поступают независимо от него, а некоторые – зависимо. Люди взаимосвязаны друг с другом, особенно тесная связь складывается в группах, сообществах, семьях, где взаимно влияют на формирование будущего друг у друга.

В современной экономике возрастание влияния личности человека связано с тем, что все большее значение приобретает горизонтальная процессная структура в организациях и их объединениях. Горизонтальные структуры, при которых фактически отсутствует руководство среднего звена, и горизонтальная интеграция укрепляются в мировом экономическом сообществе. Существуют филиалы фирм в различных городах и странах, и специалисты ведут на своем месте почти весь производственный процесс, управляя автоматизированными системами. Горизонтальная интеграция проявляется в том, что производственные участки находятся в разных странах и городах и при этом взаимодействуют друг с другом. Здесь человеку уже не требуется руководство как таковое, помимо профессиональных навыков и знаний, ему необходим определенный набор универсальных надпрофессиональных навыков, к примеру, комплексное и системное мышление для постановки и выполнения задач.

Данная структура характерна для актуальной в настоящий момент проектной деятельности. Тенденция к проектной деятельности является глобальной, она затрагивает все основные сферы общественно-экономической системы: науку и технику, экономику, сферу инноваций, социальную сферу, образование, сферу услуг и другие. В связи с ориентацией на развитие робототехники и искусственного интеллекта сейчас развиваются всевозможные проектные направления, объединяющие в себе специалистов различной направленности, разных областей знаний и сфер деятельности, гуманитарных и технических наук, производства и потребления, сфер науки, техники, литературы и искусства и множество других комбинаций для создания новых интеллектуальных и инновационных продуктов.

Проектная деятельность, помимо развития и коммуникабельности групп людей в образовательной и производственной среде, также способствует инновационному развитию регионов и территорий. Инициативная группа, защитив и выиграв проект, затем его дорабатывает до рыночных потребностей, запускает и реализует. И здесь у нее, благодаря вузам, общественным площадкам, центрам инновационного развития и другим институтам инновационной системы, появляются институциональные возможности для привлечения всевозможных партнеров, инвесторов, предпринимателей, организаторов, экспертов, общественных организаций и даже органов власти. И в итоге проектная работа служит своеобразным ускорением инновационного лифта как для инновационной инфраструктуры территорий и проектов, так и для развития самих людей и команд. Ключевым моментом в этом ускорении и

катализатором развития служит взаимное групповое взаимодействие и развитие людей, обмен опытом, знаниями и мнениями между ними. Ведь ключом, открывающим двери в мир реализации своих целей и желаний на благо общества и получения достойного дохода и собственного развития является социальный капитал и социальные связи. Создаваемые площадки для ознакомительных, партнерских и развивающих встреч в образовательной, инновационной и рабочей среде как раз напрямую создают этот капитал и развивают. В качестве примера можно привести Точки кипения при ведущих городских университетах [2], молодежный форум I-Волга [4], на которых люди могут полноценно обмениваться опытом и развиваться. Для взрослых людей хорошими площадками для такого развития служат сообщества по нетворкингу и взаимному общению, создаваемые по типу организационной структуры предприятий. Например, сообщество «Про женщин» [6], в котором создано множество более мелких групп развития и взаимодействия, где каждый человек является не просто экспертом и наставником для других, но – вкладом в их развитие.

Проектная работа сама по себе отличается необходимостью достижения общей цели, под которую формируются задачи и план мероприятий для их реализации. Одновременно подбирается команда проекта, в которой каждый может выполнять как собственные строго определенные функции, так и пробовать новые для себя виды деятельности и общения, достигать совместных результатов и влиять на поведение, восприятие и результаты других. В проектной работе в процессе создания общественно-полезного или нового продукта идет взаимное развитие и внутреннее интеллектуальное, социальное и духовное обогащение людей. И, как показывает практика, совместно они более разносторонне и быстро развиваются и показывают более высокие результаты. С этой целью на современных предприятиях создаются не только производственные проекты и рабочие группы, но и группы общения, обмена мнениями и даже совместного отдыха. Одним из основоположников этого являлись заводы Г. Форда, где отдельное внимание уделялось каждому сотруднику [1]. Доказано, что групповая деятельность и общение положительно влияют на производительность труда, снижают уровень напряженности и тревожности, повышают самооценку и мотивацию людей. Такая практика взята на вооружение в некоторых зарубежных компаниях [2].

В современном обществе наблюдается рост значения личностных качеств также и в социальной сфере, идет увеличение процессов социального взаимодействия. Во многом это связано с возрастанием сетевых процессов в экономике и массовым введением удаленного формата учебы, работы и общения. В настоящее время произошел резкий скачок значимости потребности в общении и в объединениях. Наблюдается рост социальных групп, движений, проектов, рост числа общественных организаций. А возрастание социальной активности в конечном итоге выливается в процессы глобальной интеграции. Благодаря социальным сетям появляются всевозможные и все новые сообщества и группы как профессиональные, так и

непрофессиональные, и вместе с ними открывается небольшая возможность прямого общения с успешными людьми, которые могут передать часть своего опыта и миропонимания.

В настоящее время трендовым направлением развития является сращивание социальной сферы с экономикой в формах социального проектирования и предпринимательства. Вместе с ними развивается благотворительность и волонтерство, краудфандинговые и краудинвестинговые платформы. Начиная с 2020 года в России и во всем мире набирают обороты социальные проекты и социальное предпринимательство, имеющие своей целью не только решение производственных задач, получение прибыли или личностное развитие людей, но также, что является главным, – достижение социальных целей и решение социальных и общественных проблем, к примеру, снижения бедности, уборки территории, проблемы бездомных животных или помощь малообеспеченным категориям граждан и т.д. Достижение социальных целей здесь является главенствующим. Данные проекты могут финансироваться как за счет предпринимательской деятельности, так и за счет всевозможных фондов и их грантов. В 2019 – 2020 годах в России резко возросло количество выигранных грантовых проектов, в том числе социальных проектов Фонда президентских грантов РФ [7]. С июня 2020 года даже объявлен дополнительный конкурс на социальные проекты в условиях распространения коронавирусной инфекции 2020 года.

Саморазвитие проявляется и в профессиональной среде. Профессиональное саморазвитие – это внутренне обусловленное прогрессивное самоизменение человека, выражающееся в изменении качества его профессиональной деятельности и диалектически связанное с динамикой изменения этого качества [5]. В некоторых видах профессиональной деятельности значимость личности не просто высока, а сам человек и его развитая личность является рабочим инструментом деятельности: в педагогической, психологической работе, в консалтинге, оказании индивидуальных услуг. Человеку нужно постоянно развивать свои личные качества, и профессиональное саморазвитие начинает совпадать с личностным. В педагогической деятельности профессионально-личностное саморазвитие является первейшим условием достижения профессионализма.

В связи с этим со стороны современной образовательной и социальной среды и института семьи важно создание условий для личного саморазвития и совершенствования личностных качеств на протяжении жизни, самовоспитания в себе духовных волевых и принципиальных качеств, способствующих непрерывному саморазвитию и в итоге – достижению целей самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Н.З. Генри Форд. Рабочая политика. /Н.З.Беляев.– М.: Журнально-газетное объединение, 1935. – 264 с. –URL:<https://biography.wikireading.ru/285867>.
2. В трех региональных университетах открылись Точки кипения. Министерство социально-экономического развития и инвестиций Самарской области. –URL:<https://economy.samregion.ru/press-center/sobytiya/v-trekh-samarskikh-universitetakh->

otkrylis-tochki-kipeniya/.

3. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях. Психология: личность и бизнес. – URL:<https://hr-portal.ru/article/lichnostnoe-i-professionalnoe-razvitie-cheloveka-v-novyh-socialno-ekonomicheskikh-usloviyah>.
4. Молодежный форум I-Волга. Официальный сайт. –URL:<https://ivolgaforum.ru/>.
5. Сергеева Н.И. Профессионально-личностное саморазвитие как цель профессионального роста педагога // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. –URL:<http://science-education.ru/ru/article/view?id=18933>.
6. СообществоПро женщин. Официальный сайт. –URL: <https://pro-women.ru/>.
7. Фонд президентских грантов. –URL:<https://президентскиегранты.рф/public/contest/index>.
8. Черепанова Ю. Школа будущего: пять трендов, которые совершат революцию в высшем образовании. 08.07.2020. – URL: <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/404527-shkola-budushchego-pyat-trendov-kotorye-sovershat-revolyuciyu-v-vysshem>.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Д.А. Недоступенко, Л.А. Чобану

Белгород, Белгородский индустриальный колледж

Аннотация: Образование в современном мире должно быть инновационным по своей сути, ведь одним из важнейших элементов современного инновационного общества является инновационная система образования. В статье рассматриваются современные взгляды на инновации в образовании, приведены некоторые классификации инноваций в образовании, затрагиваются вопросы формирования инновационно-ориентированного образования.

Ключевые слова: образование, инновации, классификация инноваций, инновационно-ориентированное образование.

MODERN VIEWS ON INNOVATIONS IN EDUCATION

D.A. Nedostupenko, L.A. Chobanu

Belgorod, Belgorod Industrial College

Annotation: Education in the modern world should be innovative in its essence, because one of the most important elements of a modern innovative society is an innovative education system. The article considers modern views on innovations in education, provides some classifications of innovations in education, and touches on the formation of innovation-oriented education.

Keywords: education, innovations, classification of innovations, innovation-oriented education.

Образование по праву признается одним из важнейших средств социального развития личности и поэтому должно идти в ногу со временем. Мы проходим через изменения и инновации, которые отвечают потребностям общества в настоящее время. Учитывая нестабильность, которая характеризует современное образование в целом, требуется время, чтобы понять эффективность определенных инноваций. Однако больше нельзя придерживаться устаревших образовательных программ.

К сожалению, такие оценки не лишены субъективности и пришло время для объективного понимания инновационных процессов в образовании. За прошедшие двадцать лет накопился значительный теоретический и практический материал, позволяющий отделить необходимое от случайного, стратегически важное для развития образования от текущего.

Инновации в системе образования возникают и развиваются на федеральном, региональном и местном уровнях (на уровне образовательной организации).

Процессы государственной реформы образования, включают в себя такие:

- децентрализацию образования, позволившую самостоятельно развивать сеть образования в регионах;
- демократизацию управления, которая постепенно обеспечивает самостоятельность образовательных учреждений в организации учебного процесса;
- ориентацию образовательной деятельности на удовлетворение личных потребностей обучающихся, а также потребностей меняющегося общества.

На федеральном уровне инновации в системе образования проявляются в основном в виде рекомендаций, регулируемых государственными документами, такими как ФЗ «Об образовании», Федеральная программа развития образования, Национальные Учения об образовании, Концепция модернизации российского образования на период до 2030 года и другие.

На этом уровне изменения очевидны для всех: поиск соответствующего содержания образовательных программ, стандартизация образования, переход к четырехлетнему образованию в начальной школе, разработка новых форм аттестации обучающихся, внедрение системы профессионального образования в несколько этапов и др.

Инновации на региональном уровне более конкретны и практичны.

Очевидно, что сам процесс регионализации был в то же время необходимой инновацией в формировании отечественной системы образования на новом историческом этапе. «Эра» школьного единообразия закончилась.

Появились государственные и частные школы, государственные, в свою очередь, разделились на общеобразовательные и «продвинутые» учреждения – лицеи и гимназии. Процесс разработки и обновления программ, методов и технологий, учитывающих альтернативные варианты для индивидуальных и общественных запросов, активизировался, и появилась возможность предоставлять различные дополнительные образовательные услуги (в том числе платные).

Законодательные, организационные и управленческие инновации обеспечивают нормативную основу для инноваций, которые осуществляются в образовательных организациях. Именно этот уровень инновационной активности позволяет рассматривать весь комплекс инноваций в сфере образования как инновационное движение, а не только как реформирование

системы образования, которое осуществляется на определенных этапах развития во многих странах мира.

Как ни странно, такая ситуация в значительной степени обусловлена отсутствием учета «ранней зрелости» многих реформ, которые требовали активных решений от их непосредственных исполнителей – руководителей и преподавателей образовательных организаций, каждый из которых столкнулся с подобным выбором.

Образовательные организации (колледжи), в которых администрация смогла правильно определить общие тенденции в развитии, например, профессионального образования (повышение интереса к образованию) и начать своевременную реформу образовательного процесса, получили значительные преимущества в продвижении престижных учреждений, предоставляющих качественное профессиональное образование.

В других образовательных организациях (колледжах) изменения были не столь заметными: последовательность учебных программ на каждом уровне не рассматривалась, выполнимость и последствия их реализации не отслеживались и не анализировались.

Таким образом, инновации в разных образовательных организациях имели различные масштабы.

В результате инновационные процессы в большинстве случаев являются спонтанными. Восходящие инициативы педагогов (учителей, преподавателей) часто не поддерживаются администрацией образовательной организации. Из-за этого инновации вводятся с задержкой, их целесообразность декларируется, но не оправдывается, вследствие чего инновации растворяются в рутине повседневной деятельности [4; 5].

Инновации в сфере образования классифицируются в основном на [2]:

- сущностные инновации – внедрение в систему образования нововведений, влияющих на саму суть образования, но ранее не применявшихся;
- ретроинновации – внедрение в учебную деятельность подходов, которые использовались раньше, но со временем были забыты;
- комбинированные инновации – объединение нескольких образовательных методов и их слияние в один новый;
- аналоговые инновации – присоединение частного нововведения к уже известному методу обучения.

Очевидно, что инновационные процессы неизбежно вступают в конфликт с существующей традиционной системой образования, но между ними существует диалектическая связь, и теперь можно сказать, что в течение последнего десятилетия сосуществуют две тенденции развития образования - традиционная и инновационная [1]. В современном российском образовательном пространстве, в системе образования можно выделить два типа учебных заведений: традиционные и развивающие.

В традиционной системе образования, характеризующейся относительно стабильным функционированием, направленным на поддержание порядка

после установления, акцент делается на образовательный процесс. Отношения между участниками строятся как субъект-объектные, где субъект – педагог (учитель, преподаватель) – находится в ограниченных условиях, его деятельность контролируется программами, которые жестко фиксируют структуру отношений; объект – обучающийся (ученик, студент) - должен быть наполнен определенными знаниями, его роль – пассивное усвоение информации.

Для разрабатываемых систем характерен режим поиска. В развивающихся российских образовательных системах внедряются инновационные процессы по следующим направлениям: формирование нового содержания образования, разработка и внедрение педагогических технологий, создание новых типов образовательных организаций. Кроме того, преподаватели многих российских учебных заведений внедряют инновации, которые уже вошли в историю педагогического мышления. Например, альтернативные образовательные системы начала 20 века: М. Монтессори, Р. Штайнер, С. Френе и другие.

Первоначальное понимание инноваций – это формирование новой производственной функции. Оно основано на развитии технологий, организационном прогрессе, изменениях социальных ценностей и норм. То есть инновация – это категория, прежде всего социальная и личная, а не инструментальная и технологическая. Социальные аспекты инноваций произрастают, прежде всего, из их связи с потребностями людей. Можно сказать, социальная ориентация является важнейшим признаком инноваций. Никакие инновации не могут быть социально нейтральными.

В современном мире образование должно не только улучшаться, но и быть инновационным. Обновление мира и общества придает инновационным процессам характер постоянства, преемственности и направленности на постоянное, существенное и целостное обновление образовательного процесса. Поэтому одним из важнейших аспектов жизни современного общества является инновационная система образования, которая требует особой политики и собственных стратегических ориентиров.

Образование, которое можно назвать инновационным, является специфическим. Традиционное понимание образования как процесса приобретения знаний является барьером для перехода к инновационному обществу: инструмент не «ломает» традицию, а только укрепляет ее. В свою очередь, в основе инновационного образования лежит задача разрыва связи между функцией инструмента и его сущностью. Фактически, мы говорим о переходе от образовательной парадигмы, которая основана на области научного знания, к научному «невежеству», пониманию всей относительности и незавершенности этих знаний и приобретению способности благодаря возможности воспринимать необходимые связи в самой жизни, превращая их в образы и понятия.

Процесс освоения нового всегда является трудоемким процессом: он состоит в изучении этого нового и в выявлении возможностей использования в

проблемных ситуациях, прогностическом анализе, ментальных и модельных экспериментах. Идеально подобранная инновация должна, среди прочего, гарантировать ее успех. Инновация считается успешной, если разработка нового инструмента, лежащего в ее основе, позволяет решить определенную задачу. Неудачи в развитии инноваций играют роль негативного опыта инноваций не только со всеми его недостатками, но и со всеми его преимуществами. Как правило, большинство нововведений терпят неудачу. Поэтому одно или несколько успешных нововведений должны сбалансировать затраты и результаты других.

С этой точки зрения специфика педагогической деятельности предъявляет особые требования к возможным результатам инноваций. Отказ от конкретного нововведения не должен приводить к образовательным и общепедагогическим результатам хуже, чем те, которые имели место до нововведения. Часто научная незрелость некоторых педагогических «нововведений» приводит к отрицательным последствиям, которые проявляются только со временем.

Однако этого также недостаточно для создания научно обоснованных образовательных инноваций. Образовательные инновации, какими бы привлекательными, методичными и технологичными они ни были, не могут быть освоены без необходимого управления и организации инновационных процессов. Инициаторы инноваций неизбежно столкнутся с проблемами, вызванными инновациями, и будут вынуждены искать пути их решения. Внедрение новых педагогических форм, методов и технологий требует понимания того, как эти инновации внедряются, осваиваются и поддерживаются.

На данном этапе развития нашей системы образования в рамках инновационного движения формируется инновационно-ориентированное образование как переходный этап на пути к инновационному подходу в образовании. В отличие от последнего, во всех его компонентах, направленных на формирование нестандартного мышления, инновационно-ориентированное образование сочетает в себе различные формы и методики для подготовки специалистов для инновационной деятельности в конкретной профессиональной сфере.

Подводя итог сказанному, под инновационно-ориентированным образованием мы подразумеваем конкретное направление подготовки кадров, обеспечивающее их профессиональную готовность к разработке и внедрению инноваций, управление инновационными процессами в сфере их деятельности.

Отметим, что инновационно-ориентированное образование по праву считается педагогической инновацией, учитывая ее важнейшее социальное и культурное значение для развития домашнего образования и, следовательно, для социокультурного развития общества в целом. Инновационно-ориентированное образование может стать той основой, на которой в будущем будет создана полностью инновационная система образования.

Эффективность внедрения определенных инноваций в сфере образования зависит от ряда факторов различного характера, неоднократно обсуждаемых в специальных исследованиях. И хотя инновации относятся к разным уровням системы образования и весьма различны по своим целям, содержанию, объему, степени новизны, характеру и радикальности изменений, основными факторами, условиями их внедрения являются:

- методическая проработанность инновационных идей и моделей, которая обеспечивает их реализацию в учебно-воспитательном процессе в образовательной организации (образовательной структуре), т.е. непосредственно в системе взаимодействия «педагог – обучающийся»;

- готовность педагогов (учителей, преподавателей и воспитателей) к инновационной деятельности.

Здесь особое значение имеет инновационно-ориентированная подготовка педагогических кадров, которая позволит преодолеть стихийность инновационного движения в сфере образования, осуществить разработку и внедрение педагогических инноваций контролируемым и профессиональным образом.

Для истинного овладения инновационным мышлением, а также методами создания инноваций важно, чтобы учащиеся и студенты решали как образовательные, так и практические проблемы. Им следует действительно стать участниками инновационных процессов. И конечно, преподаватели также должны участвовать в этих инновационных процессах.

В этом главное отличие инноваций систем образования нового поколения, что в свою очередь определяет их технологические параметры. Развитие этих инновационных образовательных систем и технологий является сложной, но чрезвычайно актуальной проблемой современного обучения.

Признание объективного характера инноваций в образовании как важнейшего социально-педагогического феномена представляет собой научную задачу определения объективных основ, источников и компонентов инновационной деятельности, позволяющих научно проанализировать происхождение и историю развития этого явления, его место и его роль в социальных отношениях, влияние на социальные процессы и понимание взаимосвязи с другими социальными явлениями, изучение их субъективных характеристик и т. д. Эти знания должны стать научным фундаментом для разработки содержания и технологии инновационного образования.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть, что современная система образования нуждается в инновациях, но в грамотных и своевременных инновациях [3, 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостев А.Г., Лихолетов В.В. Сущность и структура педагогических инноваций // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №12. – С. 26-34.
2. Материалы сайта «4brain.ru». Режим доступа: <https://4brain.ru/about/> (дата обращения: 13.01.2022).

3. Надточий Ю.Б. Интеллектуальный капитал образовательной организации / Ю.Б. Надточий – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – 128 с.
4. Надточий Ю.Б., Шилин А.В. Современный подход к обучению //Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – №3. –С. 41-48.
5. Савчук Е.И. Образовательная среда как основа инновационных процессов в образовательном учреждении // История и педагогика естествознания. – 2015. – №6. – С. 46-52.
6. Савчук Е.И. Особенности развития образовательных организаций в инновационной среде // Вестник Университета Российской академии образования. – 2015. – №2.– 75 с. –С. 76-79.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ: ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

А.С. Данилова

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В статье рассматривается фестивальная педагогика как британская образовательная новация, получившая апробацию и внедрение в российских образовательных учреждениях. Детально рассмотрены воспитательные аспекты фестиваля как технологии фестивальной педагогики. Приведены доказательства эффективности внедрения технологий фестивальной педагогики для успешного преобразования образовательной организации любого уровня в социокультурный центр.

Ключевые слова: образование, воспитание, новация, социокультурный центр.

EDUCATIONAL INNOVATIONS: FESTIVAL PEDAGOGY

A.S. Danilova

Ulyanovsk, UlyanovskStateTechnicalUniversity

Annotation: The article considers festival pedagogy as a British educational innovation that has been tested and implemented in Russian educational institutions. The educational aspects of the festival as a technology of festival pedagogy are considered in detail. Evidence of the effectiveness of the introduction of technologies of festival pedagogy for the successful transformation of an educational organization of any level into a sociocultural center is given.

Keywords: education, upbringing, innovation, sociocultural center.

Современное российское общество находится в процессе постоянных и значительных изменений. Глобализация, политическая и экономическая ситуация вновь определяют социальный заказ системе образования.

Максима о том, что обществу необходимы творчески активные личности, способные проявить себя в нестандартных условиях, гибко и самостоятельно использовать приобретённые знания в разнообразных ситуациях, достойно представлять страну на международной арене, не нова.

Подход же к образованию как синтезу обучения и *воспитания* требуется новый.

«Фестивальная педагогика («festival pedagogy») – воспитательная инновация, получившая распространение в частных школах Великобритании и

явившаяся предметом нашего исследования – вызывает у российской педагогической общественности интерес, представляясь темой ёмкой, интересной и весьма актуальной в условиях современной педагогической проблематики, а именно: возрождённого интереса к воспитанию в образовательных организациях.

Фестивальная педагогика – это система образования и воспитания, организованная по законам направленной творческо-развлекательной продуктивной деятельности, протекающей в увлекательных для участников предлагаемых обстоятельствах, в совместном коллективном творчестве администрации, педагогов, воспитанников, родителей, широкого социума и социокультурных партнёров, способствующая постижению явлений окружающего мира и дающая совокупность цельных представлений о человеке, его роли в жизни общества, его отношениях с окружающим миром, его деятельности, мыслях и чувствах, нравственных и эстетических идеалах, с одной стороны; спланирующая социум вокруг единого социокультурного центра путём организации и проведения совместных с администрацией, педагогами, воспитанниками, родителями, социумом и социокультурными партнёрами праздников, сезонных ярмарок, флэш-моувов, творческих медиа-презентаций – с другой [1, с. 6-7].

Фестиваль как главная технология фестивальной педагогики, в англоязычных исследованиях рассматриваемая в работах ISTA (Северная Ирландия) The Dossier (Ноттингэм, Великобритания), а также в трудах Э. Пирсона (Eric Pierson) и Р. Пэйса (Roger Pace) из Университета Сан Диего, США [2], трактуется в рамках нашего исследования как мощное спланирующее средство, через массовое развлечение способное объединить большое количество участников вокруг определённого социокультурного центра – образовательной организации любого уровня.

В нашем исследовании в качестве гипотезы мы предполагаем, что фестиваль как технология фестивальной педагогики способен выступать средством развития личности воспитанника, тем самым принимая на себя широкий спектр педагогических задач.

Соответственно, фестиваль – это не только череда развлекательных мероприятий, объединённых определённой тематикой. Фестиваль, при должном смысловом наполнении, призван решать воспитательные задачи в трёх плоскостях:

- 1) на уровне личности;
- 2) на уровне образовательного учреждения – организатора фестиваля;
- 3) на уровне социума.

Таким образом, в рамках педагогического понимания фестиваля как образовательного мероприятия мы акцентируем следующие воспитательные аспекты фестиваля:

- 1) на уровне личности:
 - развитие эстетического вкуса;
 - повышение культурного уровня личности в рамках социума;

- приобщение личности к истории и традициям общности и страны;
 - содействие инициативе и активности личности;
- 2) на уровне образовательного учреждения:
- создание неповторимого образа, имиджа учреждения – организатора фестиваля;
 - трансформация образовательного учреждения в социокультурный центр;
 - сплочение педагогического коллектива – учащихся – родительской общности;
 - расширение связей образовательного учреждения с социальными партнёрами;
- 3) на уровне социума:
- сплочение общности людей (социума);
 - пропаганда культуры, повышение общего культурного уровня социума;
 - укрепление региональных связей внутри общности;
 - укрепление и расширение связей людей разного возраста в рамках одной локации [1].

Образовательное учреждение не может успешно реализовывать свою деятельность и развиваться без широкого сотрудничества с социумом на уровне социокультурного партнёрства – инструмента, с помощью которого представители различных субъектов, имеющих специфические интересы, организуют совместную деятельность, целью которой является повышение общего уровня культуры социума.

Фестиваль как технология фестивальной педагогики, выступая вектором положительных перемен и движущей творческой силой педагогического развития, действует сразу по нескольким направлениям, подтверждая следующие тезисы:

1. Социокультурный центр – открытое образовательно-воспитательное учреждение, существующее неотрывно от социума, подверженное любым (в том числе и негативным) социокультурным влияниям.

2. Администрация, педагогический коллектив образовательного учреждения – социокультурного центра – неотделимы от социума, являясь активными членами общества, осуществляя педагогический творческий поиск новых методов и форм работы с ним.

3. Воспитанники, учащиеся образовательного учреждения, их родители, члены семей, родственники, друзья родителей, социальные партнёры образовательного учреждения, взаимодействуя между собой внутри определённой, выбранной либо территориально ограниченной локации, стремятся к логическому центру социального, духовного, культурного притяжения: образовательному учреждению – социокультурному центру.

4. Фестиваль как технология фестивальной педагогики выступает в роли притягательной силы, сплачивающей участников взаимодействия вокруг

выбранной концепции-идеи, решая широкий ряд образовательных и воспитательных задач [1].

Нам представляется необходимым также перечислить следующие преимущества фестиваля как технологии фестивальной педагогики в решении важнейшей педагогической задачи – трансформации образовательной организации в социокультурный центр.

Во-первых, фестиваль – мощное сплачивающее средство для коллектива (детского, детско-взрослого, взрослого), способное объединить вокруг общей идеи разновозрастную группу участников, заинтересовывая и привлекая к себе разрозненных до этого индивидуумов, объединяющее их вокруг выработанной идеи-концепции, направляя интегрированные усилия на решение широкого круга педагогических задач.

Во-вторых, фестиваль предоставляет множественные возможности для творческой самореализации и самоопределения личности участника, развивает эмоции, расширяет кругозор, развивает коммуникативные качества, умение работать как в группе, так и индивидуально.

В-третьих, фестиваль, выходя за рамки образовательного учреждения, вовлекает в деятельность не только учащихся, родителей и педагогический коллектив образовательного учреждения любого уровня, но и социокультурных партнёров, и сам социум. Это, без сомнения, укрепляет связи с социокультурными партнёрами, а также привлекает спонсоров – немаловажная задача для бюджетного образовательного учреждения, а также очевидный российский тренд на самокупаемость.

В-четвёртых, фестиваль, обучая участников новым видам деятельности, значительно расширяет кругозор, развивает умение мобилизоваться, показать свой талант, свои способности с наилучшей стороны.

И, в-пятых, фестиваль – это, прежде всего, традиционное мероприятие, позволяющее планомерно выстраивать работу педагогического коллектива, регулируя взаимоотношения образовательного учреждения – социокультурного центра и социокультурных партнёров [1].

В завершении обзора фестивальной педагогики как образовательной новации мы бы хотели подчеркнуть, что не утверждаем, будто технологии фестивальной педагогики являются «панацеей», единственным способом трансформации образовательной организации в социокультурный центр. Но компаративистский подход как понимание мировой педагогической новационной практики в качестве источника вдохновения при поиске новых продуктивных форм работы представляется весьма перспективным и оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова, Л.Д. Фестивальная педагогика как средство преобразования дошкольного учреждения в социокультурный центр / Л.Д. Данилова, А.С. Данилова. – Ульяновск: Издатель Качалин А. В., 2017. – 104 с.
2. Zielinski, Ger. Film Festival Pedagogy: Using the Film Festival in or as a Film Course // An Online Journal of Film and Television Studies. – №26, February 2014. – PP.1-21.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЦЕННОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ

М.П. Волков

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В статье раскрываются аспекты позитивного воздействия гуманитарной подготовки на качество формирования технических специалистов. Объектами анализа выступают отечественная история, философия, искусство как предмет истории искусств и культурология. Обосновывается необходимость гуманитарной подготовки в техническом университете.

Ключевые слова: технический университет, отечественная история, философия, искусство, культурология.

HIGHER EDUCATION AT A TECHNICAL UNIVERSITY: THE VALUE OF HUMANITARIAN TRAINING

M.P. Volkov

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The article reveals aspects of the positive impact of humanitarian training on the quality of the formation of technical specialists. The objects of analysis are domestic history, philosophy, art as a subject of art history and cultural studies. The necessity of humanitarian training at a technical university is substantiated.

Keywords: technical university, national history, philosophy, art, cultural studies.

Образование и его базисный компонент – обучение предстают атрибутивными характеристиками общества, обеспечивая передачу социокультурного и технико-технологического опыта и, тем самым, воспроизводство его отдельных подсистем, целостного состояния и эволюции по пути обновления и усложнения. Рожденное в античной культуре понятие «калокагатия», обозначая первоначально синтез тела и духа, единства добра и красоты, поднимается затем до обозначения гармонично развитой личности, воплощающей в себе гражданские, этические и эпистемологические ценности античного общества, и становится ориентиром для системы образования. Техногенная цивилизация, Абсолютом которой предстает техника и ее ценности – простота, эффективность, польза, превращает человека в инструмент обслуживания машины, что оборачивается деформацией античной модели образования: материальному производству нужны исполнители узких операций и техническая элита, создающая новые образцы техники. Сегодня, с усложнением технического компонента системы производительных сил и осознанием ценности творческого потенциала человека как звена системы «человек-техника», приходит понимание ценности гуманитарной подготовки будущих технических специалистов в университетах. На наш взгляд, наиболее близкой духу времени выступает модель университета, разработанная К. Ясперсом: университет – это образовательное учреждение, решающее

триединую задачу – передача знаний (собственно образование), поиск истины, не ограничивающийся масштабом науки и специальности, и социокультурная подготовка, формирующая образ мира и влияющая на самоопределение в нем человека [12, с. 115-118]. Сформированная таким университетом личность специалиста способна подняться над узкопрофессиональным пониманием своего предназначения и дойти до осознания своей высокой миссии созидания нового, возвышающего человеческое в человеке.

Завершить вводную часть хотелось бы легендой. В одном городе строители возводили храм. Один любопытствующий человек стал задавать им простой вопрос: «Что ты делаешь?» Один отвечал, что он подвозит кирпичи, другой, что поднимает их на стены, третий, что укладывает их в стену... И лишь один гордо ответил... (ответ в конце работы).

Понимание воздействия гуманитарных наук на движение к этому ответу требует раскрытия ценности отечественной истории, философии, искусства, культурологии для формирования созидательной личности в техническом университете.

Первой дисциплиной, с которой встречается студент, поступивший в университет, и которую начинают преподавать отличным от школьной манеры образом, является отечественная история. Попытаемся охарактеризовать ценность этой дисциплины для формирования личности будущих технических специалистов.

Во-первых, история Отечества обладает огромным потенциалом для формирования основанного на знании и разуме патриотизма как ценностной установки. Н.М. Карамзин выделял три формы любви к Отечеству:

- физическую, основанную на привязанности человека к месту своего рождения, на эмоциональном приятии его красот;
- моральную, вырастающую из связи “с кем мы росли и живем”, с кем изъясняемся на одном языке, который обеспечивает лучшее понимание душевных состояний;
- политическую, представляющую собой “любовь к благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях” [6, с. 253]. Данная форма патриотизма “требует рассуждения” и свойственна не всем.

Патриотизм, на наш взгляд, вырастает из переживания нерасторжимости единства судьбы человека и его рода с жизнью Отечества; из сознания готовности в трудную для Отечества минуту отдать за него свою жизнь, подобно Ивану Сусанину, партизанам войны 1812 года и Великой Отечественной войны, защитникам Севастополя в ходе Крымской войны (1854-1855 гг.) и в 1941-1942 гг. в период Великой Отечественной войны, женщинам – участникам полярных конвоев и миллионам юношей и девушек, добровольно ушедших на фронт; из осознания и переживания обладания чудом, данным нам историей и судьбой – языком с его метафоричностью, делающей его способным передавать оттенки состояний природы и тончайшие душевные переживания.

Во-вторых, отечественная история позволяет передать молодым людям главную идею общественной жизни русского народа – идею служения.

Служение, в отличие от службы, ориентированной на чины и карьеру, возвышает человека над его обыденным существованием и позволяет достичь великих прозрений, в которых ему открывается его предназначение. Служением отмечен героизм монахов Троице-Сергеевой лавры и Горицкого монастыря (Переславль Залесский), отбивавших в годы Смуты осаду польско-литовских интервентов, труды К. Минина и Д. Пожарского, возглавивших в годы Смуты ополчение, деятельность генералиссимуса А.В.Суворова (граф Рымникский – князь Италийский), механика-самоучки И.П.Кулибина, главы школы физиков-ядерщиков в СССР И. В.Курчатова, конструктора С.П.Королева, основоположника современных учений о биологических основах селекции и о центрах происхождения культурных растений Н.И.Вавилова, основоположников космонавтики К.Э.Циолковского и гелиобиологии А.Л.Чижевского, историков Н.М.Карамзина, В.О.Ключевского, философов Н.Ф.Федорова, Л.П.Карсавина, А.Ф.Лосева, П.А.Флоренского, В.Ф.Асмуса, физиков П.Л.Капицы, Л.Д.Ландау. Служат купец П.М.Третьяков, основатель Третьяковской картинной галереи, литературовед и культуролог Ю.М.Лотман, хранитель мемориального музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское» С.С.Гейченко, агроном и почвовед Т.С.Мальцев, советский и российский художник-реставратор, историк искусства, ученый-культуролог С.В.Ямщиков и др.

В-третьих, отечественная история позволяет обосновать идею особого пути России, которая являет себя в идеологии «Москва – третий Рим», в социокультурном феномене славянофильства (А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, К.С.Аксаков), почвенничества (Н.Я.Данилевский, Ф.М.Достоевский), русского консерватизма (К.Н.Леонтьев, К.П.Победоносцев).

С наибольшей полнотой обоснование этой позиции представлено у Н.Я.Данилевского, создателя теории культурно-исторических типов, подобных типам организации животных и растений в живой природе. Отсюда следует, что культурно-исторический тип являет себя в основном укладе хозяйственной деятельности, в отношении к природе, в религии, искусстве, политике. Уникальность России, относящейся к славянскому культурно-историческому типу, заключается, в частности, в ненасильственном характере территориального расширения и включения в свою орбиту других племен и народов; напротив, как в случае с Финляндией, народы нередко получали возможность, используя потенциал России, самостоятельного экономического, культурного и политического развития. Многим народам, придерживающимся традиционного образа жизни, Россия помогла создать собственную элиту, письменность и, тем самым, сохранить их эпос, легенды, сказания.

Н.Я.Данилевский использует для обоснования своей позиции не только теоретические, но и исторические аргументы. По поводу собственно территориальных завоеваний России он пишет: «... все, что можно при разных натяжках назвать этим именем, ограничивается Туркестанской областью, Кавказским горным хребтом, пятью-шестью уездами Закавказья и, если угодно, еще Крымским полуостровом. Если же разбирать дело по совести и справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием – в

дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле. Много ли государств, которые могут сказать про себя то же самое?» [4, с.37].

Патриотический контекст теории Данилевского проявляется в осуждении идеологии механического переноса европейских институтов и ценностей на российскую почву, проповедуемой либеральной интеллигенцией западнической ориентации, а также феномена «европейничанья», названного им болезнью русской жизни. Европейничанье выражается в заискивании перед Европой, в стремлении получить ее похвалу, в трусливом страхе перед ее приговорами. Отстаивание современной России своих национальных интересов, поддержка ею традиционных ценностей – это действия в русле теории Н.Я.Данилевского.

Не претендуя на исчерпание проблемы, остановимся на четырех аспектах ценности философии для носителей технического мышления.

Во-первых, процесс ее освоения в техническом университете подводит студентов к осознанию практичности, на первый взгляд, абстрактных интеллигентных идей и принципов, оказывающих мощное воздействие на поведение и деятельность человека. Если эмпирические знания об окружающем мире обеспечивают получение практического результата, то знания философские, представляя собой идеальные модели мироздания, позволяют получить ответ на вопрос о месте человека в структуре мира, о смысле жизни человека и в значительной мере влияют на выработку ценностных ориентаций, и тем самым, на форму жизнедеятельности в обществе.

Так, древнегреческая философия, вводя в мирозерцание граждан полиса универсальные принципы, согласно которым все в космосе подчиняется Логосу и нет безнаказанности за неправомерные деяния, – даже Солнце подвластно богиням мщения Эриниям, – способствовала вызреванию в массовом сознании представлений о необходимости следования в своих действиях разуму. Созданная философией иерархия ценностей, опирающаяся на структуру законов движения, «поддерживала веру в иерархическую структуру общества. Она оказывала поддержку моральному поведению людей» [15, с.79].

Современная философия, создающая образ мира как исторически развивающейся системы, особенностью которой является прохождение через состояния неустойчивости, в которых даже при незначительном энергетическом воздействии в точках бифуркации они (системы) способны срывать в состояние хаоса, из которого с течением времени способны возвращаться в состояние порядка. Этот образ мира способен давать человеку надежду на достижение лучшего положения в будущем, силы, позволяющие противостоять отчаянию и чувству безысходности, рождающимся из условий кризиса и трагизма, переживаемого «здесь и сейчас».

Во-вторых, ценность философии для будущих представителей технического сообщества состоит в том, что она подводит их к истокам теоретического мышления, тем самым отучая от привычного сосредоточения на «железе» и простейших схемах решения технических задач. Античная философия, открыв исследовательскую позицию, создала возможность

познания мира собственно научными методами. Греки, в отличие от мыслителей Востока (египтян, вавилонян, иудеев), вся мысль которых в своих предельных достижениях «не философия, ибо предмет этой мысли – не «бытие», а жизнь, не «сущность», а существование, и оперирует она не «категориями», а нерасчлененными символами человеческого самоощущения-в-мире, всем своим складом исключая технически-методическую «правильность собственно философии», совершили над мыслью операцию иного рода: они «извлекли из жизненного потока явлений неподвижно-самотождественную «сущность» (будь то «вода» Фалеса или «число» Пифагора, «атом» Демокрита или «идея» Платона) и начали с этой «сущностью» интеллектуально манипулировать, положив тем самым начало философии. Они высвободили для автономного бытия теоретическое мышление, которое, разумеется, существовало и до них, но, так сказать, в химически связанном виде, всегда внутри чего-то иного. В их руках оно впервые превратилось из мышления-в-мире в мышление-о-мире» [1, с.17].

Отныне эмпирические знания, представляющие собой форму бытия ближневосточной преднауки, становится возможным получать в виде следствий из определенных основоположений – аксиом и постулатов.

Философия также продемонстрировала технологии работы с идеализациями собственно науки, состоящие в поиске некоего предельного основания и последовательного, опирающегося на логику, исключающего противоречия выведения следствий.

В-третьих, философия подводит к постижению сущности науки. Ведь наука – это моделирование потенциально осуществимых предметных взаимодействий. Но ведь философия по своей природе – это способ создания идеальных возможных миров, моделей мироздания, нередко порывающих со здравым смыслом. И не случайно наука возникает в античной цивилизации, в культуре которой возникает философия. И не случайно Аристотель называет самой совершенной из всех наук именно метафизику, которая реализует себя в творении идеальных миров и поиске управляющих ими принципов, открывающихся созерцанию, то есть лишенному корысти теоретическому всматриванию в мир.

В-четвертых, философия постоянно побуждает к встречам с миром ценностей: процесс, мучительно трудный для носителей технического мышления, привыкшего оперировать идеализациями, вплетенными в наличный производственный и технологический опыт, и искать ответы на вопросы «как?» и «почему?». Встречи с ценностным миром, со смысложизненными вопросами бытия человека побуждают к поиску ответов на вопросы «зачем?», «ради чего?»: Зачем я живу? Ради чего я должен совершать добрые поступки? Ради чего я не должен лгать? и т.п. Поиск ответов на такие вопросы ставит человека перед необходимостью коперниканского переворота: «...мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам – ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать – не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением.

Ведь жизнь – в конечном счете значит нести ответственность за правильность выполнения тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа» [16, с.148-149]. Человек, пришедший в ходе жизни к определенному ответу на вопросы «зачем?», «ради чего?», способен выработать стратегию и тактику достижения результата, заключенного в ответе: «Живу ради детей! Ради карьеры! Ради славы Отечества!» и т.п.

Но если философия и история представлены в учебных планах технических направлений бакалавриата и специалитета пусть и минимальным, но гарантированным объемом, то история искусства, за редчайшим исключением, вроде архитектурных и дизайнерских специальностей, предстает «бедной Золушкой». Между тем уже на заре техногенной цивилизации Д.Дидро предупреждает о пагубности разделения науки и техники, с одной стороны, и искусства, – с другой: «Перед моим взором встают наши потомки со счетными таблицами в карманах и с деловыми бумагами подмышкой. Присмотритесь получше, и вы поймете, что поток, увлекающий нас, чужд гениальности» [5, с. 503]. Замените счетные таблицы в карманах и деловые бумаги под мышкой смартфонами и ноутбуками, и вы получите убийственно точную картину современной эпохи.

Английский ученый и писатель Ч.П.Сноу оценивает отношения между гуманитарной и естественнонаучной культурами и представляющими их лагерями интеллигенции, прибегая к образу двух «галактик»: «... на одном полюсе – *художественная интеллигенция*, на другом – *ученые* и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды... Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций» [13, с. 20]. Естественно, что подобные отношения между двумя лагерями интеллигенции переносятся и на сферу образования, приводя к деформации процесса формирования творческой личности технического специалиста.

Между тем уже древние греки, относясь к чувственному космосу как главному произведению искусства, признавали глубинное родство науки, техники и искусства, не различая их ни терминологически, ни фактически. Создание вещей, орудий, мыслей и образов строится по единому принципу производственно-технического оформления, что и получает закрепление в едином термине *techné*. «Ведь это *techné* бывает у греков не только сапожная, горшечная, плотничная, кузнечная, – пишет А.Ф.Лосев, – но она бывает и арифметическая, геометрическая, диалектическая, логическая и т.д.» [7, с. 229]. В это «и т.д.» включается *techné* культурная, архитектурная, живописная, музыкальная, поэтическая и т.п. Л.Н. Толстой выразил связь науки и искусства в емкой метафоре, уподобляя ее (связь) той, что существует между легкими и сердцем: если один орган болен, тяжело приходится и другому.

Попытаемся выделить несколько аспектов ценности истории искусства и искусства для будущих технических специалистов.

Во-первых, искусство наполняет, обогащает и технических специалистов, приобщая их к постижению красоты и ее высшей формы – гармонии. Речь идет не о той красоте, которая лежит на поверхности явлений и очаровывает человека сочетанием красок, звуков, ароматов. О красоте другого рода говорит Анри Пуанкаре в книге «Наука и метод»: «Если бы природа не была прекрасной, она не стоила бы того, чтобы быть познанной; жизнь не стоила бы того, чтобы быть прожитой. Я здесь говорю, конечно, не о той красоте, которая бросается в глаза (...). Я имею в виду ту более глубокую красоту, которая кроется в гармонии частей и которая постигается только чистым разумом. Это она создает почву, создает, так сказать, остов для игры видимых красот, ласкающих наши чувства, и без этой поддержки красота мимолетных впечатлений была бы весьма несовершенной, как все неотчетливое и преходящее. Напротив, красота интеллектуальная дает удовлетворение сама по себе... [11, с. 292].

Красота в понимании Пуанкаре – это как явленность гармонии материального мира, так и красота и изящество логических построений, адекватных гармоничности самой природы. Еще пифагорейцы утверждали, что музыкальная гармония доступна проверке математикой. Но в таком случае допустимо и обратное – возможность проверять истинность математических решений критерием изящества, красоты. К такому критерию прибегал А. Пуанкаре, утверждая, что в математике «полезные комбинации – это самые красивые» и «эстетическое чувство выполняет в математическом творчестве роль тонкого решета», отсеивающего неверные решения [10, с.19-20].

Красота являет себя и в симметрии, представляющей в соразмерности, согласованности частей или элементов целого, придающих ему очарование изящества. Г.Вейль в последнем фундаментальном труде «Симметрия» отмечает: «...симметрия есть идея, с помощью которой человек веками пытался объяснить и создать порядок, красоту, совершенство» [2, с.37]. Симметрия позволяет при обнаружении части предмета «дорисовать» его до целого, используя ее (симметрии) разные виды.

Красота в ситуациях выбора между гипотезами, не имеющими экспериментальной проверки, выступает эстетическим критерием истинности. Подобная особенность была замечена уже античными математиками, утверждавшими, что некрасивое уравнение неверно. Признание за верными построениями эстетического основания привело Платона к емкому афоризму: «Красота – сияние истины».

Не менее значима ценность красоты и в техническом творчестве. Авиаконструктор А. Яковлев, осматривая одну модель, вынес вердикт: «Некрасивый самолет не полетит. Не знаю, почему, но не полетит». А. Яковлев, давая оценку, руководствовался эстетическим чувством. Некрасивый самолет имеет плохую аэродинамику, угловатый; если он и полетит, то будет уступать другим моделям в скорости, потребует более мощный мотор, что может привести к утяжелению конструкции и т.п. Некрасивый экскаватор будет уступать красивому с длинной и изящной стрелой в эффективности

выполнения функции. Самый красивый тяжелый танк Второй мировой войны ИС-3 совершенством своих форм на параде в Берлине 7 сентября 1945 г. настолько поразил наших союзников, что им пришлось отказаться от планов развязывания войны с Советским Союзом.

Во-вторых, искусство подпитывает интуитивную способность интеллекта. К интуиции мышление прибегает в ситуациях, в которых апробированные приемы, формально-логические процедуры оказываются непригодными для решения проблем. В таких случаях необходимо расшатать окостеневшие, ставшие стереотипными ходы мышления, выйти из колеи привычных подходов. Работа интуиции предстает как процесс или акт движения мысли от смутно осознаваемого целого к частям, чтобы, уяснив их взаимосвязи, превратить знание из интуитивно постигнутого в логически осмысленное. В этом процессе (акте) мощное стимулирующее воздействие на интеллект может оказать эстетическое чувство. Яркий пример – изопериметрическая теорема, сформулированная еще Декартом. Ее суть в следующем: круг имеет наименьший периметр из всех геометрических фигур, обладающих равной площадью. Ясно, что индуктивным путем вывести это положение невозможно. А между тем, мы уверены в том, что именно так и обстоит дело. Д. Поппер объясняет нашу уверенность эстетическим чувством: «Мы расположены в пользу круга. Круг – наиболее совершенная фигура; мы охотно верим, что вместе с другими своими совершенствами круг для данной площади имеет наименьший периметр. Индуктивный аргумент, высказанный Декартом, кажется таким убедительным, потому что он подтверждает предположение, правдоподобное с самого начала» [9, с. 199-200].

В-третьих, искусство питает фантазию, воображение, без которых невозможно при столкновении с серьезной проблемой выдвинуть гипотезу. Преобразованию природы в действительности предшествует ее преобразование в теории, что осуществляется ее (действительности) переконструированием в воображении. На расцвет воображения, в пространстве которого рождаются самые смелые гипотезы, мощное влияние оказывает музыка, и неслучайно исследователи науки связывают создание специальной теории относительности со способностью ее творца великолепно играть на скрипке. К подобного же рода средством активизации воображения можно отнести современное искусство, построенное на пробуждении у зрителя ярких ассоциаций, позволяющих устанавливать неожиданные связи между объектами. (Яркий пример такого рода искусства – это творчество В. Кандинского, М. Шагал, П. Филонова, С. Дали, М. Эшера и др.)

В-четвертых, искусство играя сравнениями, эпитетами, метафорами, готовит мышление к установлению связи между разнородными объектами. Не будет преувеличением сказать, что изобилующая метафорами античная литература предстает школой подготовки к научному мышлению: обращение к метафоре в науке происходит в ситуациях отсутствия термина для фиксации нового явления или его эффекта. В этом случае мышление обращается к

имеющемуся лексикону, выбирая слово, значение которого переплетается с доселе неизвестным объектом.

Вместе с тем метафора не может быть сведена к роли инструмента наименования; она предстает и орудием мышления, поскольку немислима без способности выхода за границы целостного образа предмета, выделяя одно из его свойств и уподобляя его свойству уже известного нам предмета. Говоря о метафоре, Х. Ортега-и-Гассет справедливо отмечает: «Проанализируйте любую метафору, и вы обнаружите в ней присутствие очень живого, позитивного, мы бы даже сказали, научного тождества абстрактных компонентов в рамках двух объектов» [8, с.74]. Именно литература как форма искусства представляет собой особую зону, «в которой слова порывают со своей жесткой связью с бытовой практикой употребления, выходят из очерченных этой практикой берегов, начинают «игру в бисер» со смыслами, оттенками значений, улавливая тяготение слов к занятию определенных ниш: это и есть зона метафоры» [3, с. 91].

Благодаря метафоричности как атрибутивному свойству языка, в физике появляются кварки, два типа из которых получили имена «прелестный» и «очарованный», «цвет» – название нового квантового свойства, «электронное облако», «дипольный призрак», «мезонная шуба», в биологии – «обломовизм» (способность одной из разновидностей моллюсков впасть в спячку) и др.

Наконец рассмотрим ценность для студентов технических университетов культурологии, объем которой в учебных планах, подобно бальзаковской шагреновой коже, только уменьшается.

Культура как предмет культурологии, в отличие от философии, видящей в ней систему социально значимых программ, состыковывающих между собой дискретные акты деятельности, поведения и общения и обеспечивающих воспроизводство отдельных подсистем общества и его целостность (В.С. Степин), понимается как общественная мысль, просвещение, наука, литература, то есть те области творческой деятельности, «в которых человек наиболее полно проявил свой ум, знания, талант, творческие искания и озарения, представления о красоте, обозначив свое место в мире» [14, с. 7].

Ценность культурологии для студентов состоит в следующих формах.

Во-первых, культурология вслед за философией дает понимание культуры как атрибутивной характеристики человека и общества, укорененной в жизни, быте, истории народа, что позволяет избежать высокомерия, присущего европоцентризму, приписывающему Европе статус некоего эталона культурного развития. Уже упоминаемый Н.Я. Данилевский на место моноцентричной модели развития культуры ставит полицентричную с ее многовариантностью эволюции. Это позволяет рассматривать любую культуру, сколь бы странной и диковинной она ни представлялась носителю иной культуры, как естественную для этого народа, его образа жизни, уклада хозяйственной деятельности, интенсивности контактов с другими народами и этносами. Подобная установка позволяет избежать культурного шока при

встрече с носителями иной культуры и наладить с ними контакт, обеспечить возможность диалога.

Во-вторых, культурология позволяет прийти к постижению уникальности русской культуры, которая открыта иновлиниям, которая в заимствования вносит свое, возвышающее человеческое в человеке. Примерами превращения заимствованной культурой формы в оригинальное явление русской культуры предстают *православная икона*, которая, придя к нам из Византии, становится у А.Рублева «умозрением в красках» (В.М.Соловьев); *храмовая архитектура*, в своих высших образцах – Спасо-Преображенский собор (Переславль-Залесский, 1152-1157 гг.), Успенский собор (Владимир, 1158-1160 гг.), храм Покрова на Нерли (1165 г.), Дмитриевский собор (Владимир, 1194-1197 гг.) – становятся воплощением сияния красоты, моделью космоса как украшенного, гармоничного мира. Непревзойденным образцом деревянного зодчества предстает архитектурный ансамбль в Кижах (1714 г.), жемчужиной которого является Преображенская церковь, украшенная 22 главами, расположенными в пять ярусов. Европейское барокко в России превращается в нарышкинское барокко: храм Покрова Пресвятой богородицы в Филях (1690-1693 гг.) с его множеством ярусов выступает символом восхождения государя по ступеням парадного крыльца в полном облачении и во всем своем державном величии [14, с 162]; литература как оригинальное явление русской культуры, возникнув лишь в конце 18 века («Бедная Лиза» Карамзина, 1782 г.), уже в 19 веке (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский) становится непревзойденной по глубине постижения человека и поэтике; русская поэзия как относительно позднее явление в сравнении с европейской (дантовский сонет – 13 в., сонет Петрарки – 14 в.) в 19 в. (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Майков) достигает вершин европейской, а по философичности и метафоричности превосходит ее. Все это порождает чувство законной гордости за успехи русской культуры, в основе которых желание учиться, открытость диалогу.

Вернемся к легенде, рассказанной в конце вводной части работы. Один из строителей ответил: «Я строю храм». Это ответ человека, способного подняться над житейской ситуацией и стать Созидателем. Если мы хотим сформировать в техническом университете не ремесленников, а Созидателей, гуманитарной подготовке должно быть придано самое серьезное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов). // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. / С.С. Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 19-75.
2. Вейль Г. Симметрия. / Г. Вейль. – М.: Наука, 1968. – 192 с.: ил.
3. Волков М.П. Античная наука как социокультурное явление. Проблема генезиса. / М.П. Волков. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 134 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-романскому. / Н.Я. Данилевский. – СПб: Издательство «Глаголь», издательство С.-Петербургского университета, 1995. – 514 с.

5. Дидро Д. Собрание сочинений в 10 тт. Т. VI Искусство / Д. Дидро. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1946. – 608 с.
6. Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости. / Н.М. Карамзин. // Карамзин Н.М. О древней и новой России. – М.: «Жизнь и мысль», 2002. – 480 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). / А.Ф. Лосев. – М.: Высшая школа, 1963. – 583 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. // Теория метафоры / пер. с исп. Н. Д. Арутюновой вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
9. Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения / пер. с англ. И. А. Вайнштейна; под ред. С. А. Яновской / Д. Пойа. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 535 с.
10. Пуанкаре А. Математическое творчество: психологический этюд / А. Пуанкаре, чл. Франц. акад. наук; пер. Е.Г. Руниной под ред. М.Г. Ребиндера, ассистента Математич. кабинета Юрьевск. ун-та. – Юрьев: типография Э. Бергмана, 1909. – 24 с.
11. Пуанкаре А. О науке / пер. с франц. Под редакцией Л. С. Понтрягина. / А. Пуанкаре. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 560 с.
12. Садовничий В.А. Университетское образование: приглашение к размышлению / В.А. Садовничий, В.В. Белокуров, В.П. Сушко, Е.В. Шикин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 352 с.
13. Сноу Ч.П. Две культуры / Ч.П. Сноу. – М.: Прогресс, 1973. – 146 с.
14. Соловьев В.М. Золотая книга русской культуры / В.М. Соловьев. – М.: Белый город, 2007. – 560 с.: ил.
15. Франк Ф. Философия науки / Ф. Франк – М.: Иностранная литература, 1960. – 544 с.
16. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. / В. Франкл. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 239 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.С. Барвинок

ДНР, Донецк, Донецкий национальный технический университет

Аннотация: В статье показана роль информационной и медийной грамотности в образовательном пространстве технического университета, значение научно-исследовательской деятельности субъектов образования как источника инноваций и прогресса, технология искусственного интеллекта как эволюционный прорыв в науке и технологиях, синергетизация образования.

Ключевые слова: медийная и информационная грамотность, научно-исследовательская деятельность, искусственный интеллект, синергетический подход.

DEVELOPMENT TRENDS OF MODERN HIGHER TECHNICAL EDUCATION

A.S. Barvinok

DNR, Donetsk, Donetsk National Technical University

Annotation: The article shows the role of information and media literacy in the educational space of a technical university, the importance of research activities of educational subjects as a source of innovation and progress, Artificial Intelligence technology as an evolutionary breakthrough in science and technology, synergization of education.

Keywords: media and information literacy, research activities, Artificial Intelligence, synergetic approach.

Современный образовательный кризис в период пандемии COVID-19 обострил текущие проблемы в системе высшего образования, позволил нам осознать их и спрогнозировать перспективы развития в высшем образовании и в техническом – в частности.

Цифровизация, режим социальных ограничений поставили перед нами следующие задачи: внедрение инновационных технологий в практику обучения, совершенствование системы организации образовательного пространства и организационно-педагогических условий в вузе, интегрирование науки и производства, международное сотрудничество в системе высшего технического образования и продвижение научно-исследовательской деятельности субъектов образовательного пространства.

Способы передачи информации и взаимодействия между людьми вынужденно изменились, что влечет за собой смену парадигмы образования в целом и внедрение новых технологий в образование, форм и условий организационно-педагогического процесса. Применение технологий дистанционного обучения стали ключевой составляющей эффективного обучения в современных реалиях.

Техническое образование в настоящее время переживает трансформационные изменения в системе организации образовательных условий, переориентацию специальностей и появление новых, согласно запросам современного рынка труда. Но при этом стоит сохранить старые научные школы, традиционные специальности, которые будут востребованы всегда.

Нам стоит обратиться к прогностике, чтобы высшее образование не утратило актуальности, и обратить внимание на навыки будущего.

На Всемирном экономическом форуме 2021 немало сессий посвящено образованию. На одной из дискуссий спикеры обозначили необходимость сотрудничества учебных заведений и частного сектора. Они отметили, что университетское образование не в состоянии предоставить студенту весь необходимый список профессиональных компетенций, поэтому необходимо активное участие бизнеса в данном процессе.

На другой дискуссии, которая касалась переквалификации, CEO LinkedIn Corporation Райан Росланский сказал: «Профессия – это комбинация навыков, а навыки – это валюта». Он рассказал, что работодатели на LinkedIn чаще всего ищут работников с цифровыми навыками (digitalskills). Этот факт образовательное сообщество не может отрицать и стоит активно формировать данные навыки среди студенческой молодежи.

Мировой Экономический Форум назвал топ-10 навыков 2025 года.

На первом месте оказалось аналитическое мышление и инновационность, а на втором – активное обучение и учебные стратегии. Навык комплексного решения проблем, который был лидером списка для 2015 и 2020 годов, теперь на третьем месте. Традиционно важными остаются критическое мышление и анализ, креативность, оригинальность и инициатива. Полностью новыми в списке стали цифровые навыки: использование, мониторинг и контроль технологий, а также технологический дизайн и программирование. В десятку вошли и навыки самоконтроля: чрезвычайно важными будут устойчивость, сопротивляемость стрессам и гибкость, а также умение взаимодействовать с другими – лидерство и социальное влияние [3].

Таким образом, рынок труда и ускоренные темпы развития научного прогресса диктуют современному высшему образованию новые требования к специалистам и освоение ими новых навыков для выполнения профессиональных задач.

Цифровые навыки, о которых упоминалось выше, находят свое отражение в медийной и информационной грамотности. Медийная и информационная грамотность понимается как способность к поиску, анализу, использованию и презентации информации для изучения проблем и принятия решений. Медийная и информационная грамотность на сегодняшний день неразрывно связаны с технологией искусственного интеллекта благодаря стремительному развитию информационных площадок и Интернета в целом. Системы искусственного интеллекта – самые влиятельные цифровые технологии, задачей которых изначально была обрабатывать большие наборы данных, информации. Данные имеют следующие свойства или параметры: объем, скорость, разнообразие, достоверность, с которыми работает искусственный интеллект. Хотя за время существования данной технологии спектр ее реальных возможностей стал намного шире и даже пугающим для научного сообщества [1,91-94]. Но возросшую роль и значение в системе высшего образования и дальнейшее развитие в данном направлении не стоит игнорировать. Поэтому виртуальное сотрудничество становится альтернативным способом передачи научного знания в дистанционном формате. Эти идеи нашли свое практическое применение в качестве онлайн образовательных платформ, которые применяются ведущими вузами не только Российской Федерации, но и Европы и США.

Стоит отметить, что именно специальное взаимодействие преподавателя и студента способствует формированию научно-исследовательской компетентности, а также выработке способов самостоятельной деятельности, способов мышления, формированию профессиональных качеств личности, определению смысла жизни в процессе профессиональной подготовки. Эти принципы, в свою очередь, имеют отражение в педагогической синергетике как основе формирования новой научной картины мира [2,107-114].

Произведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что педагогический процесс является открытой сложноорганизованной

информационной системой, в которой постоянно циркулирует информация, новые идеи, которые взаимодействуют с внешним миром и трансформируются в новые теоретические положения и исследовательские задачи.

Целью обучения, в контексте синергетики, является формирование саморазвивающейся личности как человека культуры и науки. Этого можно достичь с помощью сотрудничества и взаимодействия всех участников педагогического процесса.

Потенциал и возможности применения синергетического подхода приемлемо адаптировать для формирования научно-исследовательской компетентности студентов технических вузов. Синергетизация образования – процесс трансдисциплинарного образования, которое предусматривает объединение и интеграцию с целью получения нового знания. В данном контексте образование рассматривается как фактор инновационно-ориентированного общественного развития.

Стремительное развитие технологий и экономического сектора, неизбежно влечет за собой изменения в образовательной парадигме. Задача современного технического образования – адекватно оценивать в прогностическом ключе тренды и современные новаторские идеи, которые способны изменить или расширить границы научного знания и мира в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2018. - Т. 22. - № 1. - С. 91–109.
2. Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики / И.В. Понкин, А.И. Редькина. – М.: Буки Веди, 2020. – 365 с.
3. Larry Kim By 2020, These 10 Employee Skills Will Soon Be In Huge Demand![Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://medium.com/swlh/by-2020-these-10-employee-skills-will-soon-be-in-huge-demand-13ab03c6d06f>. - Дата обращения: 20.01.2022.

КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА: ТАРГЕТИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А.Н. Попов, А.А. Хандримайлов, О.Ю. Малахова

Оренбург, Оренбургский институт путей сообщения – филиал СамГУПС

Аннотация: Статья посвящена исследованию сущности, структуры и путей культурного самоопределения будущего инженера в период его профессиональной подготовки в вузе. Представлен анализ теоретических изысканий в обозначенном проблемном поле. Определены основные проблемы, возникающие в процессе поиска будущим техническим специалистом своего места в социокультурном пространстве, намечены возможные пути их преодоления. Предложен анализ полученных эмпирических данных. Намечены перспективы исследования.

Ключевые слова: культурное самоопределение, будущий инженер, образовательная среда вуза.

CULTURAL SELF-DETERMINATION OF THE FUTURE ENGINEER: TARGETING, PROBLEMS, WAYS OF IMPLEMENTATION

A.N. Popov, A.A. Khandrimailov, O.Yu. Malakhova

Orenburg, Orenburg Institute of Railways – a branch of SamGUPS

Annotation: The article is devoted to the study of the essence, structure and ways of cultural self-determination of the future engineer during his professional training at the university. Analysis of theoretical surveys in the indicated problem field is presented. The main problems arising in the process of search by the future technical specialist for their place in the sociocultural space are identified, possible ways to overcome them are outlined. Analysis of obtained empirical data is proposed. The prospects of the study are outlined.

Keywords: cultural self-determination, future engineer, educational environment of the university.

В ситуации кризиса образования и традиционных научных форм его осмысления, а также исчерпанности традиционной педагогической парадигмы, образовательное сообщество определяет место и смысл отдельных видов образования в культурном универсуме жизни, по-новому понимает человека и идеал образованности, смысл жизни и деятельности.

В данном контексте очевиден выход на образовательную авансцену задач, которые актуализированы современным социальным и профессиональным заказом: подготовка специалистов (в том числе технического профиля), способных к личностному, социальному, профессиональному таргетированию, ориентированных на саморазвитие, культурное самоопределение и самореализацию в динамично меняющихся условиях. Смысл общего противоречия состоит в том, что система высшего технического образования в том виде, в котором она существует, не может их решать комплексно и в полном объеме.

Вопросы профессиональной подготовки молодого технического специалиста требуют обращения к проблеме культурного самоопределения, поскольку в последние десятилетия в российском обществе налицо вариативность жизненных стратегий. Отсюда вопрос: с какими личностными чертами и параметрами «желаемого завтра» связан выбор будущим инженером нетипичных стратегий, а с какими – типичных, как осуществляется сам выбор? Обратимся к рассмотрению сущности и структуры культурного самоопределения.

Термин «самоопределение» используется в различных антропологических областях (психологии, социологии, педагогике) для обозначения процесса взросления личности, формирования жизненной перспективы, жизненных планов, выбора профессии. Вопросы, связанные с определением молодым человеком собственной позиции в культурном пространстве, обществе, профессии, находятся в сфере научных интересов педагогов, психологов, социологов. Так, Н.Я. Большунова называет проблему культурного самоопределения молодого человека значимой в контексте изучения траекторий его личностного развития и индивидуальности, при этом

определяет исследуемый процесс как серьезную задачу воспитания и образования [1]. Н.Н. Никитина полагает, что самоопределение личности – это социокультурный феномен, при этом ученый отмечает корреляционные связи процесса самоопределения и реальной социокультурной ситуации, детерминирующей условия и возможный результат [7]. Педагог А.А. Карунина, исследуя характеристики социокультурного самоопределения студентов, решает задачу разработки эффективных способов формирования способности самоопределения [3]. А.А. Хусаинова делает научный акцент на потенциале гуманитарных дисциплин в контексте культурного самоопределения студентов, определяет спектр педагогических условий, в которых возможно эффективное протекание данного процесса [10]. В западном человекознании они исследуются в работах Р.Бернса, А.Маслоу, К.Роджерса.

Анализ теоретических исследований в обозначенном проблемном поле показал: наиболее общим является понимание самоопределения как способности к самостоятельному построению своей жизни, к осмыслению и регулированию жизнедеятельности в соответствии с ценностными ориентирами. Это – одна из важнейших потребностей личности. Она выражается в поиске смысла жизни, в осознании ее целостности, направленности, преемственности, что предполагает необходимость осуществления таргетирования и поиск смысловых ценностей и приоритетов.

Концепция саморазвивающейся личности позволяет рассматривать самоопределение под новым углом зрения: через взаимосвязь самоопределения, саморегуляции деятельности и саморегуляции личности. Основным предметом личностной регуляции являются не столько действия, направленные на преобразование в предметном мире, сколько действия, направленные на преобразования отношения человека к другим людям, к самому себе и к тем видам деятельности, к которым он оказывается приобщенным. Наряду с технологией деятельности человек овладевает и технологией отношений, их правилами. Дополнив идеи функциональной системы саморегуляции идеей осознанности, идеей активного и осознающего свои задачи субъекта деятельности, можно идентифицировать их в целостном педагогическом процессе.

Система осознанной саморегуляции деятельности имеет структуру, единую для всех видов деятельности (в том числе и самоопределения), состоящую из следующих звеньев: цель деятельности, моделирование значимых условий, программа действий, оценка результатов, коррекция.

Заданная цель и всякое задание могут быть переформулированы человеком в более близких ему понятиях и представлениях. Для того чтобы организовать последовательность действий в соответствии с принятой целью, нужно соотнести цель с реальными условиями, в которых будет происходить ее достижение и выделить условия, наиболее значимые с точки зрения цели. Этот процесс осуществляется звеном «субъективная модель значимых условий деятельности». На базе такой модели человек осуществляет в звене «программа действий» упорядочение действий, средств и способов. И модель, и программа

могут и должны изменяться, приспособляясь друг к другу по ходу деятельности. Неизменной целью остается до тех пор, пока человек не достигнет ее. На основе информации из звена «оценка результатов» в звене «коррекция» принимается решение о том, нужно ли вносить коррективы, если нужно, то куда и какие, или же можно считать поставленную цель достигнутой.

Данные научные позиции коррелируют с нашими теоретическими изысканиями и практической работой, направленными на исследование основных проблем, возникающих в процессе культурного самоопределения будущего инженера в процессе его обучения в вузе, и поиск возможных путей их решения.

Выделим основные направления, ведущие закономерности осуществления культурного самоопределения студента технического вуза.

Во-первых, обеспечение должного уровня развития у будущего инженера навыков учебной деятельности, поскольку формирование прикладных знаний, умений, навыков не дает развивающего эффекта. Поэтому одной из главных целей образования в технических вузах должно стать развитие личности и ее способности к саморазвитию. Эта цель всегда стояла перед высшим образованием, но не позиционировалась главной, определяющей в техническом вузе. И практически не принималось во внимание, что важнейшей стороной развития личности будущего технического специалиста должно стать развитие ведущей деятельности, т.к. по законам психологии только высокий уровень ведущей деятельности определяет оптимальное личностное развитие человека.

Наше эмпирическое исследование (анкетирование, интервьюирование, анализ продуктов деятельности студентов), проведенное на базе Оренбургского института путей сообщения – филиала Самарского государственного университета путей сообщения, подтвердило гипотезу о том, что у студентов еще не произошло первичное (личностное) самоопределение в социуме, а на это накладывается процесс вторичного (культурного) самоопределения. Чтобы самоопределиться, студенту нужно уметь занимать две самоопределяющие позиции. Анализ анкет показал, что студенты не могут «удержать» первую позицию, т.к. уровень мышления не позволяет даже ориентироваться в личностной плоскости.

По нашему мнению, мышление большинства студентов носит практико-конкретный характер, что не позволяет им подняться до понятийного уровня. Можно ли все оставить в том виде, как оно есть? Можно оставить, и ситуация многих технических вузов – подтверждение тому.

Чем, на наш взгляд, усугубляется недостаточность условий для культурного самоопределения студента в техническом вузе? Сегодня все компоненты деятельности, функционирующие в техническом вузе, имеют рецептурный характер. В таком случае базисной деятельностью для воспитания и формирования личности и построения образовательного процесса является профессиональная деятельность, которая и построена в техническом вузе по принципу «готовых рецептов» и соответствует психологическому складу большинства студентов. Исследование показывает, что многие педагоги не в полной мере могут занять позицию, которая коррелирует с педагогическим

сопровождением культурного самоопределения будущих инженеров. Они во многом являются трансляторами знаний, не формируют приемы и методы обобщения, абстрагирования, не доводят эмпирические знания до знаниевой сферы деятельности студентов.

Следующей причиной, тормозящей инновационное преобразование образовательного процесса, являются типовые профессиональные характеристики выпускника, содержащие перечень множества личностных и профессиональных качеств, которые педагоги должны сформировать у студента за период обучения. В этом своде «исчезает» сам студент; ему предписали: быть таким и никаким иным. Для определения пассивной позиции студента в педагогике используется сравнение обучаемого с «сосудом, который надо наполнить до краев».

Вопрос же требует другой постановки: на что нацелен сам студент, что он реально может, в чем хочет себя проявить? Исследование показывает, что студент хочет научиться осуществлять таргетирование, выстраивать свои действия в соответствии с поставленной целью, научиться их корректировать и оценивать, выделить критерии успешности деятельности и т.д. «Научите нас мышлению, а что нам делать, мы сами решим», – встречается во многих анкетах.

Вывод, который мы сделали по результатам исследования: будущему инженеру нужно получить в вузе универсальные умения таргетирования и целеосуществления; сформировать основы понимания условий личностных, социальных, профессиональных задач, приобрести способность самому определить и планировать свою деятельность, научиться определять характер затруднения, выработать умение решать его.

Сегодня перед высшей технической школой стоит задача разработки педагогики пространства, предполагающая представление вуза как совокупности пространств «жизнедействования» студента. При этом последний должен иметь возможность «помещать» себя в различные пространства (дидактическое, воспитательное, научное, творческое и др.), но все эти пространства должны коррелировать с умением действовать в любой ситуации. Важно, чтобы у студента сложилось четкое и осознанное понимание следующих позиций: что я сейчас делаю, как я делаю, почему я так делаю.

Это понимание – основополагающая подготовка к самоопределению вообще и к культурному в частности, т.е. движению к самому себе, к осознанию себя в культуре. Будущему инженеру крайне важно приобрести разнообразный опыт, в котором бы происходило включение знаний, информации в опыт их жизни. «Главное, – указывал А.Н.Леонтьев, – заключается в том, чем для самого человека становятся те мысли и знания, которые мы ему сообщаем, те чувства, которые мы у него воспитываем, те стремления, которые мы у него возбуждаем» [4].

Только тогда, когда будущий инженер осознает себя, свою индивидуальность, «отдельность», ему захочется соотноситься с другими. На наш взгляд, в Оренбургском институте путей сообщения создается реальное пространство для поиска и нахождения студентами себя в пространстве культуры.

Основным средством профессионального, личностного, культурного развития студента становится обсуждение со студентами, преподавателями своей работы и тех принципов, ценностей, содержания и форм, которые за ней стоят.

Приоритетная задача состоит не в том, чтобы создать какие-то сверхновые методики, технологию самоопределения (что вообще кажется невозможным, по мнению большинства ученых), а запустить процесс поиска личностных целей и ценностей в каждом студенте, в студенческом коллективе в целом. Опираясь на технологию педагогического сопровождения, способствовать выработке умений осуществлять таргетирование, осуществлять обоснованный выбор средств достижения целей, коррелирующих с общечеловеческими ценностями и постулатами корпоративной культуры.

Исходя из сущности самоопределения, можно утверждать, что ведущим фактором, способным разрешить противоречия в культурном самоопределении студента, выступает сам студент, уровень его ориентации в мире ценностей общества и культуры, равно как и осознание своих возможностей, потребностей, его способность экстраполировать себя в будущее.

Развитие этой способности зависит от включения студента в ситуации целеполагания. Необходимо создать условия для стимулирования способности студента к прогнозированию не только целей культурной деятельности, но и обеспечение условий для реализации не в далеком будущем, а уже в стенах вуза, в процессе профессиональной подготовки.

Опираясь на теоретические изыскания в области культурного самоопределения [1-3; 7; 10], современную философско-педагогическую парадигму, резюмируя свой исследовательский опыт [5; 6; 8; 9], можно сделать вывод о том, что специалисту, которого готовит современный технический вуз, необходимо не просто войти в мир культуры, но и самоопределиваться в нем – в качестве полноправного совладельца и соавтора, быть не только умелым пользователем, но и творцом культурных ценностей.

Очерчивая перспективы исследования возможностей образовательной среды технического вуза в культурном самоопределении будущего инженера, отметим необходимость разработки модели педагогического сопровождения данного процесса и дальнейший поиск способов, форм и технологий его эффективного осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большунова Л. Я. Воспитание как социокультурное самоопределение личности / Л. Я. Большунова // Личность в воспитании и воспитание личности. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – С. 62-72.
2. Воробьева О.Б. Роль культурологии в развитии профессионально-личностных качеств студенческой молодежи / О.Б. Воробьева //Перспективы развития высшей школы: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2020. – С. 173-175.
3. Карунина А. А. Исследование характеристик социокультурного самоопределения студентов. / А. А. Карунина // XI Международная научно-практическая конференция молодых ученых: сборник материалов. – СПб.: ЛГУ, 2016.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 130 с.

5. Малахова О. Ю. Проблемы и перспективы профессионально-личностного самоопределения будущего специалиста в современных социокультурных условиях // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2016. – № 9 (174). – С. 98-102.
6. Малахова О. Ю. Роль рефлексивно-образовательной среды в профессионально-личностном самоопределении студента вуза // Образование и общество. – 2015. – № 1 (90). – С. 87-91.
7. Никитина Н. Н. Самоопределение личности как социокультурный феномен // Новые ценности образования. – 2005. – №2. – С. 16-27.
8. Попов А. Н. Философско-педагогические аспекты выбора социокультурных ориентиров личности в современном российском образовании / А. Н. Попов, О. Ю. Малахова // Наука и образование транспорту: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Самара: СамГУПС, 2018. – С. 286-288.
9. Хандримайлов А. А. Культурологический подход – методологическое основание формирования корпоративных компетенций будущих инженеров /А. А. Хандримайлов, А. Н. Попов, О. Ю. Малахова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: ОГУ, 2021. – С. 3477-3482.
10. Хусаинова А. А. Формирование социокультурного самоопределения студентов технического колледжа средствами иностранного языка: дисс. ... к.пед.наук / А. А. Хусаинова. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2007. – 24 с.

МЕСТО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

И.А. Янкина

Таганрог, Таганрогский институт управления и экономики

Аннотация: Статья раскрывает вопросы развития образования в эпоху цифровизации. Рассматриваются проблемы формирования цифровых компетенций как способа успешной адаптации на рынке труда. Образование имеет большое значение для подготовки профессионалов, однако инертность образовательных процессов тормозит адаптацию в цифровое пространство.

Ключевые слова: цифровые компетенции, образование, цифровые технологии.

THE PLACE OF EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

I.A. Yankina

Taganrog, Taganrog Institute of Management and Economics

Annotation: The article reveals the issues of the development of education in the age of digitalization. It is considered the problems of the formation of digital competencies as a way of successful adaptation in the labor market. Education has of great importance for the preparation of professionals. However, the inertia of educational processes hinders adaptation to the digital space.

Keywords: digital competencies, education, digital technologies.

Цифровизация является естественным продолжением процесса технологического развития социума. Образование в этом случае играет роль катализатора. Однако российская практика показывает, что население

испытывает определенные трудности с освоением цифровых компетенций. Это актуализирует исследования в данной области.

Цель исследования – определить место образовательного процесса в современных условиях цифровизации.

Объектом исследования является образование как социальный институт, формирующий компетентных специалистов для социально-экономического пространства. Предмет – механизмы и факторы, влияющие на образовательный процесс в рамках цифровизации социально-экономических практик.

На современном этапе формируется «общество цифровизации», общество технически просвещенных людей, избавленных от устаревших моделей поведения, привязанных рамками профессиональных и территориальных устоев к конкретному месту или организации. Отечественные исследователи отмечают, что «современные информационные технологии все глубже проникают в различные сферы общественной жизни, оказывая глубокое влияние на сознание и поведение индивидов, характер социальных отношений и взаимодействий» [2, с. 71]. Гибкость и динамичность процессов в сфере информационных технологий приводит к существенным изменениям в требованиях к потенциальным работникам в области цифровых компетенций. Поэтому желание повысить качество и уровень своей жизни детерминирует необходимость «идти в ногу со временем», подстраиваясь под требования рынка труда. Особенно это актуально для молодого поколения россиян. Связано это с тем, что «с одной стороны, это самая гибкая активная и перспективная часть трудовых ресурсов. С другой, именно в моделях трудового поведения молодёжи закладываются глобальные социальные противоречия, запускающие кризисные процессы» [3, с. 48]. Наиболее активная часть представителей молодежи рассматривает цифровые компетенции как инструмент повышения своего материального положения и социального статуса. Они реализуют данные навыки в трудовой и досуговой сферах, преодолевая существовавшие ограничения из-за социально-экономической неоднородности среды. Вовлеченность в интеллектуальное производство, связанное с soft-технологиями, позволяет стремиться к максимальной эффективности своей деятельности. Неудовлетворительная заработная плата для них – повод обучиться еще одному интеллектуальному навыку (компетенции), и растущие амбиции становятся неотъемлемой чертой характера этого поколения. Здесь прослеживается интересный социальный факт: разорванность преемственности опыта поколений в отношении этих представителей молодежи сыграла положительную роль. Таким образом, бесполезность межпоколенческого опыта приводит к его социальному игнорированию, что рассматривается как эффективная практика адаптации к требованиям реальности. При этом в социальной среде все еще остается достаточно большой социальный слой, поддерживающий традиционную линию поведения.

Молодежь, копирующая практики старшего поколения, действительно направляет свои усилия на поддержание традиций в отношении социального

уклада. Однако это малоодоходные практики, обеспечивающие скромный уровень и качество жизни. Предыдущие поколения россиян в подавляющем большинстве выросли в рамках традиционной модели поведения. Она основана на таких установках, как «держаться за место работы», «рост заработной платы возможен через увеличение объемов рабочего времени». Фактически подобный экстенсивный путь повышения благосостояния был залогом стабильности и поддержания социального консенсуса. Среди подобных установок действовало и убеждение, связанное с необходимостью получения образования как залога социального благополучия.

С одной стороны, образование – это способ повысить свою значимость на рынке труда. Здесь образование рассматривается как социальный лифт (по П.Сорокину). Но, с другой стороны, сегодня актуальным становится обучение узким профессиональным компетенциям в области применения цифровых технологий. В связи с этим в систему общего образования необходимо внедрять процессы освоения цифровых технологий не только в рамках профессиональной деятельности, но и с позиций потребления.

Исследования показали, «что практически каждый четвертый из опрошенных дает негативную оценку деятельности организаций образовательного профиля» [4, с. 135-136]. Применение диаграммы В. Паретто позволило выявить, что учреждения образования не связаны с первоочередными проблемами в глазах общественности. Тем не менее, возникшие в этой сфере вопросы требуют управленческого воздействия в ближайшем будущем.

Инертность образовательных программ в современную эпоху цифровизации становится одним из факторов, тормозящих развитие общества. Просветительская функция учебных заведений в исторической ретроспективе всегда являлась базовой и служила основой социального прогресса. Но современный институт образования утрачивает лидирующие позиции. Прежде всего, из-за слабого технического оснащения учебных заведений. Освоение цифровых компетенций требует хорошей материальной базы. Поэтому низкие зарплаты учителей (преподавателей) и финансирование по остаточному принципу частично блокирует участие учебных заведений в развитии цифровой грамотности. На себя эту роль берут неаккредитованные образовательные центры, которые на коммерческой основе активно привлекают в свои ряды слушателей любых возрастных групп (при этом основой образовательного процесса является выступление практиков, игнорируются традиционные учебно-методические комплексы). Свобода от регулирования извне позволяет гибко менять учебный материал на более актуальный и востребованный на рынке труда. На текущий момент данная практика оправдывается дефицитом работников с развитыми цифровыми компетенциями. Только насыщение рынка заставит перейти к формализации процесса образования в сфере информационных технологий. Это объясняет сложившуюся ситуацию: преимущественно образование в сфере информационных технологий реализуется вне рамок институциональных форм. Остальные профессиональные сферы имеют устоявшиеся образовательные

практики, зарегулированные в рамках деятельности Министерства образования и науки РФ.

Приходится констатировать, что современный гарант профессионального успеха – это узкие специфические знания в области развития современных технологий. В связи с этим высшее образование может рассматриваться как «неэффективно» потраченное время на получение излишне широкого кругозора и научного знания. Постоянное обновление в области цифровых технологий поощряет концентрацию внимания на получение узких и сугубо прикладных компетенций.

Причины данных тенденций кроются в рассинхронизации развития технологий и образовательных процессов, призванных поддерживать уровень интеллектуального развития населения на современном уровне. Глобализация позволяет распространять результаты передовых достижений науки и техники во всех сферах жизни общества, невзирая на политические границы и географические ограничения. Однако российское общество оказалось к этому не готово. На подобный феномен указывала Т.М. Дридзе, отмечая, что «разрыв между научно-техническими предпосылками общественного развития и повседневной жизнью, потребностями и интересами людей может привести к снижению экономического и социального эффекта проводимых преобразований, темпов модернизации в целом» [1, с. 64]. По мнению Т.М.Дридзе, подобный разрыв будет усугублять кризисные социально – экономические процессы. Так как «на одном полюсе будут накапливаться невостребованные знания и информация, на другом - нереализованный человеческий потенциал»!. Компенсацией этого разрыва и становится востребованность «узкопрофильного» специалиста в области цифровых технологий. Это можно рассматривать как «социальную заплатку», или своеобразный ответ на требование научно-технического прогресса увеличить численность тех, кто в достаточной степени освоил цифровые компетенции. От такого специалиста не требуется развитого системного мышления и широкого кругозора, ему достаточно освоить ряд навыков и умений. Поэтому высшее образование становится менее актуальным по сравнению со среднеспециальным или специализированными курсами в области цифровых технологий. Таким образом, внешняя среда подстегивает социум к развитию «цифровых» практик и знаний. Повсеместное их распространение и потребность в подобных специалистах связана с ненасыщенностью рынка труда в этой области.

Помимо этого, процесс образования является и частью личного развития, и способом повышения потенциала трудовых ресурсов. Цифровизация вторгается в трудовые практики, становясь наиболее актуальной и привлекательной для наемных работников. Перспективность развития цифровизации связана с тем, что этот процесс позволяет работодателю преодолеть проблему снижения численности населения и увеличить эффективность труда. Сейчас в сфере цифровых технологий еще действует асимметрия в управленческой практике: уровень компетенций исполнителя

намного выше компетенций в этой сфере управляющих, что порождает сложность в адекватной оценке трудозатрат. Данная сфера еще не забюрократизирована и периодически можно столкнуться с отсутствием практик нормирования труда. Это позволяет наиболее гибким акторам успешно формировать свою траекторию профессиональной деятельности (вне каких-либо установленных системных рамок), поднимая свои доходы, социальный статус и качество жизни. Таким образом, в российской социально-экономической среде сложилась уникальная ситуация: запросы экономики страны и потребности населения в формировании и развитии цифровых компетенций превышают возможности системы образования. Это создает предпосылки для развития неформальных практик, способствующих адаптации населения в данной сфере.

Подводя итоги отметим, что цифровизация – это не просто прогрессивные технологии, это переход в общество «интеллектуальной свободы». Особо следует акцентировать, что освоение цифровых компетенций дает свободу самоопределения своих позиций на рынке труда и формирования дополнительных возможностей на потребительских рынках. Уход молодого поколения от преемственности (в том числе отказ от традиционных практик в пользу освоения новых технологий и цифровой грамотности) рассматривается как залог социального успеха. В целом, система ценностей и социальных установок, сформировавшихся в доцифровую эпоху, становятся барьером для выбора успешной стратегии профессионального и личностного развития подобно тому, как советские «ментальные установки и ценности, складывающиеся в рамках коллективистской системы ценностей» [2, с. 74] мешали россиянам адаптироваться к рыночным отношениям. Сложность ситуации заключается в том, что система образования не обеспечивает тот уровень развития цифровых компетенций, которой требуется для реализации трудовых и повседневных практики россиян, а инертность образовательных процессов тормозит адаптацию населения в цифровое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т.М. Прогнозное социальное проектирование в системе управления / Т.М. Дридзе // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
2. Дятлов А.В., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Предпринимательство и экономическая безопасность России в условиях вызовов информационной эпохи: теоретические аспекты социологической рефлексии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т.3. – №11. – С. 71-74.
3. Рачипа А.В., Янкина И.А. Рынок труда и социально-трудовые отношения: оценки молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – №3 (26). – С. 48-51.
4. Янкина И.А. Качество жизни населения как критерий эффективности управления городской средой // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – №5 (48). – С. 133-137.

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Т.В. Булавская

Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы и сложности цифровизации образования. Уделяется внимание новым методам и способам связи между педагогом и студентом, а также показана роль информационно-образовательной среды.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность, облачные технологии, образовательные платформы.

EDUCATION IN THE DIGITAL AGE: PERSPECTIVES AND PROBLEMS

T.V. Bulavskaya

Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

Annotation: The article discusses the prospects and difficulties of digitalization of education. Attention is paid to new methods and ways of communication between a teacher and a student, and the role of the information and educational environment is also given.

Keywords: digital technologies, digitalization, artificial intelligence, augmented and virtual reality, cloud technologies, educational platforms.

Цифровые технологии очень активно используются во всех сферах экономики и, к сожалению, лишь образование использует их как отдельные инструменты, а не как средство для трансформации всего процесса обучения. Сегодняшние студенты сталкиваются с тем, что их знания отстают от уровня развития технологий. Система образования обладает некой инертностью и невысокой адаптивностью программ к быстро меняющимся условиям. Но пандемия Covid-19 внесла значительные коррективы и ускорила переход к новым цифровым процессам в системе образования. Конечно, сформировать новые методы и способы связи между педагогом и студентом практически невозможно за такой короткий срок, но найти альтернативы возможно.

Еще полвека назад компьютеры являлись инструментами повышения результативности учебного процесса. В наши дни проблема состоит уже не в оснащении учреждений образования компьютерами, и не в подключении их к интернету, а в создании и внедрении новых моделей работы. Моделей, в которых можно использовать учебно-методические материалы с технологиями искусственного интеллекта, машинного обучения. Безусловно, нужны новые каналы связи и устройства для реализации цифровых учебных материалов. Необходимо сведение до минимума бумажных информационных носителей в пользу развития онлайн-обучения. Чтобы обеспечить равный и свободный доступ студентов к знаниям и повысить гибкость образовательного процесса, предполагается разработка новых программ по администрированию и

контролю учебных курсов. Упор делается на персонализацию и геймификацию процесса обучения. Пассивного слушания недостаточно, студенты должны стать активными участниками для получения максимального эффекта от обучения. Дополненная и виртуальная реальность значительно меняет образовательный процесс, позволяя демонстрировать те материалы, которые недоступны в традиционном обучении и превращая студента из слушателя в участника. Искусственный интеллект позволяет не только мгновенно получить информацию, но и использовать ее, учитывая способности, интересы и предпочтения обучающегося, и создавать индивидуальный подход. Геймификация делает скучный процесс изучения сложного материала более результативным и интересным. Создание трансформируемого рабочего пространства, имитирующего рабочее место, дает возможность почувствовать себя не наблюдателем, а создателем, используя SmartBoards (умные доски) и SmartDesks (умные столы).

ВУЗы активно расширяют образовательное пространство за счет использования облачных технологий, вебинаров и других интерактивных форм. Цифровая трансформация предполагает активное использование различных образовательных платформ, что позволяет привлечь специалистов-практиков, консультантов и внешних лекторов. Одной из самых распространенных моделей цифрового образования в наши дни являются виртуальные университеты. Так как студенты этих университетов обучаются онлайн на рабочем месте или дома, то здесь важную роль играет информационно-образовательная среда. Для ее создания используют системы управления обучением (Learning Management System – LMS) и системы управления учебным контентом (Learning Content Management Systems – LCMS). Большим плюсом является то, что некоторые из таких систем являются свободно распространяемыми. В ВУЗах для организации электронного обучения, как правило, их и используют. LMS/ LCMS – это самые известные системы. Moodle является примером open source LMS в РФ, т.е. свободное веб-приложение, предоставляющее возможность создавать сайты для онлайн-обучения. Отличительная особенность проекта Moodle состоит в том, что на этой платформе разработчики и пользователи делятся опытом работы, обсуждают возникшие проблемы, обмениваются планами и результатами.

В последние годы возникли образовательные модели на основе MOOC (massive open online courses) – массовых открытых онлайн курсов. Привлекательность MOOCs в их бесплатности: нет необходимости создавать свои учебники, финансировать исследования в ВУЗах, не нужны свои преподаватели и профессора, обучаться можно бесплатно без государственной поддержки.

В цифровой среде упор должен делаться на персонализацию студента, что исключает использование единых средств обучения. Под персонализацией понимается приобретение уникальных индивидуальных качеств и особенностей, которые позволяют творчески выполнять свои обязанности. Наличие этих качеств помогает находить общий язык с людьми разных

национальностей и культур, что необходимо в современном открытом обществе. Во-первых, это позволяет формировать конкурентоспособного профессионала, т. е. личность, способную творчески мыслить, принимать решения и нести за них ответственность. Необходимо научить будущего специалиста доносить свои мысли до партнеров ясно и четко, уметь ценить их внимание и иметь желание уделять его им, формировать новые контакты. Во-вторых, эта система подразумевает большое количество самостоятельной работы, без излишней опеки преподавателя студент добьется больших результатов, не полагаясь на помощь педагога. В-третьих, именно цифровое обучение развивает гибкость и адаптивность студента. Каждый день появляются новые технологии и структуры, поэтому цифровизация поможет быстро ориентироваться в инновациях [1].

Наибольшая эффективность обучения может быть достигнута за счет свободного выбора мини-курсов, выбора преподавателей, которые разрабатывают эти курсы и выбора платформ для обучения. Приобретение новых навыков теперь возможно и за пределами традиционной учебной среды. Благодаря Интернету появились такие сетевые платформы, как Udemy, edX, Coursera, FutureLearn или KhanAcademy. Они стали онлайн версиями университетских курсов, а это значит, что любой человек может сам изучать практически все.

У каждой медали есть две стороны, поэтому если мы упомянули плюсы цифровизации образования, то необходимо учесть и минусы. Во-первых, изменения для педагогов. Преподаватель становится помощником, который создает направление развития, а не определяет способы достижения. Многие педагоги, особенно старшего поколения, могут испытывать страх потерять работу. Во-вторых, информационные технологии исключают возможность проявить себя. Электронные версии носят «сухой» характер, т.е. без личного общения обучение будет рутинным и неинтересным. В-третьих, доступность интернет-подключения исключает необходимость добывать информацию, что снижает умственную активность и вдумчивость. Уже сейчас человеку не нужно напрягать мозги, он перестал самостоятельно искать информацию. Теперь это делает Интернет: достаточно просто вбить в поисковую строку необходимое слово или словосочетание, и множество страниц с информацией уже найдено. Это приводит к ослаблению мыслительных способностей. Нельзя не отметить и такой недостаток, как риск неудачи. Самостоятельность и самодисциплина – это самый главный аспект в цифровом обучении. А многие ли могут этим похвастаться? Без контроля многие просто перестают учиться [2].

К сожалению, «цифровая революция» и бум образовательных технологий пока лишь немного затронули РФ. Основная проблема – это отсутствие нормативно-правовой базы электронного обучения в нашей стране, что делает наши ВУЗы неконкурентоспособными в сравнении с университетами Европы и США. Для того, чтобы отечественное образование достигло существенного прогресса, необходимо воспользоваться всеми преимуществами цифровой революции. Для этого имеет смысл формировать зоны МООС в РФ, продвигать

лучшие отечественные курсы в международных MOOC-платформах и, конечно, модернизировать региональные системы образования современными технологическими решениями. В каждом учреждении образования должен быть доступ к обновленному информационному контенту. Не следует забывать и о создании инфраструктуры для индивидуальных образовательных платформ. Таким образом, разработка национальной политики развития электронного обучения и системного подхода к созданию массовых открытых онлайн курсов является приоритетом в развитии и трансформации образования.

Особая трудность заключается в том, что существуют жесткие требования к учебным программам, а система образовательных стандартов не обладает гибкостью и ее надо адаптировать под новые форматы обучения. Конечно, в наши дни мы не можем жить без технологий и инноваций. Границы цифровой индустрии безграничны, поэтому цифровизация образования нужна, она помогает обучающимся во всех сферах науки. Все упомянутые ранее изменения и исправления существенно повлияют на систему образования. Вероятно, будут допущены ошибки, так как нет возможности воспользоваться предыдущим опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яркова Д. Высшее образование в цифровую эпоху: сбывшиеся прогнозы и будущие перспективы [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/openeducation/vysshee-obrazovanie-v-tsifrovuyu-epokhu-sbyvshiesya-prognozy-i-budushchie-perspektivy/?sphrase_id=87725772. – Дата обращения: 25.01.2022.
2. Савицкая И. Цифровизация образования: вызовы современности [Электронный ресурс]. – URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/5/18/vo_school_yandex/13028-tsifrovizatsiya_obrazovaniya_vyzovy_sovremennosti. – Дата обращения: 27.01.2022.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИИ СОЗНАНИЯ

А.И. Лойко

Республика Беларусь, Минск, Белорусский национальный технический университет

Аннотация: Актуальность рассмотрения образования в контексте онтологии сознания обусловлена акцентом на естественные особенности познавательных процессов в головном мозге человека, а также растущей ролью предметных онтологий. Такой акцент имеет практическую направленность, связанную с поведенческой экономикой и растущей ролью цифровых экосистем. В результате практической направленности образования трансформируются фундаментальные разделы философии. Они стали частью дискурса разных наук, в том числе, теории искусственного интеллекта. Предметные онтологии активно используются в разных сферах управления. Это предполагает ознакомление студентов с новыми компетенциями профессиональной деятельности.

Ключевые слова: образование, сознание, онтология, философия, предметная онтология, цифровая экосистема, профессиональные компетенции.

EDUCATION IN THE CONTEXT OF ONTOLOGY OF CONSCIOUSNESS

A.I. Loiko

Republic of Belarus, Minsk, Belarusian National Technical University

Annotation: The relevance of considering education in the context of the ontology of consciousness is due to the emphasis on the natural features of cognitive processes in the human brain, as well as the growing role of subject ontologies. This emphasis has a practical focus related to behavioral economics and the growing role of digital ecosystems. As a result of the practical orientation of education, the fundamental sections of philosophy are being transformed. They have become part of the discourse of various sciences, including the theory of artificial intelligence. Subject ontologies are actively used in various areas of management. This involves acquainting students with new competencies in professional activity.

Keywords: education, consciousness, ontology, philosophy, subject ontology, digital ecosystem, professional competencies

Образование в контексте онтологии сознания стало предметом рассмотрения в работах Т.Н. Брысиной [2]. Благодаря ее исследованиям констатировано фундаментальное различие между метафизикой и онтологией сознания [3]. В период древней классической философии не существовала естественнонаучная основа для понимания феномена сознания, поэтому ни с каким конкретным органом в теле человека сознание не связывалось. Более того, как нематериальное начало бытия сознание в модификациях цифрового ансамбля (Пифагор), абсолютной идеи (Платон), перводвигателя (Аристотель), Бога (средневековая теология) конструировало объективную и субъективную реальность. Особая роль отводилась рациональным компонентам сознания, ассоциировавшимся с упорядоченностью, закономерностью, телеологией.

Люди являются носителями субъективного сознания, которое содержит нормативные компоненты, исходящие из особенностей ведения диалога с одушевленной внешней средой (магия, колдовство, шаманизм, политеизм). Монотеизм оптимизировал количество участников диалога. Из него кроме человека были выведены все антропологизированные формы природы. Дионисийская культура уступила место аполлоновской культуре (Ф. Ницше). В этой культуре доминанту диалога человека с внешними природными силами заменила доминанта динамического равновесия внутреннего мира индивида, подвергающегося давлению внешних социальных факторов коммуникативной среды. Нахождение в религиозной монотеистической среде приобрело особую значимость. Индивидуальное сознание персонифицировалось благодаря непосредственной ответственности человека за собственную душу.

Поскольку индивидуальному сознанию трудно самостоятельно соблюдать нормативные предписания, то буддизм, конфуцианство, христианство и ислам сделали нормативную компоненту частью своих учений. Признание онтологического статуса индивидуального сознания было важным достижением теологических учений. В этом онтологическом содержании нормативная и обыденная компоненты индивидуального сознания не совпадали. Это объяснялось внутренним противоречием индивидуального сознания, базирующегося на двух каузальностях. Одну каузальность формирует

тело, которое в большей степени оппозиционирует нормативным предписаниям. Другую каузальность создает душа, которая обеспокоена судьбой индивида и соответствием его образа жизни нормативным этическим предписаниям.

С признанием онтологического статуса индивидуального сознания задачи метафизики усложнились [1]. С этой проблемой столкнулась новоевропейская философия, которая культивировала не только теологию, но и науку.

Р. Декарт стал одним из первых философов, сформулировавших проблему онтологии сознания человека. Мотив был эпистемологический. Философ хотел решить задачу в области методологии. Эта задача связана со спором рационализма и эмпиризма о наиболее эффективной научной методологии, соответствующей критериям ясности, точности, непротиворечивости и доказательности.

Тело себя не идентифицирует, по Р. Декарту: индивид существует для себя только до тех пор, пока он говорит о себе. Наличие существования не тождественно знанию собственной сущности. Тогда Р. Декарт обращается к определению Аристотеля, согласно которому человек есть разумное животное. Он еще раз подвергает критическому осмыслению основные характеристики бытия индивида и обнаруживает только мышление, которое идентифицирует индивида. Декарт заключает: индивид существует, пока он мыслит. Сложнее обстоит ситуация с телом. Р. Декарту не удалось обнаружить непосредственной их связи в человеке. Он вынужден был остановиться на позиции дуализма.

Эмпиризм расширил тематику сознания до эпистемологического анализа чувственных его компонентов. И. Кант после увлечения сциентистской тематикой и разочарования в ней, обратился к онтологии субъективности человека. В сознании человека он хотел увидеть целостность и функциональную связанность упорядочивающего категориального мышления (рассудка) с чувственными компонентами данных (явлений). Внешняя онтология содержания вещей сознанию человека не доступна. Чувственные данные – это реакция опыта индивида на контакт с ними. Явления идентифицируются, упорядочиваются благодаря априорным категориальным структурам пространства и времени. В дальнейшем к анализу данных рассудок подключает еще двенадцать априорных категорий. Это позволяет индивиду не только распознавать информацию, но и интегрировать ее в структуру индивидуального опыта. В отличие от рассудка, имеющего опору в опыте, разум сам себя запутывает феноменом антиномий.

Эпистемологический акцент в рассмотрении сознания создал основу для критики сознания (мышления) в XVIII-XIX веках. На эту тенденцию отреагировали представители шотландской школы философии здравого смысла [6]. Они предложили изучать общественное и индивидуальное сознание в многообразных проявлениях его повседневности. Это означало возврат тематики сознания в предметное поле онтологии.

Основателем шотландской школы здравого смысла является Т. Рид. Школа ставила целью на основе здравого смысла восстановить связь религии,

науки и философии. Эта задача мотивировалась тем, что здравый смысл базируется на аксиоматических суждениях, априорно вложенных Богом в сознание человека. Эти суждения не зависят от разума и не могут быть объектом его критики. А. Шейфсбери рассматривал здравый смысл как понимание индивидом общего блага и как приверженность общине. Он также выделял в здравом смысле чувственную компоненту в формах гуманизма, добродетели и любезности. Добродетель базируется на моральной и метафизической основе.

Подобной позиции в отношении здравого смысла придерживался А. Бергсон. По его мнению, здравый смысл реализуется на социальном уровне. Он руководит отношениями людей и позволяет адаптироваться к новым ситуациям коммуникации.

К онтологии сознания в прикладном аспекте обратились представители поведенческой экономики. Это обращение связано с задачами в области маркетинга. Специалистам в области продаж важно знать особенности не идеализированного, а естественного сознания покупателей. Результатом исследований стала онтологическая модель сознания. Ее истоки были сформированы еще А. Смитом. В его работах дана системная картина сознания человека рыночной экономики. В этой картине есть эгоист, субъект рынка и производитель, работающий на рынок. Индивид имеет личный интерес. Он проявляется взаимно со стороны всех индивидов. Личный интерес, который преследуется индивидом, является также и интересом общества. В результате удовлетворение потребностей каждого отдельного человека способствует росту общественного благосостояния и общественного производства. Индивид обладает рациональностью, хотя и не полной. Рациональность не превышает обычных человеческих возможностей.

Поведенческая модель человека А. Смита похожа на модель реального человека, который каждый день принимает множество экономических решений.

В системе современного образования, после актуальных открытий в области поведенческой экономики, стало важным преподавать не только то, каким сознание должно быть, но и то, какое оно есть на самом деле. Этот акцент важен при подготовке инженеров-экономистов, поскольку в условиях рыночной экономики реализация произведенной продукции является важным условием жизнеспособности промышленного комплекса. К этой задаче активно подключились информационные технологии [4]. Востребованными стали бизнес-модели цифровых экосистем. На их основе реализуется онтология когнитивных аспектов сознания. Компьютерная программа, работающая в жанре машинного обучения, в интерактивном режиме находится в постоянном контакте с клиентами через мобильные приложения. Смартфон стал важной частью коммуникационного пространства смарт-общества и цифровой экономики.

Психологические поведенческие ошибки индивидов оказывают существенное влияние на их экономические решения. Поэтому важным элементом профессиональной деятельности инженеров и менеджеров стали

предметные онтологии. Эти онтологии эффективно описывают семантику данных предметной области. Они решают проблему несовместимости и противоречивости понятий. Они обладают собственными средствами логического вывода и семантической обработки информации.

Таким образом, предметная онтология оперирует формальной модификацией концептуальной модели, актуальной для решения проектных и управленческих задач инженерной деятельности. Она включает набор терминов и их семантику, которая придает им прикладной характер.

Для разработчиков важным является выбор соответствующего языка спецификации предметной онтологии. Цель заключается в повышении эффективности аналогового моделирования и системного анализа.

Важность проблемы языка актуализирует развитие неклассических логик [5]. Это общая тенденция в развитии современной философии, обусловленная усилением роли семантических аспектов информации и семантики сознания.

Итак, кроме нормативной классической онтологии сознания все большую роль в образовательном процессе играют акценты на объективное представление индивидуального сознания в категориях здравого смысла. Эти аспекты важны для инженеров и экономистов, в профессиональную задачу которых входит работа с клиентом, создание цифровых платформ. Востребованным стал цифровой инжиниринг. Новые акценты в профессиональных компетенциях трансформировали преподавание философии и логики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Т.Н. Интенциональность сознания как условие научного творчества / Т.Н. Брысина. // Наука в различных измерениях. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. - С. 325-333.
2. Брысина Т.Н. Образование как цивилизационное явление / Т.Н. Брысина // Сознание как феномен бытия человека и общества. – Ульяновск: УлГТУ, 2020. – С. 32-43.
3. Брысина Т.Н. Философия как форма бытия сознания / Т.Н. Брысина. // Общество в различных измерениях. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. - С. 13-18.
4. Лойко А.И. Философия информации / А.И. Лойко. – Минск: БНТУ, 2021 – 374 с.
5. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания / А.В. Смирнов. – М.: Издательский дом ЯСК, 2021. – 449 с.
6. Сузько О.Л. «Здравый смысл» в аналитической философии сознания // Приволжский научный вестник – 2014. – №3. – Ч.1. – С. 81-83.

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ

Д.С. Быльева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Аннотация: Пандемия ускорила процесс цифровой трансформации общества. Высшее образование оказалось одной из наиболее подготовленных сфер, где уже существовали цифровые платформы и системы для поддержания образовательного процесса.

Экономическая эффективность, большее удобство и доступность вместе с количественными показателями, подтверждающими качество электронного образования, способствуют трансформации образовательной системы. Опыт смешанного обучения показывает, как введение видеолекций и электронного тестирования становится вызовом для преподавателей и студентов, требуя адаптации, создавая «новую нормальность».

Ключевые слова: цифровизация, высшее образование, онлайн обучение, электронное обучение, видеолекции, электронные тесты.

CHALLENGES OF EDUCATION DIGITALIZATION: NEW NORMAL

D.S. Bylieva

St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Annotation: The pandemic has accelerated the process of digital transformation of society. Higher education turned out to be one of the most prepared areas where digital platforms and systems already existed to support the educational process. Economic efficiency, greater convenience and accessibility, together with quantitative indicators confirming the quality of e-education, contribute to the transformation of the educational system. The blended learning experience shows how the introduction of video lectures and electronic testing becomes a challenge for teachers and students, requiring adaptation, creating a «new normal».

Keywords: digitalization, higher education, online, e-learning, video lectures, tests.

Пандемия ускорила процессы цифровизации в разных сферах общественной жизни, спровоцировала «глобальный эксперимент», позволивший оценить насколько цифровые технологии могут заменить традиционные формы деятельности [2;10]. Высшее образование оказалось одной из самых подготовленных областей. На начало 2020 года электронные платформы предлагали цифровые курсы от ведущих вузов России, в вузах существовали LMS (Learning Management System) в частности Moodle, цифровые среды, электронные среды, личные кабинеты и т.д. Хотя переход на полностью удаленное обучение в начале пандемии дался нелегко, тем не менее большинство исследователей описывают позитивный опыт, позволивший продолжать образование электронными средствами. Школьное образование оказалось менее способным к цифровым решениям не только из-за меньшей подготовленности учеников и учителей, как в техническом, так и в квалификационном аспекте, но и из-за того, что (по крайней мере до определенного возраста) школа выполняет функции надзора за детьми, пока родители работают. Необходимость присмотра за детьми и поддержания образовательного процесса дома сделало этот опыт травматичным для многих родителей.

Сегодня многие исследователи пишут о «новой нормальности» в образовании [6;13], что означает, что возвращение к доковидной образовательной системе невозможно. В тоже время очевидно, что пандемия лишь ускорила и «узаконила» существующие тенденции. Как отмечают Акиоли и Маседо, микроскопическая форма жизни не создала «новую норму» [3]. «Новая нормальность» в образовании создается заново на уже существующем основании, с учетом текущих условий. Образование в последние два

десятилетия активно осваивало цифровые инфраструктуры, продвигая использование систем управления обучением, баз данных оценок успеваемости и различных платформ для цифровых учебных материалов, связи и управления [5]. Если мы рассмотрим форсайт-проект «Образование-2030» Агентства стратегических инициатив, созданный в 2010 году, задолго до начала пандемии, то увидим, что 2022 год отмечен как год «слома/ликвидации традиционных образовательных систем», в проекте также указаны возможности «мегааварии» – катастрофы, усиливающей переключение на новые технологии [1]. Проект указывает на изменение формы образования на всех уровнях с помощью информационно-коммуникативных технологий, позволяющих организовывать «школу вне школы», «глобальные классы», «электронных тьюторов» или наставников и т.п. [1].

Цифровизация образования многоаспектна. Одна из наиболее очевидно прослеживаемых линий связана с цифровизацией образовательного контента (лекций, учебников и т.д.) и контроля. Первые открытые дистанционные курсы в мире появились в 2008 г. («Коннективизм и коннективное знание» Г. Сименса и С. Даунса, в которых приняли участие более 2000 студентов со всего мира). Содержание курса было доступно через RSS-подписку, и студенты могли выбирать инструменты (Moodle, блоги, синхронизированные онлайн-встречи и т. д.). Чуть позже курсы стали открывать официальные учебные заведения. В 2011 году профессора Стэнфордского университета Себастьян Трун и Питер Норвиг открыли вводный онлайн-курс по основам искусственного интеллекта, в котором приняли участие более 160 000 студентов из 190 стран мира. Кроме того, открытые курсы, предлагаемые различными высшими учебными заведениями, были объединены в платформы массовых открытых онлайн-курсов (MOOC). Стэнфордские исследователи создали Udacity, а еще две компании, Coursera и MITx/EDX, начали свою деятельность в 2012 году. Coursera предлагает онлайн-курсы, максимально похожие на традиционные (видеолекции с субтитрами, конспекты лекций, домашние задания, контрольные и выпускные экзамены; ограниченное время доступа к курсам, каждое задание или тест должны быть выполнены в течение определенного периода времени). В 2013 году российские вузы присоединились к Coursera. Собственная российская «Национальная платформа открытого образования» (Openedu) открылась в 2015 году. Российские вузы разработали нормативную базу для признания зачетов за пройденные занятия в форме онлайн-курсов.

Позитивной стороной видеолекций является удобство и общедоступность, позволяющая просматривать их любому человеку в удобное время и месте. Именно эта сторона позволяет заявлять о цифровизации образования как о значимом социальном изменении, соответствующем демократическим идеалам [9, с. 126]. Сложно спорить с тем, что возможность пройти курс по высшей математике или нейролингвистике от ведущих вузов страны является уникальной возможностью XXI века. Однако создание электронных курсов на платформах, как правило, не является гуманитарной миссией вуза в обществе и имеет определенные последствия для вузовской

образовательной системы. Отказ от живого преподавания в пользу цифровых лекций является экономически эффективным, одна сделанная запись заменяет множество человеко-часов, приводит к сокращению аудиторной нагрузки и сопутствующих расходов. Массовые гуманитарные (и другие непрофильные) курсы в технических вузах оказались одними из первых, перешедших в смешанный формат. Видеолекции, тесты с автоматической проверкой на национальных платформах и внутривузовских системах позволили перевести часть нагрузки в электронную форму. Данные изменения сказались на многих аспектах образовательной системы.

Для преподавателей переходит перераспределение нагрузки. Часы, отведенные на курс, делятся на электронную и традиционную форму. В результате при сохранении того же объема часов преподаватель работает с огромным контингентом учащихся, при небольшом количестве контактных часов с каждой группой. При этом либо значительная часть часов может отводиться на аттестацию, либо она тоже осуществляется онлайн в режиме тестирования. Таким образом, внесение цифрового видеоконтента в университетские курсы снижает связь учитель-ученик, не только непосредственно, но и, как следствие, ведет к увеличению количества учеников на одного преподавателя.

Для студента обучение становится одним из вариантов занятий в цифровой среде, мало отличающимся от прочих активностей в сети: игр, просмотров, общения. Для вовлеченности в процесс требуется гораздо больше самоконтроля и мотивации, сама среда выступает искушением.

Контроль знаний цифровыми способами является отдельной проблемой. Ограничение на использование ресурсов сети при прохождении аттестации для обучающихся выглядит искусственным ограничением. Индивидуализация заданий, использование практических заданий и кейсов и других видов творчески расширенных заданий является традиционным ответом на вызовы цифровой среды [11]. Как пишут исследователи, экзамен в электронной среде должен стать более «динамичным, интерактивным, захватывающим, интеллектуальным, аутентичным и вездесущим» [8]. Существуют экзамены, позволяющие использовать ресурсы сети. Например, Open-Book, Open-Web exam, представляет собой проблему реального мира, представленной в виде мини-кейса, который требует применения навыков, методов и знаний в соответствующей области [9]. Однако подобные задания требуют индивидуальной проверки, и соответственно много рабочих часов преподавателя, что не представляется целесообразным. Для массовых онлайнкурсов такое не представляется возможным, а ответы на задания с автоматической проверкой достаточно быстро становятся общедоступны. Безусловно, постоянно расширяется арсенал электронных средств, направленных на предупреждение обмана при аттестации: визуальная идентификация, защищенное программное обеспечение удаленного проктора с использованием биометрической верификации (унимодальной или бимодальной биометрии), система аналитики на основе лога действий

студентов, метрики аномального поведения студентов на курсе (копирование и вставка из буфера обмена текста, переключение между вкладками при сдаче теста, запуск онлайн переводчика и др.), системы антиплагиата и другие методы. В тоже время, подобные технологии, не допускающие возможность академической нечестности, как правило, сложны, дороги, подчас требуют присутствия человека. Но самое неприятное, что подобный цифровой контроль еще в большей степени ставит преподавателей и учащихся «по разные стороны баррикады», а подчас порождает более изощренные способы обмана. Выполнение заданий в электронной среде превращается в борьбу между учителями, ищущими способы не допустить, чтобы студенты использовали ресурсы сети [7] и учащимися, которые, в свою очередь, ищут новые способы сделать это [4]. Данная ситуация вызывает протест преподавателей, не желающих выступать в роли «полицейских».

Более легкий путь подразумевает некую симуляцию образовательного процесса, условное соглашение между студентами и преподавателями, где одни делают вид, что выполняют задания самостоятельно, а другие – что в это верят, не обращая внимание на цифровую среду.

Объем исследований, посвященный онлайн образованию во время пандемии, постоянно увеличивается. Можно найти массу примеров, описаний, подтверждений позитивного опыта использования цифровых технологий в образовательном процессе. Безусловно, технологии сыграли свою важную роль, позволив даже в условиях карантина не прерывать процесс обучения. В то же время возможность с помощью технологических решений избежать опасности, вовсе не означает, что цифровизация образования – это правильное и нужное направление, тем более что переход на онлайн обучение не требует ничего, кроме оцифровки контента и заданий. Цифровая трансформация создает серьезные вызовы образованию в ситуации, когда они не решаются на институциональном уровне, преподаватели и студенты вынуждены самостоятельно адаптироваться. Таким образом, «новая нормальность» создается на основе выбора определенных паттернов поведения в условиях цифровой или смешанной образовательной среды.

Имеющиеся количественные показатели опросов студентов и преподавателей, баллы и отметки говорят очень мало о реальных качественных последствиях происходящих процессов. Многие преподаватели видят на практике изменения поведения студентов, которые могут быть объяснены переходом на онлайн обучение. Более глобальные последствия трансформации образовательной системы будут заметны позже. Отследить и доказать их связь с цифровизацией образования практически невозможно.

Цифровые технологии сегодня проникают во все аспекты жизни человека. Они предоставляют больше возможности для коммуникации, работы, развлечения и образования. Исследователи, которые критикуют их, представляются ретроgrадами, мешающими прогрессу. Новый «цифровой рай» дает возможность получать все блага цивилизации в цифровой форме. В том числе, и образование. Однако насколько реализуема эта «возможность»

практически? Создается ощущение, что сегодня активно сдвигается «окно Овертона», делая образование в цифровой среде «приемлемым» и «разумным».

ЛИТЕРАТУРА

1. Песков Д. Образование 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://narfu.ru/life/projects/skolkovo/presentation/m1/peskov.ppt> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Покровская Н.Н., Тюлин А.В. Психологические вопросы формирования регулятивных механизмов в цифровой среде // *Technology and Language*. - 2021. - № 2(2). - С. 106–125. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.11>.
3. Accioly I., Macedo D. *Education, Equality and Justice in the New Normal: Global Responses to the Pandemic*. - London: Bloomsbury Publishing, - 2021.
4. Bylieva D., Lobatyuk V., Tolpygin S., Rubtsova A. Academic dishonesty prevention in e-learning university system // *8th World Conference on Information Systems and Technologies, Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1161. - Cham: Springer, 2020. - С. 225–234.
5. Cone L., Brøgger K., Berghmans M., Decuypere M., Förschler A., Grimaldi E., Hartong S., Hillman T., Ideland M., Landri P., van de Oudeweetering K., Player-Koro C., Bergviken Rensfeldt A., Rönnberg L., Taglietti D., Vanermen L. *Pandemic Acceleration: Covid-19 and the emergency digitalization of European education* // *European Educational Research Journal*. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/14749041211041793> (дата обращения: 2.01.2022).
6. Corvin J., Nabours B., Bularca S., Haile A. *Approaching a New Normal: Lessons Learned Transitioning Family Education Programming to a Virtual Environment* // *Health Promotion Practice*. - 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15248399211034814> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Golden J., Kohlbeck M. Addressing cheating when using test bank questions in online Classes // *Journal of Accounting Education*. - 2020. - № 52. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0748575120300257> (дата обращения: 10.01.2022).
8. Guàrdia L., Crisp G., Alsina I. Trends and Challenges of E-Assessment to Enhance Student Learning in Higher Education // *Innovative Practices for Higher Education Assessment and Measurement*, 2017. - С. 36–56.
9. Harris J.T., Santilli N.R. Higher education should embrace this luminal moment because there will be no new normal // *Higher education's response to the Covid-19 pandemic: Building a more sustainable and democratic future*. Council of Europe, 2020. - С. 129–136.
10. Ingold T. Back to the Future with Writing and Speech // *Technology and Language*. - 2020. - № 1(1). - С. 37–39.
11. Krasnoshchekov V., Semenova N. Pedagogical Creativity vs Academic Dishonesty in Teaching University Mathematics // *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society*. PCSF 2021. *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 345. - Cham: Springer, 2022. - С. 630–645.
12. Williams J.B., Wong A. Closed book, invigilated exams versus open book, open web exams: An empirical analysis // *ASCILITE-Australian Society for Computers in Learning in Tertiary Education Annual Conference*, 2007. - С. 1079–1083.
13. Orchard J., Gaydon P., Williams K., Bennett P., D'Olimpio L., Çelik R., Shah Q., Neusiedl C., Suissa J., Peters M.A., Tesar M. Philosophy of education in a new key: A 'Covid Collective' of the Philosophy of Education Society of Great Britain (PESGB) // *Educational Philosophy and Theory*. - 2021. - № 12(53). - С. 1215–1228.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.Р. Велиева

Республика Узбекистан, Джизак, Джизакский филиал Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Аннотация: В статье рассмотрены основные этапы расширения образовательной среды на основе зарубежного опыта, показаны не только преимущества цифровизации образования, введения открытых онлайн-курсов (МООК), но и основные проблемы, учесть которые полезно и на практике освоения новых технологий обучения.

Ключевые слова: цифровые технологии образования, массовые открытые онлайн-курсы (МООК), образовательные услуги, дистанционное образование, цифровая компетенция.

FOREIGN EXPERIENCE IN DEVELOPING DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

S.R. Velieva

Republic of Uzbekistan, Jizzakh, Jizzakh branch of the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Annotation: The main stages of expanding the educational environment based on foreign experience are considered, not only the advantages of digitalization of education, the introduction of open online courses (MOOCs) are shown, but also the main problems, which are useful to take into account in the practice of mastering new learning technologies.

Keywords: digital education technologies, massive open online courses (MOOCs), educational services, distance education, digital competence.

Зарубежный опыт использования цифровых технологий в образовании богат. Одна из причин – это более раннее (еще с 70-е годов XX века) появление и широкое распространение дистанционного обучения (ДО). Уже в это время в Европе появляются открытые университеты с ДО, например, в Испании – Universidadde Education a Distancia, Открытая школа бизнеса в Великобритании и т. д., в этот процесс втягиваются и страны третьего мира. Очень активно дистанционные технологии обучения распространялись в Японии, Канаде и США. Например, в 1996 г. в 18 штатах США открытый университет предлагал уже 300 курсов ДО. По данным ЮНЕСКО, самой продвинутой страной по внедрению ДО и цифровых технологий можно считать Австралию, передовой опыт централизованной системы ДО отмечается у Чили и Китая [4, с. 11].

Канада еще в 1993 году предложила SchoolNet, единую образовательную сеть для 16500 школ с выходом во все библиотеки страны, а также в Интернет. Возможность доступа к ценным информационным ресурсам таких централизованных систем ДО сразу оценили по достоинству. Особенно важными они оказались для регионов, удаленных от центров обучения. Эффективным оказалось дополнение дистанционными технологиями и очного

обучения, и заочного, появилась возможность получения образования без отрыва от работы людьми «за 30». ДО охватило не только университеты, но и школы, колледжи, позволяя восполнить пробелы образования и прослушать те предметы, которые ранее были пропущены.

Уже на этом этапе можно отметить изменение возможностей и роли преподавателя: он из транслятора знаний стал превращаться в сопровождающего процесс обучения. Цифровые технологии эти изменения сделали ещё более существенными, значительно трансформировали роль преподавателя и его компетенций.

Дальнейшее расширение образовательной среды поражает своей скоростью. В 2001 году Массачусетский технологический институт разместил в свободном, бесплатном («открытом и массовом») доступе свои учебные материалы. Аббревиатура МООС (Massive Open Online Course) – массовый открытый онлайн-курс (МООК) возникает позже, в 2008 году. В 2012 году профессора Стэнфордского университета выкладывают свои лекции и запускает онлайн-платформу Coursera. Инициативу подхватили ведущие университеты мира. В настоящее время Coursera, самая популярная платформа, сотрудничает со 149 университетами. С этой платформой конкурируют два американских провайдера – Udacity и European MOOC Initiative – ассоциация дистанционных университетов Европы [3].

МООК существенно расширил возможности для получения знаний: причиной тому доступные образовательные ресурсы, удобные для общения интерактивные онлайн-инструменты, разнообразие материалов и форм их подачи, возможность реализации групповых проектов.

В оборот прочно вошло, казалось бы, необычное для этой сферы словосочетание «образовательные услуги», многие «открытые» курсы стали платными. Образовательные услуги в настоящее время конкурируют на мировом рынке как обычные товары. В данном случае проблема языкового барьера снижает конкурентоспособность русскоязычных ресурсов, хотя по качеству они не уступают зарубежным образовательным курсам.

Дж. Даниель [1, с. 100] подчёркивает проблему платности МООК, т. к. монетизация цифрового образования негативно сказывается и на студентах, и на преподавателях. Финансовые возможности вузов и высокая стоимость создания открытого курса перекрывают доступ для участия в этом процессе для многих преподавателей. Например, для создания курса с видео контентом и возможностью тестирования в конце каждого учебного модуля (МООС) требуется 15–30 тысяч долларов (плюс наличие соответствующего оборудования).

Проблема обеспечения индивидуального подхода в условиях опосредованной коммуникации стала компенсироваться интерактивными технологиями, возможностью использовать социальные сети, гибкостью графика обучения, доступностью материалов в любое время суток и даже в любых условиях (например, в транспорте). Для ДО появились мобильные

приложения, погрузившие преподавателей в столь увлекательный для молодого поколения виртуальный мир.

Богатый зарубежный опыт использования информационных технологий в обучении позволил не только отметить преимущества, но и оценить возникающие проблемы.

Во-первых, существенным фактором, снижающим качество образования, оказалась недостаточная подготовленность к таким серьёзным изменениям преподавателей и учебных заведений. Для реализации новых технологий была необходима определенная техническая база, и, следовательно, квалифицированные обслуживающие кадры, а также преподаватели и студенты, умеющие пользоваться такими технологиями, обладающие «цифровой компетенцией».

Кроме того, необходимы новые методы организации и технологии обучения, дополнительные исследования и серьёзные методологические разработки. Должна быть учтена предметная специфика, дидактические особенности разных дисциплин требуют времени для приспособления к новой образовательной среде.

Во-вторых, возникла проблема потребительских рисков и гарантии качества полученного образования, возросла потребность в прочной нормативно-правовой базе цифрового образования, в единых стандартах качества. Ответственность за качество обучения в новых условиях перекладывается с преподавателя на студента, который получает возможность самостоятельно строить программу своего обучения, выбирать платформы и образовательные курсы. Зарубежные исследователи, в частности, Р. Майер [1, с. 99], отмечают, что только малая часть пользователей Coursera – 7%, осваивают программу обучения и завершают его в полном объёме.

Если на популярных платформах известных университетов высокое качество образовательных услуг сомнений не вызывает, то коммерческие платформы, например, UdeMy, гарантировать качество материалов не могут, т.к. их ресурсы создаёт любой желающий.

Проблемой разработки единых стандартов цифрового образования еще в 2013 году занялась Еврокомиссия. Стандарты качества должны гарантировать эффективное использование образовательных ресурсов для всех участников процесса, но, согласно исследованию Еврокомиссии, здесь существует препятствие в виде неодинаковой обеспеченности учебных заведений не только Интернетом, но и программными инструментами, инфраструктурой информационных технологий [3]. Для вузов Узбекистана данное препятствие представляется пока непреодолимым.

В-третьих, аналитики ЮНЕСКО, исследуя зарубежные публикации, посвященные проблемам реализации цифрового образования, отмечают опасность технологизации образования, интернет-зависимости, индивидуализма, нарушения информационной безопасности личности, перенасыщения информацией учебного процесса. Глубокое усвоение знаний

зачастую подменяется сбором и накоплением информации, сертификатов, беглым просмотром материалов в поисках ответов к тестовым заданиям.

Взаимодействие преподавателя со студентом стало опосредованным, «коммуникация машин» [2, с. 62] вошла в среду образования и, с одной стороны, дополнила, а с другой – частично вытеснила социальные взаимодействия обучающего и обучаемого. В связи с этим произошли существенные изменения в организации, технологиях, методологии преподавания, изменились компетенции преподавателя, появился новый формат общения со студентом, расширились возможности образовательной среды и появились новые проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухин С.А. Преимущества и недостатки массовых открытых онлайн-курсов // Дискуссия. – 2015. – №4 (56). – С. 97–101.
2. Калимуллина О.В., Троценко И.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. – 2018. – №3. – С. 61–73.
3. Касьянова Л. Как ЕС будет строить цифровое образовательное пространство // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cnews.ru/link/a3598>
4. Ратнер Ф.Л. Разработка электронных образовательных ресурсов. Зарубежный опыт: учебно-методическое пособие / Ф.Л. Ратнер. – Казань: КГУ, 2008. – 104 с.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Стовба, А.В. Стовба

Бирск, Бирский филиал Башкирского государственного университета

Аннотация: В статье обосновывается необходимость развития технологий цифрового образования. Актуализируется значение образовательных интернет-платформ, которые оказывают результирующее влияние на основные сферы жизнедеятельности общества. Авторами рассматриваются современные проблемы и перспективы развития дистанционного образования, внедрения цифровых технологий в образовательном процессе. Резюмируется, что цифровизация и цифровые инновации задают новый вектор развития образовательной сферы регионов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое образование, дистанционное обучение, цифровые технологии.

STRATEGIC GUIDELINES FOR THE DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

E.V. Stovba, A.V. Stovba

Birsk, Birsk Branch of Bashkir State University

Annotation: The article justifies the need to develop digital education technologies. The importance of educational Internet platforms, which have a resulting impact on the main spheres of

life of society, is updated. The authors consider modern problems and prospects for the development of distance education, the introduction of digital technologies in the educational process. It is summarized that digitalization and digital innovations set a new vector for the development of the educational sphere of regions.

Keywords: digitalization, digital education, distance learning, digital technologies.

На современном этапе цифровая трансформация вызывает глобальные преобразования в различных сферах жизнедеятельности людей, определяет ряд современных проблем, возникающих на фоне структурного и информационного изменения общества. Цифровизация становится новым трендом современной экономики и общественной жизни.

В эпоху перехода к шестому технологическому укладу и всеобщей глобализации цифровизация представляет собой объективный и неизбежный процесс. Безусловно, внедрение цифровизации порождает беспрецедентную трансформацию общества, экономики, производства, социальной сферы и личности каждого человека [1]. Необходимо констатировать, что за рубежом цифровые технологии развиваются в различных образовательных, производственных и экономических направлениях. Так, в экономически развитых странах целый спектр используемых цифровых технологий включает, прежде всего, инструменты для анализа больших данных (Big Data), внедрение автономных систем, искусственный интеллект (AI), блокчейн (blockchain) и смарт-контракты, Интернет вещей (IoT), технологии виртуальной реальности (virtualreality), «облачные» технологии [2].

Мы живем в постиндустриальном, или информационном мире, где переоцениваются ценности, выстраиваются новые ценностные иерархии. Человек уже не может обойтись без технологий, а новое поколение детей (поколение Z) уже с раннего возраста без труда может пользоваться электронными девайсами. Возникает логичный вопрос: какое влияние оказывают цифровые технологии на социальное, психическое, духовное и физическое развитие отдельных индивидов и современного социума?

Конечно, в настоящих условиях внедрения цифровизации для конкретных индивидов меняются как сами психические процессы, риторика, внимание, так и речевые коммуникации, эмоциональное восприятие окружающей действительности. Совершенствуются и принятые в культуре социализированные практики, создаются совершенно новые практические механизмы социализации личности, возникают нетрадиционные и видоизмененные формы взаимоотношений с окружающей средой. При этом Интернет является не только одним из основных факторов и условий социализации человека, но и может рассматриваться как своеобразная жизненная среда обитания в ракурсе применения виртуальных и «облачных» технологий.

Цифровая социализация на основе онлайн-технологий непосредственно отражает непрерывные процессы овладения и использования инноваций в личной жизни, накопленного опыта цифровизации, который в дальнейшем и определяет формирование самой цифровой личности. Можно отметить, что в

цифровом обществе возникает новый тип человека Homo Informaticus, который, во-первых, в отличие от Homo Sapiens базовой стратегией информационного безопасного социального поведения считает эффективное владение информационно-аналитическими технологиями. Во-вторых, данный тип человека может оценивать новую информацию, анализировать и, основываясь на результатах определенного анализа, формировать свое поведение.

Homo Informaticus выполняет практически всю свою деятельность в виртуальном мире. Технологии подобной деятельности включают: получение любой необходимой информации за короткий промежуток времени, мгновенное пользование информационными ресурсами, умение общаться с людьми с разных концов планеты в режиме on-line. Человек в цифровом обществе становится осведомленным, но вместе с тем он одинок, обособлен, порой завязать разговор становится серьезной проблемой. Человек забывает, что познание мира начинается с себя, и часы, проведенные в одиночестве, не воспринимаются как реализация возможностей осмысления и самопознания.

С появлением инновационных технологий в нашей жизни обесценивается человеческий разум, в связи с чем индивид теряет стимул к развитию и может деградировать [3]. В свою очередь, использование социальных и поисковых сетей приводит к изменениям самих механизмов формирования личности, а именно: социальной роли, эмпатии, эгоцентризма, эмоционального интеллекта, репутации, инфантилизма, статусности, социальной отчужденности, групповых, коллективных и личностных особенностей деятельности; ведет к яркому проявлению таких современных форм взаимоотношений как: флешмоб, секстинг, кибербуллинг, груминг, виртуализация любви и дружеских отношений, флейминг, краудфандинг, троллинг, киберсуицид и хейтерство.

В цифровом обществе люди сближаются, расширяется круг их общения, преодолеваются географические преграды и, в конечном итоге, возникает цифровое равенство, где каждый имеет равный доступ к социально-экономическим предпочтениям от применения цифровых технологий и новаций. При этом молодое поколение цифровизации по отношению к более возрастным группам существенно отличается по целому ряду характеристик, непосредственно отражаемых формированием новых социальных ситуаций и принятия решений в реальной действительности.

Конечно, цифровизация, как и любой технологический процесс, имеет ряд положительных и отрицательных аспектов. Безусловно, в отдаленной перспективе данные цифровые изменения, которые мы наблюдаем в настоящее время, могут быть представлены конкретными условиями, «точками роста» и драйверами успеха последовательного перехода к повышению качества жизни населения в наблюдаемой действительности интернета вещей.

В 2020-2021 гг. из-за пандемии коронавируса (COVID-19) был повсеместно введен режим самоизоляции и карантина, приостанавливали свою деятельность многие промышленные предприятия, большая часть трудоспособного населения ряда стран оказалась без постоянного заработка, и образовательные учреждения перешли в новую эру дистанционного

образования. При этом на протяжении долгих лет велись разговоры о том, что процесс обучения онлайн будет неизбежен, создавались различные образовательные платформы для дистанционной деятельности, разрабатывались инновационные проекты по работе в информационно-телекоммуникационной сети [4].

Следует отметить, что первооткрывателем в масштабном дистанционном процессе обучения стал Китай, около 170 млн. учащихся перешли на онлайн-обучение. Подобные системы обучения были созданы в короткие сроки, основное их преимущество заключалось в том, что каждый гражданин должен иметь доступ к видео-урокам, лекциям по необходимым образовательным темам. Переход от традиционного обучения к дистанционному тотально осуществился в короткие сроки при вынужденных обстоятельствах, при том, что у учителей и педагогов не было возможностей ознакомиться с новым форматом образования. Можно констатировать, что когда пандемия закончится, сложившаяся система образования потерпит существенные изменения.

Необходимо подчеркнуть, что цифровизация и цифровые инновации задают новый вектор развития образовательной сферы Республики Башкортостан. Цифровизация меняет само качество жизни. Так, в условиях цифровизации большое значение должно отводиться цифровой грамотности населения. При этом ограничение возможностей использования инновационных технологий определяется недостаточным уровнем цифрового образования и цифровой культуры населения. В то же время расширение возможностей доступа жителей к образовательным и социальным услугам, повышение жизненного уровня населения непосредственно определяются развитием инновационной экономики [5].

На наш взгляд, основными барьерами, непосредственно сдерживающими развитие процесса цифровой трансформации в образовательной сфере региона, могут быть представлены следующие составляющие: слаборазвитая инфраструктура, недостаточные финансовые возможности и недостаток высококвалифицированных кадров, способных управлять современными технологиями, непроработанность региональных и муниципальных образовательных программ в области развития цифровизации. Также следует отметить «цифровой разрыв» сельских муниципальных районов Башкортостана, рассматриваемый как неравный доступ жителей к информационно-коммуникационным технологиям [6].

Сегодня учащиеся могут активно использовать интернет-платформы, которые позволяют обучаться, не покидая домашние условия: Zoom, Moodle, Skype, GSuite (Hangouts), iSpring, Discord, Yaklass.ru, Uchi.ru и GoogleClassroom. Министерство просвещения рекомендует использовать такие образовательные системы, как: Ворлдскиллс Россия или Союз «Молодые профессионалы», Московскую и Российскую электронные школы. Образовательные системы обеспечивают поиск необходимой информации для решения упражнений, кейс-заданий, самостоятельных заданий, практических задач, онлайн-уроков,

использования дидактических и методических материалов по всем урокам. Ответы на перечисленные формы заданий могут возникнуть в процессе обучения, позволяя тем самым существенно сократить время выполнения домашнего задания.

На примере платформы Zoom нами выделены положительные особенности использования данной системы и характерные проблемы, которые могут возникнуть при реализации дистанционного образования. В современном формате платформа Zoom представляет собой систему для проведения видеоконференций или аудио-встреч. Система работает как на компьютере, так и при использовании телефона. Особенностью Zoom является демонстрация экрана и передача управления, когда ученик может без труда выполнять команды организатора конференции на компьютере (например, решать задания в онлайн-играх, созданных для обогащения дистанционного обучения).

Следующее преимущество платформы Zoom – это функция, которая позволяет «подправить внешний вид» и экономит время на подготовку к онлайн-работе (изображение может быть осуществляться с мягким фокусом, легким размытием фона и пятен). Zoom представляет собой определенный список «сочетания клавиш», использование которых экономит время на поиск необходимых значков и иконок. Приятный бонус от данной платформы заключается в виртуальном фоне, позволяющем создавать благоприятное и комфортное пространство, не затрачивая время на поиски идеального рабочего места в домашней обстановке.

Однако, несмотря на множество онлайн-ресурсов и наличие разработанных инструкций для работы в дистанционном формате, некоторые учителя и ученики сталкиваются с рядом проблем, связанных не только с перегруженностью интернет-сети, но и с отсутствием знаний в данной области. При этом многим семьям пришлось приобрести дополнительную технику (ноутбук, планшет, микрофон, веб-камеру); педагогам и учителям, не владеющим компьютерной техникой, также следовало познакомиться с информационными технологиями за минимальный промежуток времени.

До пандемийного периода для обучающихся не составляло особого труда прийти в школу или на кружок в образовательный центр, сегодня же выход в онлайн-конференцию вызывает определенное негативное отношение для детей подросткового возраста. Так, например, факт выключенной камеры может привести к визуальным проблемам поддержания зрительного контакта между учителем и учеником. Более того, объемы выполнения домашних заданий возросли из-за сокращения времени урока. К тому же многие ученики не способны отправлять выполненные домашние задания, что, соответственно, приводит к увеличению времени на проверку заданий учителями. Если ранее школа представляла среду для социализации, то современный процесс обучения не позволяет в должной степени обеспечить эффективное взаимодействие между учениками и учителями.

Необходимо констатировать, что подготовка к уроку в режиме онлайн требует много времени, усилий, и с учетом этого для учителя необходимо

проектировать урок таким образом, чтобы материал был усвоен за время урока, и при этом мотивация детей сохранялась. Ряд учителей совершает ошибки, используя традиционные методики при дистанционном обучении, вводя новые и незнакомые для детей задания, тем самым создавая существенные препятствия для освоения нового материала, некорректно организуя свой рабочий день или стараясь использовать как можно больше онлайн-инструментов и ресурсов. При этом, и в традиционном, так и при онлайн-обучении всегда есть учащиеся, которые не имеют больших стимулов получать знания, срывают онлайн-уроки, тем самым вводя учителей в затруднительные ситуации.

В свою очередь, для участников образовательного процесса, которые занимаются или работают дома, может возникнуть множество соблазнов прервать процесс обучения (например, рабочее место расположено на кухне; отвлекают разговоры, домашние дела, выполняемые членами семьи, создают шум), что приводит к недопониманию на самих уроках. Конечно, качество процесса обучения всецело зависит от условий образовательной среды, и без эмоционального взаимодействия с учениками и зрительного контакта полученные знания не будут эффективно усваиваться учениками.

Важно подчеркнуть, что инновационное дистанционное образование представляет собой сложный процесс, которым невозможно овладеть, не столкнувшись с трудностями, неоправданными ожиданиями и нервными расстройствами для некоторых участников образовательного процесса. Подобные «надстройки» и сложности могут быть преодолены при активном взаимодействии самого учителя с родителями учащихся вузов, предоставлении им подробной информации для осуществления онлайн-обучения с прохождением серии образовательных курсов и практических рекомендаций, прослушиванием лекции преподавателей зарубежных и российских университетов.

Для того, чтобы преуспеть в преподавательской, управленческой и научной деятельности, в бизнесе и в предпринимательстве необходимо принимать обоснованные и продуманные цифровые решения и цифровые инновации. Это возможно при использовании знаний, приобретенных в вузах при изучении цифровых образовательных дисциплин, которые позволяют просчитывать решения с использованием современных методов моделирования и новых информационных технологий и дают систематическое изложение основных базовых информационных, инновационных и математических методов, применяемых в экономике.

Можно резюмировать, что активное использование цифровых технологий представляется ключевым драйвером инновационного развития сферы образования. Исследование основ развития цифровизации позволит обучающимся в высших учебных заведениях более эффективно применять новые компьютерные и информационные технологии при анализе различных социально-экономических явлений, использовать общие и специальные методы математических, экономических и статистических расчетов, овладеть

методикой сбора, обработки экономической информации и уметь прогнозировать состояние и развитие экономических процессов. Не случайно уже сейчас цифровые технологии называют интеллектуальным инструментарием исследователя-практика.

На современном этапе концепт развития образования Республики Башкортостан непосредственно связан с внедрением цифровых технологий, что определяется формированием целевых компетенций будущих специалистов. На наш взгляд, использование цифровых и инновационных технологий в корне изменит традиционную образовательную парадигму и откроет новые возможности и перспективы в деятельности образовательных учреждений различного уровня.

Таким образом, изучение цифровых образовательных дисциплин не только расширяет кругозор будущих специалистов, но и носит инструментальный характер, то есть помогает осознанно повышать эффективность информационных и экономических расчетов и принимаемых решений. Важно подчеркнуть практическую направленность цифрового образования, так как в современном образовательном контексте возможно исследование инновационных и математических моделей для определения оптимальных решений целого спектра различных социально-экономических проблем общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусманов Р.У. Цифровизация в системе образования / Р.У. Гусманов, С.С. Низамов // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: Сборник VI Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2021. – С. 773-776.
2. Галиев Р.Р., Ковшов В.А., Гусманов Р.У. Проект маркетплейса агроландшерингового кооператива // Вестник НГИЭИ. – 2021. – № 2 (117). – С. 101-112.
3. Стомба А.В., Соколов В.М. Проблемы инновационного развития российского общества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 731.
4. Масалимов Р.Н., Стомба Е.В. Социальные и психологические проблемы молодежи сельских территорий (на примере Республики Башкортостан) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 1. – С. 374-397.
5. Стомба Е.В., Стомба А.В. Инновации как фактор устойчивого развития сельских территорий // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 5. – С. 706-720.
6. Галиев Р.Р. Приоритеты инновационного развития сельского хозяйства Башкортостана / Р.Р. Галиев // Развитие институтов инновационной экономики в условиях интеграции России в мировое экономическое пространство: Сборник трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – М.: ООО «Научный консультант», 2016. – С. 69-74.

ЦИФРОВАЯ МЕДИАГРАМОТНОСТЬ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Е.Р. Соловьева

Донецк, Донецкий национальный технический университет

Аннотация: в этой статье рассматривается, как медиапедагоги могут реагировать на новые вызовы и возможности Интернета и цифровых медиа в более широком смысле. Начиная с изучения ценности и ограничений понятия «грамотность» в этом контексте.

Ключевые слова: грамотность, медиа, интернет, цифровая эпоха, мультиграмотность.

DIGITAL MEDIA LITERACY: RETHINKING MEDIA EDUCATION IN THE INTERNET AGE

E.R. Solovyov

Donetsk, Donetsk National Technical University

Annotation: This article looks at how media educators can respond to the new challenges and opportunities of the Internet and digital media more broadly. Starting with an examination of the value and limitations of the concept of "literacy" in this context.

Keywords: literacy, media, internet, digital age, multiliteracy.

За последние 20 лет было предпринято много попыток расширить понятие грамотности за пределы его оригинального приложения к среде письма. Еще в 1986 году один из ведущих британских исследователей в этой области Маргарет Мик Спенсер ввела понятие «эмерджентной грамотности» в описание игры маленьких детей, связанной со средствами массовой информации [21], и призыв обратить внимание на «новую», или «множественную» грамотность, которая была сформирована многими авторами в последующие годы [3-10], и много других. Мы наблюдали расширенные обсуждения визуальной грамотности [17], телевизионной грамотности [7], кинограмотности [4] и информационной грамотности [5]. Представители так называемых «новых исследований грамотности» разработали понятие «мультиграмотности», имея в виду как социальное разнообразие современных форм грамотности, так и тот факт, что новые средства коммуникации требуют новых форм культурной и коммуникативной компетентности [10].

Это распространение грамотности может быть модным, но оно поднимает некоторые важные вопросы. Популярные дискуссии об «экономической грамотности», «эмоциональной грамотности» и даже «духовной грамотности», кажется, расширяют применение термина до такой степени, что всякая аналогия с его первоначальным значением (то есть по отношению к письменному языку) теряется. «Грамотность» используется просто как расплывчатый синоним «компетентности» или даже «навыка». Термин «грамотность» явно несет в себе определенную степень социального статуса, и использовать его в связи с другими формами статуса, такими как телевидение или в отношении новых средств массовой информации означает

косвенно претендовать на значимость последних как объекта изучения. Признавая значение визуальных и аудиовизуальных медиа, некоторые ученые оспаривают такое расширение термина, утверждая, что «грамотность» должна по-прежнему ограничиваться областью письма: «Грамотность скорее связана с развитием устной и письменной речи и распространением информации за последние десять тысяч лет. Быть грамотным — значит быть частью этого огромного мира идей и языков»[2], в то время как другие оспаривают идею о том, что визуальные медиа требуют процесса культурного обучения, аналогичного изучению письменного языка [16]. Аналогия между письмом и визуальными или аудиовизуальными средствами, такими как телевидение или кино, может быть полезной на общем уровне, но она часто терпит крах, если мы присмотримся повнимательнее: можно проанализировать шире такие категории, как повествование и репрезентация во всех этих средствах массовой информации, но гораздо труднее провести более конкретные аналогии, например, между кадром фильма и словом или последовательностью фильма и предложением.

Определение грамотности: пределы компетенции. Многие образовательные концепции грамотности склонны определять ее как набор навыков или компетенций. Определение медиаграмотности, принятое британским органом по регулированию СМИ Ofcom (2004 г.), которое само по себе представляет собой адаптированную версию более раннего определения, принятого в США Aufderheide, (1997 г.), представляет собой довольно четкий и лаконичный пример такого подхода: «медиаграмотность – это возможность доступа к пониманию и созданию коммуникации в различных контекстах». Таким образом, доступ включает в себя навыки и компетенции, необходимые для поиска медиаконтента с использованием доступных технологий и соответствующего программного обеспечения. По крайней мере, в использовании Ofcom это также включает в себя возможность регулировать (или саморегулировать) доступ, например, осознавая потенциальные риски и используя регулирующие механизмы и системы руководства. Понимание включает в себя способность декодировать или интерпретировать медиа, например, посредством понимания формальных и общих соглашений, конструктивных особенностей и риторических приемов. Это также включает в себя знание производственных процессов, моделей собственности и институционального контроля, а также способность критиковать СМИ, например, с точки зрения точности или надежности их представлений о реальном мире.

Наконец, создание включает в себя способность использовать средства массовой информации для формирования и передачи собственных сообщений, будь то в целях самовыражения или для того, чтобы влиять на других или взаимодействовать с ними.

С точки зрения официальных определений печатной грамотности [12], доступ можно рассматривать как форму функциональной грамотности: по сути, это вопрос того, достаточно ли люди знают о средствах массовой информации и технологиях, чтобы иметь возможность функционировать в обществе на

справедливой основе начального уровня. Как мы вскоре увидим, большинство определений «цифровой грамотности» (или «интернет-грамотности», или «компьютерной грамотности»), как правило, остаются на этом уровне. Напротив, понимание и творчество оценить гораздо труднее: то, что считается действительной, законной или желательной формой понимания или творчества, не является чем-то, с чем можно легко согласиться. Из этого следует, что определение Ofcom и ему подобные, как правило, избегают некоторых потенциально спорных вопросов, связанных с определением грамотности.

Социологические и антропологические исследования печатной грамотности [11; 22] ясно показали, что грамотность нельзя рассматривать просто как набор компетенций, живущих в головах людей. Напротив, грамотность – это явление, которое реализуется только в социальных практиках различного рода и через них, и поэтому принимает разные формы в разных социальных и культурных контекстах. При изучении грамотности мы не можем ограничиваться изолированной встречей читателя с текстом. Нам необходимо учитывать межличностный контекст, в котором происходит эта встреча (где читается текст, с кем и почему), а также более широкие социальные и экономические процессы, которые определяют, как тексты создаются и распространяются. Это означает, что грамотность неизбежно является спорной областью. Некоторые проявления компетентности или понимания неизбежно воспринимаются как более социально легитимные, чем другие. Грамотность неизбежно связана с вопросом о том, кто владеет информацией и контролирует ее, а также средства, с помощью которых она генерируется и распределяется. Таким образом, определения грамотности обязательно идеологичны, поскольку они подразумевают определенные нормы социального поведения и определенные отношения власти. Смысл грамотности открыт для переговоров и дебатов.

В дискуссиях о цифровой грамотности, а в некоторой степени и о медийной грамотности, основной упор часто делается на информацию. Основная проблема связана с поиском, использованием, оценкой и производством информации. Тем не менее уже не особенно актуально думать о цифровых медиа просто как об «информационной технологии»: с растущей конвергенцией медиа (которая обусловлена не только технологиями, но и экономикой) границы между «информацией» и другими медиа стираются, становясь все более размытыми. В досуге большинства детей компьютеры представляют собой гораздо больше, чем устройства для поиска информации: они передают образы и фантазии, предоставляют возможности для творческого самовыражения и игры, и служат средством, с помощью которого поддерживаются личные отношения. Признание этого, безусловно, означает расширение нашего представления о технологиях, не в последнюю очередь в сфере образования: очевидно, что информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) больше не относятся только к настольным компьютерам или вообще не обязательно относятся к компьютерам. Нам необходимо признать тот факт, что цифровые медиа являются культурными формами, неразрывно связанными с другими визуальными и аудиовизуальными медиа. Однако это еще больше подрывает нормативные представления о

медиаграмотности как наборе универсально применимых навыков. Как и «старые» медиа, цифровые медиа неизбежно поднимают сложные вопросы о вкусе, удовольствии и идентичности, которые нельзя просто свести к узкорационалистической формуле.

Столь же противоречиво можно утверждать, что грамотность также содержит критическое измерение. Когда мы описываем кого-то как «грамотного» человека, мы не просто имеем в виду, что он или она умеет читать и писать. В частности, в образовательном контексте понятие грамотности обычно подразумевает более рефлексивный подход. Грамотность в этом более широком смысле включает анализ, оценку и критическое осмысление. Это влечет за собой овладение метаязыком, то есть средством описания форм и структур определенного способа общения, а также включает более широкое понимание социальных, экономических и институциональных контекстов общения и того, как они влияют на людей и их опыт и практику [15]. По мнению сторонников подхода «мультиграмотности» [10], обучение грамоте не может сводиться просто к приобретению навыков или овладению конкретными практиками; оно также должно включать в себя форму «критического фрейминга», которая позволяет учащемуся теоретически дистанцироваться от того, что он узнал, учитывать его социальное и культурное положение, а также критиковать и расширять его.

Тем не менее, это понятие критической грамотности вызывает некоторые существенные трудности, которые широко обсуждались в контексте медиаобразования. «Конечно, было бы неверно делать вид, что медиаобразование (или медиаграмотность, как его часто называют в Северной Америке) неизбежно или обязательно является «радикальным» вмешательством; преподавание рэп-музыки или мыльных опер, например, само по себе не предписывает определенный набор стратегий в классе или определенный набор отношений между учителями и учениками» [8;15]. Кажется, что в некоторых концепциях медиаграмотности мало места для аспектов удовольствия, чувственности и иррациональности, которые, возможно, являются центральными для большинства людей в восприятии медиа и культуры в более широком смысле. Например, акцент на критической дистанции неуклюже сочетается с ощущением «погружения» и спонтанного «потока», которые часто рассматриваются как фундаментальные для компьютерных игр, или даже с эмоциональной интенсивностью и близостью некоторых форм онлайн-общения. Таким образом, понятие грамотности можно рассматривать как санкционирующее узкий, рационалистический взгляд на то, как хорошо регулируемый человек должен вести себя по отношению к средствам массовой информации — точка зрения, которая, возможно, совершенно не соответствует тому, как ведут себя или хотели бы вести себя большинство пользователей.

Медиаграмотность уходит в онлайн. Есть четыре широких концептуальных аспекта, которые обычно считаются важными компонентами медиаграмотности. Они были наиболее последовательно разработаны за последние 20 лет медиапедагогами в Соединенном Королевстве. В то время

как цифровые медиа явно поднимают новые вопросы и требуют новых методов исследования, эта базовая концептуальная схема продолжает обеспечивать полезные средства картографирования области.

Представление. Как и все медиа, цифровые медиа представляют мир, а не просто отражают его. Они предлагают определенные интерпретации и выборы реальности, которые неизбежно воплощают неявные ценности и идеологии. Информированные пользователи СМИ должны иметь возможность оценивать материал, с которым они столкнутся, например, оценив мотивы тех, кто его создал, и сравнив его с другими источниками, включая собственный непосредственный опыт. В случае информационных текстов это означает рассмотрение вопросов об авторитете, надежности и предвзятости, а также обязательно вызывает вопросы о том, чьи голоса слышны и чьи точки зрения представлены, а чьи нет.

Язык. По-настоящему грамотный человек способен не только пользоваться языком, но и понимать, как он устроен. Отчасти это вопрос понимания «грамматики» конкретных форм коммуникации, но это также включает в себя осознание кодов и условностей конкретных жанров. Это означает приобретение аналитических навыков и метаязыка для описания функций языка. Таким образом, цифровая грамотность должна включать в себя систематическое понимание того, как устроены цифровые медиа, и уникальной «риторики» интерактивной коммуникации: например, в случае Интернета это будет включать понимание того, как устроены и структурированы сайты и риторические функции связей между сайтами [9].

Производство. Грамотность также включает в себя понимание того, кто с кем общается и почему. В контексте цифровых медиа молодые люди должны осознавать растущую важность коммерческих влияний, особенно потому, что они часто невидимы для пользователя. В этом есть аспект «безопасности»: дети должны знать, когда их преследуют коммерческие призывы, и как информация, которую они предоставляют, может быть использована коммерческими корпорациями. Но цифровая грамотность также предполагает осознание глобальной роли рекламы, продвижения и спонсорства, а также того, как они в первую очередь влияют на характер доступной информации. Конечно, это осознание должно также распространяться на некоммерческие источники и заинтересованные группы, которые все чаще используют Интернет как средство убеждения и влияния.

Аудитория. Наконец, грамотность предполагает также осознание собственного положения как аудитории (читателя или пользователя). Это означает понимание того, как средства массовой информации нацелены на аудиторию, и как различные аудитории используют их и реагируют на них. В случае Интернета это влечет за собой осведомленность о том, как пользователи получают доступ к сайтам, как к ним обращаются и направляют (или побуждают к навигации), а также как о них собирается информация. Это также означает признание самых разных способов использования средств массовой информации, например, различными социальными группами, и

размышление о том, как они используются в повседневной жизни. Конечно, в некоторых отношениях термин «аудитория», который легко применяется к «старым» медиа, не отражает интерактивность Интернета, хотя другие термины не более удовлетворительны [13].

Технологии и педагогика: роль школы. Можно утверждать, что цифровое производство является частью более общего «расширения прав и возможностей» пользователей медиа. Предлагая более демократичный доступ к сложным формам медиапроизводства, цифровые технологии могут позволить учащимся стать писателями, а также читателями визуальных и аудиовизуальных медиа и действительно начинают стирать эти устоявшиеся различия. Школа может сыграть важную роль в расширении доступа к технологиям, особенно среди малообеспеченных слоев населения, хотя в этом отношении следует проявлять некоторую осторожность. Исследования показывают, что здесь существует опасность того, что [1] назвали «эффектом улицы Сезам»: то есть вмешательство, направленное на то, чтобы позволить более бедным детям «догнать» в образовании своих более богатых сверстников, может в конечном итоге привести к расширению существующего неравенства по признаку социального класса, этнической принадлежности и пола, поскольку именно мальчики, дети из среднего класса и белые (которые имеют более широкий доступ вне школы), которые, скорее всего, получают от этого наибольшую пользу. Тем не менее, даже там, где у молодых людей есть доступ к цифровым технологиям производства у себя дома, относительно немногие из них используют их надлежащим образом [14] (рис.1). Причины этого могут быть частично связаны с трудностями приобретения соответствующих навыков, хотя они также, что очень важно, связаны с социальным контекстом. Исследования в этой области показали, что в большинстве случаев домашняя обстановка не давала детям достаточной социальной мотивации, чтобы вообще хотеть заниматься такой деятельностью даже там, где у них был необходимый доступ [20].

Социальная среда школы, по-видимому, предоставляет важные возможности в этом отношении, хотя они будут зависеть от принятой педагогики. Например, кажется особенно важным настаивать на необходимости сотрудничества в цифровом производстве. В эпоху аналоговых технологий медиаобразование, как правило, полагалось на групповую работу не только по прагматическим причинам (связанным с нехваткой технологий), но и по образовательным. Эти аргументы нелегко применить к производственной работе с цифровыми медиа. Действительно, использование цифровых технологий часто ведет к индивидуализации производственного процесса. В компьютерном классе, даже созданном для творческих работ, учащиеся, как правило, работают индивидуально у экранов. Попытки организовать групповую работу часто кажутся несколько искусственными, и учащиеся иногда стремятся избежать диалога и дебатов, разделяя свою работу на специализированные функции, которые могут выполняться отдельными лицами. Особенно там, где высокий уровень доступа к технологии, преимущества совместной работы должны быть четко сформулированы и активно продвигаться. Групповая

работа предоставляет важные возможности для размышлений, обсуждения и диалога; и только через эти процессы можно установить связи между практикой и более широкими концептуальными задачами медиаобразования.

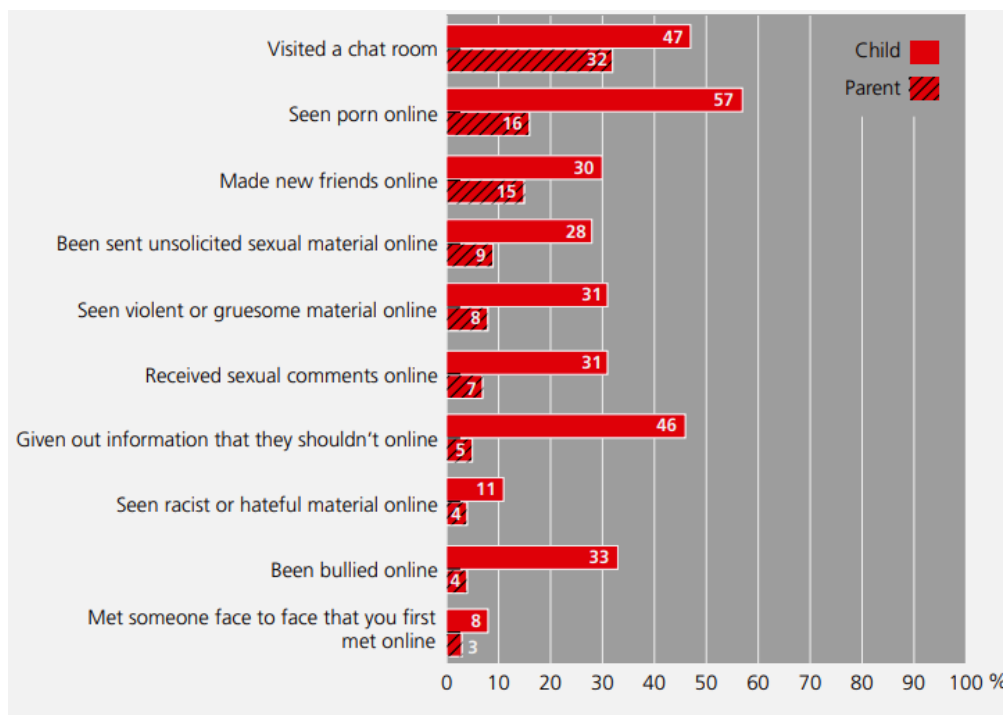

Рис. 1

Наконец, есть вопрос об аудитории. Большая часть творческой работы, которую учащиеся выполняют в школе, рассчитана на одну аудиторию: учитель-экзаменатор. Существование или даже потенциальное существование реальной аудитории может качественно изменить то, как учащиеся осмысливают практическую работу и что они извлекают из нее. Интернет предоставляет или может предоставить в будущем значительные возможности для работы молодых людей, чтобы найти более широкую аудиторию.

В настоящее время растет число сайтов, на которых размещаются изображения, видео- и аудиоматериалы, созданные молодыми людьми. Задача доведения студенческой работы до стадии «публикации» часто требует много времени, и работа часто выглядит и воспринимается отлично от «профессиональных» продуктов. На самом деле лишь немногие школы опубликовали мультимедийные работы своих учеников таким образом, сделали их более доступными через Интернет, хотя это, вероятно, отражает растущую обеспокоенность школ своим «публичным имиджем». Конечно, поиск аудитории, пусть даже относительно небольшой и локальной, – это лишь этап в процессе, а не конечная точка; но, если рассматривать его таким образом, он может иметь значительные преимущества с точки зрения мотивации учащихся и их готовности размышлять над своей работой.

Отсюда следует, что ценность цифровых технологий в значительной степени зависит от педагогических отношений, которые устанавливаются вокруг них — например, от того, как учащиеся получают доступ к необходимым им навыкам и компетенциям, насколько они могут

контролировать процесс и насколько далеко они могут вступить в диалог со своими сверстниками и учителями. В более широком смысле она также зависит от окружающих ее социальных контекстов – от мотивации студентов, от того, как культурное производство связано с другими аспектами их жизни, от аудитории их произведений и так далее.

Метафора грамотности – хотя и не без проблем – дает один из способов вообразить более последовательный и более амбициозный подход. Растущая конвергенция современных средств массовой информации означает, что нам необходимо обращаться к навыкам и компетенциям «множественной» грамотности, которые требуются для всего спектра современных форм коммуникации. Вместо того, чтобы просто добавлять медийную или цифровую грамотность в меню учебной программы или выделять «информационные и коммуникационные технологии» в отдельный предмет, нам нужно гораздо более глубокое переосмысление того, что мы подразумеваем под грамотностью в мире, где все больше доминируют электронные медиа. Это никоим образом не означает, что вербальная грамотность больше не актуальна или что от книг следует отказаться. Однако это означает, что учебная программа больше не может быть ограничена узкой концепцией грамотности, которая определяется исключительно с точки зрения средства печати.

Такой подход к цифровой грамотности также обеспечивает более убедительное обоснование использования технологий в образовании. В большинстве случаев компьютеры в школах явно не вписываются в сложную технологическую и насыщенную средствами массовой информации среду, в которой сейчас растут дети. Решение этой проблемы не в том, чтобы импортировать все более модные или «удобные для детей» устройства или подслащивать пилюлю обучения поверхностной дозой цифровых развлечений. Цифровая медиаграмотность представляет собой более строгий, но и более приятный и мотивирующий способ решения образовательных задач цифровой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Attewell P., Battle, J. Home Computers and School Performance //The Information Society. – 1999. – 15(1). –P. 1-10.
2. Barton D. Literacy: an introduction to the ecology of written language/D. Barton. – Oxford: «Blackwell», 1994. – 247 p.
3. Bazalgette C. They Changed the Picture in the Middle of the Fight: new kinds of literacy, in M. Meek& C. Mills (Eds) Language and Literacy in the Primary School/C.Bazalgette. –London: Falmer Press, 1988. – 250 p.
4. British Film Institute Moving Images in the Classroom: a secondary teacher’s guide to using film and television/London: British Film Institute, 2000. – 194 p.
5. Bruce C. The Seven Faces of Information Literacy /C.Bruce. –Adelaide:«Auslib Press», 1997. – 203 p.
6. Buckingham D. Changing Literacies: media education and modern culture/D. Buckingham. – London: «Tufnell Press», 1993.– 16 p.
7. Buckingham D. Children Talking Television: the making of television literacy/ D.Buckingham. – London: «Falmer Press», 1993. – 336 p.
8. Buckingham D.Teaching Popular Culture: beyond radical pedagogy/D. Buckingham. – London: «UCL Press», 1998. – 207 p.

9. Burbules N.C., Callister, T.A. Watch IT: the risks and promises of information technologies for education/ N.C.Burbules, T.A. Callister. – London:«Routledge», 2000. – 183 p.
10. Cope B., Kalantzis, M. (Eds) Multiliteracies: literacy learning and the design of social futures/ B.Cope,M. Kalantzis. –London:«Routledge», 2000. – 349 p.
11. Heath S.B. Ways with Words/ S.B. Heath. – Cambridge: «Cambridge University Press», 1983. – 450 p.
12. Levene K. The Social Context of Literacy / K. Levene. –London: «Routledge & Kegan Paul», 1986. – 272 p.
13. Livingstone S. The Challenge of Changing Audiences: or, what is the audience researcher to do in the age of the internet //European Journal of Communication. – 2004. –19(1). – P. 75-86.
14. Livingstone S., Bober, M.UK Children Go Online: surveying the experiences of young people and their parents /S.Livingstone, M. Bober.– London: «London School of Economics and Political Science», 2004. – 41p.
15. Luke C. Cyber-schooling and Technological Change: multiliteracies for new times//Harvard educational review. –2000. – №66. – P. 60-92.
16. Messaris P. Visual 'Literacy': image, mind and reality / P. Messaris. –Boulder: «Westview Press», 1994. – 224 p.
17. Moore D., Dwyer, F. Visual Literacy: a spectrum of visual learning /D. Moore, F. Dwyer. – Englewood Cliffs: «Educational Technology Publications», 1994. – 435p.
18. Ofcom (Office of Communications) Strategies and Priorities for the Promotion of Media Literacy: a statement. – London: «Ofcom», 2004. – 24 p.
19. Ofcom (Office of Communications) Media Literacy Audit: report on media literacy among children. –London: «Ofcom», 2006. – 69 p.
20. Sefton-Green J., Buckingham, D. Digital Visions: young people's 'creative' uses of multimedia technologies in the home //Convergence. – 1996. – 2(2). –P 47-79.
21. Spencer M. Emergent Literacies: a site for analysis //Language Arts. –1986. –63(5). – P. 442-453.
22. Street B. Literacy in Theory and Practice / B. Street. –Cambridge: «Cambridge University Press», 1984. – 240 p.
23. Tyner K. Literacy in a Digital World / K. Tyner. –Mahwah: «Erlbaum», 1998. – 304 p.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВИДЕОИГР: ВИРТУАЛЬНОСТЬ, САМООБУЧЕНИЕ, НАРРАЦИЯ

Р.В. Леушкин

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: Тематика данной статьи посвящается вопросам виртуальной реальности в целом и виртуальности компьютерных игр – в частности. Поднимается вопрос об актуальности и значимости данной темы для научного и философского дискурса. Разбираются базовые подходы к пониманию феномена компьютерной игры.

Ключевые слова: компьютерная игра, философия игры, виртуальная реальность, социальная коммуникация, медиапространство, гиперреальность, нарратив.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF VIDEO GAMES: VIRTUALITY, SELF-EDUCATION, NARRATION

R.V. Leushkin

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The subject of this article is devoted to the issues of virtual reality in general and the virtuality of computer games in particular. The question is raised about the relevance and significance of this topic for scientific and philosophical discourse. The basic approaches to understanding the phenomenon of a computer game are analyzed.

Keywords: computer game, game philosophy, virtual reality, social communication, media space, hyperreality, narrative.

Изучение компьютерных игр является перспективным и актуальным направлением ввиду широкой распространенности данного явления и все возрастающего его влияния на массовую культуру и жизнь общества. Частные и практические аспекты видеоигр* достаточно широко прорабатываются в рамках такого направления в западной науке, как «gamestudies» или «людология». Ряд рецензируемых изданий посвящены данной тематике, появляются лаборатории и центры изучения компьютерных игр, накапливается фактологический материал. Фундаментальный же и теоретический дискурс в области компьютерных игр в данный момент находится на стадии своего становления. Осуществляется постановка проблемы, очерчивается круг исследуемых вопросов, складываются основные подходы к пониманию природы и сущности игрового опыта, феномена видеоигры, происходит осмысление статуса игры в контексте проблемы цифрового искусства и т. д.

Несмотря на накопленный материал по изучению компьютерных игр, на данный момент не совсем прояснился предмет исследования. Что именно следует изучать, когда речь заходит о компьютерных играх, имеет ли существенное содержание данный предмет изучения в целом? То есть являются ли компьютерные игры самостоятельным предметом философского анализа и заслуживают ли они внимания фундаментальной науки? Соответственно, существует несколько вариантов ответа на данные вопросы.

С одной стороны, предполагается, что компьютерные игры представляют собой незначительную проблему. Компьютерные игры выступают не более чем одной из множества форм дигитального или цифрового искусства, которое в целом представляет собой разновидность массовой, потребительской культуры. Роль и значение игр в культуре и обществе минимальны. В таком случае, теоретическая значимость данной темы также минимальна.

С другой стороны, допускается, что компьютерные игры могут представлять собой самостоятельный и уникальный феномен человеческого или социального бытия. Феномен компьютерных игр может быть сформирован либо сам формирует самостоятельные сущностные структуры, состояния или свойства, которые не встречаются отдельно от данного феномена [13]. В частности предполагается, что в условиях компьютерной игры человек, помещенный в данные условия, получает такой опыт, который оказывается недостижим в иных условиях. Более того, ситуация электронной игры может

*В данной статье речь идет обо всех электронных играх, опосредованных ЭВМ. Сюда относятся игры для персонального компьютера, игровой приставки к телевизору, мобильные игры, игры для портативных устройств и т. д.

представлять собой уникальный способ самоосуществления человека или даже его существования. В данном случае феномен компьютерной игры становится интересен не только в прикладной, но и в фундаментальной науке.

Первый взгляд вполне понятен сам по себе, мы не будем останавливаться на нем, мы обратим свое внимание на второй взгляд. Постараемся нащупать проблему, которая может скрываться в области компьютерных игр, – в том случае, если она есть.

Игра как явление культуры

История игр в целом довольно длительна и богата. Игры представляют собой неотъемлемую часть человеческой культуры. Они обладают множеством функций, которые по большей части связаны со становлением личности и взрослением, освоением опыта и видов деятельности, искусством и спортом [5; 12]. Тема игры уже заняла свое место в академическом дискурсе, чего не скажешь о теме компьютерной игры.

На данный момент сложно однозначно заявлять, что компьютерная игра представляет собой нечто в онтологическом отношении самостоятельное. В то же время, проблематика игр входит в область проблем дигитальной культуры в целом, виртуальной онтологии, социологии виртуального пространства и тем самым обретает вполне серьезные очертания.

Специфика дигитальной культуры достаточно ярко представлена в культуре видеоигр. Этим, с одной стороны, усложняется задача по изучению игры, так как дигитальная культура уже сейчас демонстрирует эмансипирующие тенденции в своем становлении [8]. С другой стороны, задает контекст для понимания проблемы.

Часть исследователей проблемы обращают внимание на то, что цифровая культура и медиакультура представляет собой самостоятельную форму культуры, новый этап в ее развитии [1; 8]. То же касается и компьютерной игры. «Несомненно, игры издревле были условиями аккумуляции и передачи коллективного опыта: они вводили играющих в экономические, военные, политические практики. Игры всегда вводили в культуру, но новые цифровые игры делают нечто иное – они вводят в природу, точнее в цифровую природу как новую реальность. Вопросы, которые компьютерные игры ставят перед исследователем глубже, чем вопросы культуры – это вопросы границ и возможностей человеческой природы или даже природы вообще» [10, с. 10]. Компьютерные игры представляются как узловое звено цифровой революции, одна из важнейших составляющих процесса дигитализации, цифровизации и виртуализации современного общества. В них воплощаются все ключевые аспекты формирующейся цифровой культуры. Здесь и технологии виртуальной или дополненной реальности, компьютеро-опосредованная коммуникация, искусственный интеллект, цифровая экономика и политика. Требования, которые предъявляют современные компьютерные игры к оборудованию таковы, что заставляют высокотехнологический сектор развиваться

стремительными темпами. Компьютерные игры – это один из локомотивов технического прогресса, катализатор инноваций.

Ввиду потенциально высокой значимости и актуальности проблемы возникает необходимость научно-теоретического определения феномена компьютерной игры. Для этого необходимо обратиться к основным подходам к пониманию сущности компьютерных игр. Из тех подходов, которые учитывают специфику процесса компьютерной игры и в то же время могут претендовать на минимальную теоретическую значимость, на первый план выходят всего два. Первый подход определяет видеоигры с позиции особенностей формируемого ими чувственного опыта, который получает пользователь. Игра выступает как инструмент формирования у реципиента уникального чувственного опыта. Второй подход предполагает, что игра является собой особый вариант наррации, рассказа, а специфика игр заключается в особом способе повествования. Разберем данные подходы чуть подробнее.

Игра как источник уникального чувственного опыта

Игра может быть представлена как средство формирования или передачи уникального чувственного опыта. Видеоигры на всем пути своего становления уже предполагают наличие технических средств, устройств вывода изображения, звука, тактильной отдачи. Складывается вполне стандартный для современной медиакультуры набор инструментов. Сюда относятся мониторы, телевизоры, шлемы виртуальной реальности, аудиотехника, контроллеры ввода, устройства тактильной отдачи и т.д. По большому счету, каналы отображения информации в видеоиграх достаточно привычны. Это изображение, звук, и тактильная отдача. Они не новы в сравнении с другими формами медиакультуры и даже в отношении к повседневному опыту. Однако, в чем же может заключаться уникальность именно игрового опыта? Почему игры нельзя назвать простым суррогатом чувственного опыта?

Здесь выделяются следующие факторы:

1) Виртуальный характер опыта – объект опыта не реален, он искусственно сконструирован.

2) Интерактивное погружение – состояние вовлеченности в виртуальную активность, деятельное участие.

Данные факторы были выявлены в результате исследований Н. А. Носова и его последователей, в рамках работы лаборатории и школы виртуалистики. В виртуальной психологии Носова описываются виртуальные состояния, которые возникают у пилотов в ситуации управления воздушным транспортом [9]. Также Н.А. Носов проводил исследования с подобными состояниями на авиа-симуляторах. В процессе тренировки на симуляторе пилот мог испытывать отрыв от реальности и погружение в виртуальность. Здесь важно отметить, что виртуальное состояние, виртуальный опыт возникают в ситуации, полностью аналогичной компьютерной игре. В виртуальной игровой ситуации значительным образом задействованы сенсорные системы игрока, происходит

предельная концентрация внимания, когнитивное напряжение. Игрок как бы переносится в искусственную реальность игры.

Исследователи компьютерных игр называют это погружением, эффектом присутствия. Психологи характеризуют данное состояние как потоковое (состояние потока). Применительно к самой игре это обозначается как «иммерсивность» – характеристика, отвечающая за степень погружения игрока в виртуальную реальность игры. С другой стороны, характеристики иммерсивности и погружения применимы не только к компьютерным играм, но и к другим видам искусства, в частности к изобразительному искусству, музыке и кинематографу. Однако, пассивное их восприятие вовсе не похоже на ситуацию компьютерной игры.

В своих исследованиях Носов указывает на то, что для возникновения виртуальных состояний важна характеристика интерактивности, активного взаимодействия с условной виртуальностью. Отсюда следует, что именно интерактивность ситуации компьютерной игры создает условия особой формы погружения, подлинного виртуального состояния, недостижимого иными средствами.

Человек, впервые попадающий в определенную виртуальную игровую ситуацию, не пассивно созерцает ее со стороны, а активно включается в происходящее, подобно актеру на сцене театра. В то же время, игрок, в отличие от актера, подобен и зрителю. Подобен в том, что не знает всю сцену наперед. Игрок оказывается в условиях, в рамках которых он вынужден действовать, не имея готовых моделей поведения и деятельности. Приспосабливаясь к незнакомой ситуации, игрок часто вынужден отступать от привычных шаблонов поведения и вырабатывать новые поведенческие паттерны. Игрок находится в условиях, при которых ему приходится осваивать новые навыки, умения, получать или вырабатывать новые знания, ставить цели и задачи, вырабатывать принципы поведения и деятельности в ходе самой игры.

В данном контексте, в видеоигровой ситуации неизбежно задействуется механизм приспособления психики игрока к условиям «окружающей» среды. В роли окружающей среды и выступает конструируемая виртуальная игровая среда.

Таким образом, присутствующий в любой игре элемент обучения здесь, в виртуальности выходит на принципиально иной уровень. Игрок не просто решает отдельные задачи и проблемы, его психика приспособляется к новой реальности в целом. В таком случае психика игрока получает мощнейший стимул к саморазвитию, самообучению.

Создаваемая виртуальная видеоигровая ситуация в значительной мере задает перспективу развития предполагаемых качеств игрока. Игра уже изначально предполагает набор навыков, умений и знаний, которые игрок должен приобрести в ходе ее прохождения. С другой стороны, содержание игры далеко этим не исчерпывается. Мы обратимся к следующему подходу в понимании сущности компьютерной игры. Постараемся представить игры как особый нарратив.

Игра как форма наррации

Мы касаемся второго подхода к пониманию компьютерной игры, в рамках которого она представляется как особый нарратив, или способ повествования. Компьютерная игра, в данном случае, может быть представлена как способ изложения истории, рассказа. Игрок при прохождении игры оказывается в ситуации, похожей на прочтение книги или прослушивание устного рассказа. В таком случае игрок вступает в своеобразную ситуацию коммуникации с разработчиком игры, как читатель в отношении к писателю. Создатель игры техническими средствами формирует условия для погружения реципиента в пространство искусственно созданных ситуаций, историй.

Компьютерная игра, в данном контексте, приобретает много общего с художественной литературой в плане набора жанров, построения фабулы, распределения ролей и т.д. В большинстве современных игр вскрываются классические приемы построения сюжета, повествования, раскрытия персонажей и т.д. С другой же стороны, игры обладают важным отличием от письменного текста, которое заключается в их вариативности. И здесь вскрывается одна из главных проблем нарративного подхода к играм – сущность и природа нелинейности в играх. Эта проблема тесно связана с вопросом о том, является ли игровой способ повествования подлинно уникальным?

Часть игр в ходе прохождения (своего рода прочтения игрового текста) не предполагает практически никаких изменений в сюжете, демонстрируя тем самым линейный способ построения повествования. С другой стороны, в части игр структура повествования уходит от линейности. Сюда относятся: выбор игроком внешности персонажа, его атрибутов, профессии, характера, выбор вариантов диалога, поступков, наличие нескольких вариантов концовок. Так или иначе, попытки реализации вариативности являются важной составляющей видеоигр.

Каждое прохождение нелинейной игры напоминает прочтение альтернативного варианта одной и той же книги. Могут отличаться концовка, цепочка событий и даже набор персонажей, однако, можно ли говорить, что это проявление уникальности игрового способа повествования? Описанный способ повествования вполне достижим даже в классическом тексте. Достаточно иметь на руках несколько вариантов текста с разными концовками, книги-квесты, книги-игры хорошо демонстрируют данный тип нелинейности. Большая история делится на несколько историй поменьше, нелинейность заключается в вариативной последовательности этих историй. Таким образом, получается базовая модель нелинейности с древовидной, иерархической топологией построения событий. Однако, существует ли иной вариант нелинейности?

Рассмотрим другой вариант нелинейного повествования – структурную нелинейность с ризоматической, неиерархической топологией. Повествование в игре с подобной нелинейностью осуществляется пластично, без готовых историй. Самая близкая аналогия для такой игры это устный рассказ, с которым она имеет много общего по способу повествования. Устный пересказ историй может видоизменяться рассказчиком в ходе повествования, в нем нет

предопределенности. Более того, возможны истории, которые сочиняются автором буквально на ходу, в виде импровизации (или в диалоге).

Живая речь пластична и непредсказуема, в ней возможен диалог. Чтение же является монологом. В то же время, в устном дискурсе есть структурные компоненты и правила их построения, что задает условия его структурирования. Подобный способ наррации достигается в том случае когда структурным элементом рассказа выступает определенная базовая единица, вроде мифемы, мифологемы, рассказ же выстраивается в соответствии с механизмами функционирования структуры в целом. В таком случае включаются свойства системной организации, эмерджентность.

В чистом виде структурная нелинейность повествования в современных играх практически не встречается. Связанно это с тем, что любые попытки ее реализации формируют так называемый жанр «песочницы», в которой завершенный сюжет чаще всего отсутствует вообще. Игрок оказывается заброшенным в игровой мир с большим множеством занятий, но без явных целей и задач. В лучшем случае игра представляет собой генератор отдельных небольших историй, которые не связаны в цельный и интересный сюжет. Более того, те немногие истории, которые формируются в игре, оказываются чрезмерно разбавлены рутинной или полным отсутствием заметных событий. Игроки в таких случаях чаще всего испытывают скуку и ощущают бессмысленность происходящего.

В данный момент создатели видеоигр пытаются найти подходящий способ построения игрового рассказа. Этот процесс явно далек от завершения, за ним достаточно интересно наблюдать. Обратим же наше внимание на еще один способ понимания феномена видеоигр, который еще не получил широкого распространения.

Игра как виртуальная коммуникация

Уникальность феномена видеоигр вполне может раскрываться не только в каком-то из вариантов выше обозначенных подходов, а при несколько ином ракурсе рассмотрения. Мы обращаемся к третьему подходу к пониманию видеоигр, тесно связанному с нарратологией, – коммуникативному.

Видеоигры представляются, в данном случае, как форма виртуальной социальной коммуникации. Здесь мы касаемся темы коммуникации средствами ИКТ – электронной или виртуальной коммуникации. В виртуальной коммуникации сформированы условия для альтернативной ситуации общения, которая обладает характеристиками как устной коммуникации, так и письменной [3]. Концепция виртуальной коммуникации предполагает, что непосредственный контакт коммуниканта с реципиентом отсутствует, однако событие коммуникации все же происходит.

В цифровой среде появляется такая инстанция, как виртуальный коммуникатор. Данная коммуникативная инстанция способна адаптироваться к коммуниканту и демонстрировать ряд свойств реального, естественного коммуникативного актора.

Гипотетический сильный искусственный интеллект в роли виртуального коммуниканта способен формировать такие варианты сообщений, которые не были заложены в него разработчиком, и это не просто отдельные знаки, а полноценный текст. В основе генерации виртуального высказывания лежит не просто заложенный разработчиком фрагмент законченного текста либо множество его вариантов или частей, а скорее потенциальные возможности текстообразования в рамках определенного фрагмента дискурсивного поля. Высказывание в таком случае само себя раскрывает в зависимости от коммуникативных действий реципиента.

Таким образом, речь идет не о классическом коммуниканте, а о виртуальном коммуниканте, нарраторе, генераторе уникальных сообщений, историй, сюжетов. Можно однозначно говорить, что данный феномен не сводим к имплицитному автору в классическом тексте или естественному коммуниканту. Видеоигра, в подобном случае может выступать как вторая сторона диалога, помимо самого игрока.

Потенциально, именно языком компьютерных игр может быть рассказан действительно новый тип рассказа, достигнута новая форма коммуникации. На данный момент разработчики игр становятся все ближе к этому.

Игры потенциально способны запечатлеть подвижность дискурса на новом уровне. Как кино относится к фотографии, так и игра может относиться к кино по уровню схватывания живых, сущностных сторон дискурсивной культуры, по ее полноте передачи, по уровню погружения в него. Игра добавляет как бы еще одно измерение к отображаемой картине мира в самом рассказе. Фото репрезентирует форму, кино форму и движение, а игра – форму, движение и их вариативность.

Компьютерные игры, как и ИКТ в целом обуславливают формирование новых и любопытных социальных и культурных явлений и процессов. За ними достаточно интересно наблюдать, особенно с учетом того потенциала, который они в себе содержат. В ситуации компьютерной игры возникают условия, в которых потенциально возможно возникновение подлинной виртуальной коммуникации, коммуникации без участия человека. В какой мере это будет реализовано в ближайшее время – вопрос достаточно неоднозначный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Засеева Л. Т. Игра в контексте философии образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – № 2(75). – С. 14-18.
3. Леушкин Р. В. Структура виртуального социального пространства. Коммуникации, конструкты, капитал. / Р.В. Леушкин. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 157 с.
4. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / ред. В. В. Савчук. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – 498 с.
5. Надолинская Т.В. Игра в контексте истории философии, культуры и педагогики // Образование и наука. – 2013. – № 7. – С.138–162.
6. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61-75.

7. Назарчук А.В. Социальное пространство и социальное время в концепции сетевого общества. // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56-66.
8. Нейсбит Д. Мегатренды. / Д. Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». – 2003. – 380 с.
9. Носов Н.А. Виртуальная психология. / Н.А. Носов. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
10. Очеретяный К. А., Царев А.О. Введение в философию компьютерных игр. // VitaCogitans: Альманах молодых философов. – 2019. – № 10. – С. 4-22.
11. Ретюнских Л. Философия игры / Л. Ретюнских. – М.: Закрытое акционерное общество "Издательское предприятие "Вузовская книга", 2002. – 256 с.
12. Тахо-Годи А.А. Жизнь как сценическая игра в представлениях древних греков // Искусство слова: сб. статей. – М., – 1973. – С.306-314.
13. Шевцов К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – Вып. 1. – С. 98–103.
14. Castells M. Power of communications. / M. Castells. – Oxford: Oxford university press. – 2009. – 571 p.
15. Dovey J., Kennedy H. W. Game Cultures. Computer Games as New Media // New University Press, – 2006. – P. 10–13

РОЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

К.С. Арутюнян

Рязань, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф.Уткина

Аннотация: В работе осуществлен анализ проблем цифровизации в контексте философской рефлексии. Определено место и роль управленческих дисциплин в эпоху цифровизации и доказана необходимость гуманитарного знания в целом в современном обществе, направленном на формирование высокопрофессиональных специалистов в сфере управления.

Ключевые слова: философия, гуманитарные науки, цифровизация, система образования, управление.

THE ROLE OF MANAGEMENT DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION

K.S. Arutiunian

Ryazan, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F.Utkina

Annotation: Analysis of digitalization problems in the context of philosophical reflection has been carried out. The place and role of management disciplines in the era of digitalization has been determined and the need for humanitarian knowledge as a whole in the modern society aimed at the formation of highly professional specialists in the field of management has been proved.

Keywords: philosophy, humanities, digitalization, education, governance.

В данной статье речь пойдет о роли управленческих дисциплин в системе высшего образования в условиях цифровизации. Управленческие дисциплины:

теория менеджмента, организационная культура, стратегический менеджмент и др. относятся к гуманитарному циклу. В критические и переломные моменты особенно велика роль философии и гуманитаристики в решении сложных жизненных проблем. Это связано с уникальной способностью данных дисциплин схватывать и разъяснять основы происходящих событий и явлений, определять их причину и предпосылки, понимать экзистенциальность человека и его бытия в мире. Поэтому на современном этапе условия цифровизации не могут обойтись без философской и управленческой составляющих, связанных не только с оценкой проблемной ситуации, но и принятием эффективных управленческих решений.

Актуальность управленческих дисциплин определяется условиями цифровизации. Цифровизация привнесла в жизнь современного общества целый ряд инноваций, нашедших воплощение в комплексе научных, технических, технологических и производственных достижений.

Однако цифровое общество нуждается не только в научных достижениях, но и в сопровождающей данные тенденции управленческой деятельности для управления кризисными ситуациями. Без знаний в области управления общество тяготеет к технократии, впадает в чрезмерный сциентизм и релятивизм, не учитывая мировоззренческую и гуманистическую основу управленческих процессов [3, с. 233]

В этой связи в управленческих дисциплинах на первый план выдвигаются проблемы осознания предпосылок и сущности цифровизации, а также результаты глобальных кризисных тенденций. Не менее актуальными выступают также выявление гуманистического смысла и содержания экзистенции человека в технизированном мире, роль и значение управленческой деятельности, осознание критериев развития социокультурного бытия общества со всеми последствиями на фоне технологических нововведений.

Цифровизация – это процесс, который связан с технологическими, экономическими, политическими процессами, а также процессами гуманитарного и социокультурного порядка [2, с. 24]. Исходя из данного определения, феномен цифровизации ориентирован на комплексное осмысление стратегических задач, сопровождающих развитие общества в настоящем и в будущем.

Задачи управленческих дисциплин в системе высшего образования – способствовать прояснению вопросов о статусе человека в управлении в меняющемся мире, об использовании управленческих методов в разрешении кризисных тенденций [1, с. 8].

Условия цифровизации в области высшего образования связаны с последовательным уменьшением числа преподаваемых гуманитарных дисциплин, сокращением отводимых на их освоение часов, а также отсутствием управленческих дисциплин на технических и гуманитарных специальностях. В этих условиях возникают проблемы, связанные с тем, что управленческие дисциплины как дисциплины гуманитарного направления, направлены на развитие управленческого сознания личности, на способности мыслить и

принимать решения. К сожалению, данные условия не учитываются и являются не востребуемым в реалиях современной цифровой эпохи.

Современные гуманитарии обладают совершенно особенным взглядом на мир и происходящие в нём изменения. Они наделены критическим складом ума и могут дать трезвую, гуманистически ориентированную оценку достижениям и данным, собираемым алгоритмическим путём, с помощью технологий машинного интеллекта.

Одна из проблем преподавания управленческих дисциплин состоит в том, что в основе управленческого образования лежит парадигма, которая соответствуя концепциям, идеям и практике менеджмента, не соответствует современной управленческой практике.

Таким образом, при подготовке не только менеджера будущего, но и инженера, врача, учителя необходимы управленческие навыки. Менеджер в той или иной сфере не просто руководитель, свободно реализующий основные функции управления, уверенно коммуницирующий и принимающий качественные решения. Его знания, умения и навыки в области менеджмента должны интегрироваться с компетенциями в сфере информационных технологий и экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балюшина Ю.Л. Трансформация ценностных ориентаций личности в период становления информационно общества: философский аспект // Концепт. -2014. -Т. 13.- С. 6–10.
2. Ганчарик Л.П. Система открытого образования в подготовке управленческих кадров в сфере цифровой экономики // Открытое образование. -2019. -№ 23(2)-. С. 23–30.
3. Саутин Р.А., Вахрушева М.Ю. О методиках преподавания менеджмента в высшей школе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. - 2016. - № 3(25). -С. 233–243.

РОССИЙСКИЕ ВУЗЫ: ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

С.С. Восканян

Волгоград, Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация: В статье рассматривается современная система управления в российских ВУЗах. Выявляются проблемы, препятствующие эффективности управления в учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: ВУЗ, наука в России, российская система образования, система высшего образования, эффективность управления.

THE RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: ISSUES ON MANAGEMENT EFFICIENCY

S.S. Voskanyan

Volgograd, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Annotation: The article considers the modern management system in the Russian higher educational institutions. The issues impeding management efficiency in institutions of higher education are identified.

Keywords: higher educational institutions, science in Russia, Russian education system, higher education system, management efficiency.

Российская система высшего образования и науки за постсоветское время прошла такой же непростой путь, как и вся страна. Различные преобразования затронули не только соответствующие органы власти, ответственные за данную систему, но и непосредственно ВУЗы. За предыдущий период не было ни одного министра, курирующего эту сферу, который бы не внес свой вклад в эти процессы. Далеко не все нововведения были однозначно восприняты педагогическим и научным сообществом. Были среди них позитивные, негативные и не совсем понятные, которые невозможно отнести ни к первой, ни ко второй группе [более подробно об основных реформах см.: 2; 3]. Однако, бесспорно выделяется одна тенденция – отрицательная траектория развития эффективности системы управления в отечественных ВУЗах в последние три десятилетия. Существующие проблемы озвучиваются не только рядовыми учеными, но и руководителями образовательных организаций (например, ректором Байкальского государственного университета экономики и права М.А. Винокуровым [1]).

Какие же основные проблемы высвечиваются? Злополучный вопрос о недостаточно высокой зарплате в вузовской системе анализироваться не будет, так как он всем известен и широко обсуждается. Остановлюсь на некоторых других.

Первая проблема – усиление роли вышестоящих органов (министерства образования, для филиалов – головных структур) при выборе/назначении руководителя ВУЗа. Результатом стали следующие последствия: 1) повысилась подвластность ректора (директора) ВУЗа от данных органов с синхронным снижением зависимости от своих подчиненных, 2) усилились такие черты руководителей ВУЗов как покорность и угодливость перед верхами, 3) выросла пассивность, инертность и демотивация педагогов и сотрудников.

Вторая – сокращение демократических начал внутри ВУЗов. Это выразилось в снижении роли коллектива в процессах управления образовательной структурой. Под всевозможными предлогами шла замена процедуры выборов деканов факультетов, заведующих кафедрами и некоторых других должностных лиц назначением. Там же, где это не удавалось осуществить, через различные механизмы ограничивалось число преподавателей и сотрудников, допускаемых к участию в этих выборах. Таким образом усиливалась не только власть руководителя ВУЗа, но и авторитарные методы управления. Ориентация на верхи с пренебрежением интересов низов распространилась, как следовало ожидать при такой системе управления, и среди среднего и низшего звеньев управления, например, деканов и заведующих кафедрами. Права и свободы рядовых преподавателей и сотрудников подверглись сокращению (не редко – негласно, т.е. без

соответствующей фиксации в нормативных документах). Авторитарное управление способствовало росту вышеназванных негативных черт в коллективе – покорности, угодливости, пассивности, инертности, демотивированности и нек. др., а также усиливало явления протекционизма, nepoтизма и кумовства. Надежда педагогического сообщества на увеличение свободы в научной, преподавательской и управленческой деятельности, забрезжившая в начале 1990-х гг., в связи с провозглашенным властями страны курсом на строительство демократической общественно-политической системы, постепенно стала угасать.

Третья – снижение требований к студентам. Это явление за постсоветский период, охватило практически все аспекты учебы, начиная от поступления в ВУЗ (конкурс) до итоговых испытаний (госэкзамен и защита выпускной квалификационной работы). В результате ВУЗ получает большое количество студентов с низким уровнем знаний и не особо желающих учиться. При этом образовательное учреждение не спешит их отчислять за неуспеваемость. Официально озвучиваемая руководителями учреждения причина такой политики – недостаток финансовых средств для эффективной деятельности ВУЗа. В стремлении увеличить/сохранить число студентов (особенно обучающихся на договорной основе) возникает парадоксальная ситуация: ответственность за учебу студента перекладывается на преподавателя. Не может студент сдать зачет или экзамен – виноват преподаватель, не сдал (не вовремя) курсовую работу – опять виноват преподаватель (научный руководитель), поздно сдал дипломную работу – аналогичные обвинения и т.д. В результате, с одной стороны, растет недисциплинированность, безынициативность, пассивность обучающегося, а с другой – ответственность за действия/бездействия одного субъекта (студента) перекладываются на другого (преподавателя). Второе следствие, с точки зрения нормальной (научной) логики – полнейший абсурд, а с юридической позиции – прямое нарушение прав человека (педагога). И это при том, что в каждом ВУЗе всегда работают юристы, а в большом количестве гуманитарных ВУЗов существуют юридические специальности, на которых обучают будущих юристов! Итогом реализации такой стратегии становится рост протестного настроения среди преподавателей, их демотивация, снижение их авторитета среди студентов и т.д.

Четвертая – авральная метод работы. Традиционно аврал предполагал мобилизацию трудовых ресурсов коллектива для срочного выполнения определенной работы. В настоящее время авральная деятельность трансформировалась из эпизодического явления в постоянное. Она, фактически, стала нормой. При этом авральная составляющая внутри вузовского управления все больше увеличивается. Если каких-то 8-10 лет назад авральная режим воспринимался как чуждый, временный (в период аккредитации, проверок и нек. др. форс-мажорных ситуаций), то теперь это стало настолько обычным, что все меньше преподавателей и сотрудников выражают свое негативное отношение к нему. Парадокс заключается в том, что

кандидаты и доктора наук, которые учат студентов логическому и рациональному мышлению (по крайней мере, как должны делать), в практической жизни все чаще предпочитают ориентироваться на нерациональное (авральное) управление. Но еще больше удивляет, когда такое происходит в гуманитарных ВУЗах, где преподают дисциплины, связанные с управлением («Менеджмент», «Административный менеджмент», «Теория управления», «Управленческие решения» и др.) и возможностями повышения ее эффективности («Эффективный менеджмент», «Управление персоналом», «Тайм менеджмент» и др.). В данном случае логически напрашивается вопрос: как объяснить это противоречие, ведь одним из любимых тезисов ученых является утверждение, что «критерием истины является практика»? В качестве обоснования можно предложить две гипотезы: 1) у преподавателей (или основной их части) отсутствует необходимый уровень научного, рационального мышления; 2) лица, занимающие наиболее ключевые руководящие должности (ректоры, их заместители, деканы, завкафедрами и нек. др. (или большинство из них)) не обладают достаточной степенью логического мышления, в результате чего ВУЗу навязывается неэффективная система управления. Ибо назвать авральный метод эффективным не представляется возможным.

Авральный метод дифференцируется на два вида – индивидуальный (распространяющийся на одного человека) и коллективный (охватывающий несколько лиц). В современных отечественных ВУЗах наибольшее распространение получил первый тип. Главной причиной прогрессирования аврального способа работы является наша традиционная привычка производить определенные действия (в том числе, принимать решения) в последнюю минуту, по принципу «пока гром не грянет ...» (т.е. непредусмотрительность). А развитие информационно-коммуникационных технологий только усугубило ситуацию, так как позволило еще позже передавать информацию (указания, сведения и др.) ее адресату. В результате запоздавшей информации у исполнителя ограничиваются (порой – очень) сроки для принятия и/или реализации решений. Итог – быстрая, (часто) сверхурочная, работа с пренебрежением к качеству и с главным акцентом на сроки. В жертву приносится не только качество, но и личная жизнь исполнителя (так как нередко выполняется в нерабочее время), его отдых и нек. др. аспекты эффективной деятельности работника и организации.

Пятая – распространение системы разносрочных контрактов между ВУЗом и преподавателями. Данная практика охватила многие (хотя, возможно, все) отечественные ВУЗы. Причем эта тенденция в постсоветский период появилась в образовательных учреждениях не синхронно, а шла по ускоряющейся траектории. Можно выделить два главных минуса этого явления.

1. Минимальные сроки договоров (1-3 года). При таких ограничениях времени педагог находится в состоянии неуверенности в своем будущем, что, естественно, непосредственно отражается на его деятельности. «Если я не знаю, оставят ли меня в ВУЗе на следующий год (2, 3 года), так зачем я должен

прилагать повышенные усилия для подготовки (например) качественной рабочей программы?» – так мыслит преподаватель. А если его позиция подкрепляется случаями непрохождения конкурса или заключения непродолжительного контракта (например, 1 год) с его коллегой, добросовестно выполнявшего свою работу, то такая точка зрения еще больше укрепляется в его сознании. При этом ссылки руководителей ВУЗов на зарубежный (главным образом – западный) опыт в этом вопросе, не выдерживают критики, т.к. в ответ педагоги в качестве контраргумента приводят показатели объема учебной нагрузки и уровни зарплат западных коллег, предлагая скопировать, в таком случае, и эти элементы зарубежной практики, чего начальство не спешит делать.

2. Не совсем прозрачная система персонализации сроков. Длительность контрактов обычно варьируются от 1 года до 5 лет. Нарекания у педагогов вызывает отсутствие четкого механизма его выполнения: одним лицам – 1 год, другим – 3 года, а третьим – 5 лет. Официально декларируемые критерии, якобы учитываемые при определении этих сроков очень часто игнорируются, а за основу берутся иные факторы (связи и др.), порой не имеющие никакого отношения к эффективности работы преподавателя. В результате в коллективе растет недовольство, демотивация, равнодушие, инертность, а сами преподаватели ориентируются не на повышение качества своей работы, а на другие необходимые для получения контракта (или максимально продолжительного) факторы.

В качестве резюме следует констатировать, что ситуация с эффективностью управления в отечественных ВУЗах не совсем благополучная. Кроме того, попытки отдельных преподавателей и сотрудников противостоять всем выше озвученным и иным негативным элементам управления нередко встречают противодействие со стороны других, главным образом вышестоящих, работников (в том числе с применением к ним дисциплинарных мер воздействия, вплоть до увольнения). В итоге отрицательные явления и тенденции не только не купируются (хотя бы), а процветают, втягивая в свою орбиту новые лица, подразделения и уровни, как метастазы в организме при развитии рака. Необходимы соответствующие действия, направленные на решение существующих проблем и повышение качества управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров М.А. Высшее образование и наука в России: проблемы и перспективы // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4. – С. 5-9.
2. Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Л. Арефьев; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 415 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9376 (дата обращения: 24.01.2022)
3. Университеты на перепутье: Высшее образование в России / Д. П. Платонова, Е. С. Абалмасова, С. К. Бекова и др. ; под ред. Д. П. Платоновой, Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 318 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.С. Горбачева, А.С. Кобелева

Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: Исследуется становление индивидуальности преподавателя вуза в педагогической деятельности. Затрагивается проблема влияния современных условий: трансформаций образовательной действительности и педагогической реальности на характер, содержание и динамику изменений профессиональной педагогической деятельности, становление ее смысловой парадигмы. Определена роль рефлексии в личностных изменениях, выявлена связь индивидуальности и рефлексии в становлении преподавателя вуза в педагогической деятельности.

Ключевые слова: становление индивидуальности, индивидуализация, современные условия, педагогическая деятельность, понятие рефлексия.

FORMATION OF INDIVIDUALITY OF THE TEACHER OF THE UNIVERSITY IN PEDAGOGICAL ACTIVITY

S.S. Gorbacheva, A.S. Kobeleva

Voronezh, Voronezh State Pedagogical University

Annotation: The formation of the individuality of a university teacher in pedagogical activities is being investigated. The problem of the influence of modern conditions is touched upon: transformations of educational reality and pedagogical reality on the nature, content and dynamics of changes in professional pedagogical activity, the formation of its semantic paradigm. The role of reflection in personal changes was determined, the connection of individuality and reflection in the life of a teacher, treatment, and the development of a critical attitude to the way of his life was revealed.

Keywords: the formation of individuality, individualization, modern conditions, pedagogical activity, the concept of reflection.

Глобализационные и информационные процессы, происходящие в мире, неизбежно затрагивают систему образования и определяют перспективы модернизации и реформирования современного образовательного пространства. В этих условиях вузам необходимо оперативно реагировать на запросы рынка труда, удовлетворять потребности в эффективном практико-ориентированном обучении студентов, предлагать гибкие, инновационные и перспективные педагогические технологии.

Реализация вышеуказанных задач зависит от готовности преподавателей включаться в эти процессы, быть активным творцом новой образовательной среды, а это обуславливает необходимость формирования и развития индивидуальности преподавателя вуза в педагогической деятельности.

Прежде всего, при рассмотрении понятия «становление индивидуальности педагога» необходимо обратиться к анализу наиболее общих, родовых понятий, являющихся основой данного: «становление» – «индивидуальность».

Термин «становление» можно назвать одним из самых часто употребляемых, как в философии, так и в педагогике, но при этом его значение расплывчато и неопределенно.

В современном общепринятом научном понимании «становление» выражает непрерывный переход, превращение вещей и явлений одного в другое. Становление, согласно философии Гегеля, который развил диалектическое содержание данной категории, является отправным пунктом начала развития, порождения вещей и явлений.

Наиболее распространено употребление термина «становление» в следующем контексте:

1) Как синоним категории «развитие». В.С. Безрукова и Л.Д. Столяренко определяют развитие как объективный процесс внутреннего постоянного и последовательного количественного и качественного изменения [4].

2) Как выражение процесса создания предпосылок, элементов предмета, возникающего на их основе.

3) Как характеристика начального этапа уже возникшего предмета, переход от старого к новому, рост нового, превращение его в целостную развитую систему [1].

В нашем исследовании наиболее целесообразно трактовать понятие «становление» как объективный процесс внутреннего постоянного и последовательного количественного и качественного изменения.

Проблема индивидуальности рассматривалась многими известными психологами и педагогами. Так, А. А. Асмолов [2] исследует индивидуальность в связи с филогенезом и историей развития человечества, Э. А. Голубева [3] в своих работах описывает структуру личности и индивидуальности с точки зрения биологической природы человека, О. С. Гребенюк, Т. Б. Гребенюк изучают формирование индивидуальности в процессе обучения в школе [5], Л. А. Коростылева особое внимание уделяет самореализации личности в профессиональной сфере [6], в работах В. С. Мерлина рассматриваются психологические аспекты индивидуальности [9].

Вследствие этого, анализ проблем становления индивидуальности осуществляется:

– через раскрытие внутренней сущности человека: интегрального проявления свойств индивида, личности и субъекта деятельности (Б.Г. Ананьев, О.С. Гребенюк, Е.А. Климов и др.);

– определение социального и культурного контекста развития индивидуальности как важнейшего фактора ее становления (Е.В. Бондаревская; Л.А. Волошина и др.).

Рассматривая становление индивидуальности преподавателя вуза в педагогической деятельности необходимо отметить, что ценности детерминируют профессиональную педагогическую деятельность, обеспечивая ее содержание и направленность, придавая смысл профессиональным действиям. На характер, содержание и динамику изменений профессиональной педагогической деятельности, становление ее смысловой парадигмы

определяющее влияние оказывает специфика современных трансформаций образовательной действительности и педагогической реальности:

- ценности образования и, соответственно, ценности образовательной деятельности вуза и педагогической деятельности преподавателя находятся на пересечении двух векторов развития: глобального образовательного пространства и историко-культурного пласта образовательных и педагогических традиций;

- изменяется культурный, социальный и педагогический смысл образования, обновляется содержание его функций и понятийного поля;

- основным смыслом образовательной деятельности становится поддержка разнообразия детства, сохранение его уникальности и самооценности, уважение личности обучающегося;

- расширяются границы образовательного пространства (ИКТ-технологии, виртуализация образования);

- парадигма целей сменяется парадигмой ролей, обеспечивающих развивающейся личности включение в социокультурное пространство и формирование ее социальной мобильности ресурсами образования как социального лифта;

- качество образования рассматривается как важнейший компонент качества жизни человека и условие успешности личности в современном и будущем мире;

- ориентация на принципиально иной тип педагогической культуры, а именно содействие в развитии сущностных сил личности учащегося.

Таким образом, обозначенные выше тенденции системных изменений в образовании обуславливают принципиально иной, новый контекст эффективной профессиональной деятельности как ключевой фигуры в становлении индивидуальности преподавателя вуза.

Становление индивидуальности преподавателя вуза в новых реалиях, в инновационных процессах, определяющих вектор развития современного образования немыслимо без актуализации рефлексивных процессов.

Подчеркнем ещё раз: внимание к понятию «рефлексия» обусловлено ритмом современной жизни, предполагающим растущую автономию личности, а также его потребности в понимании своей личности, и на основе этого выстраивание своих отношений с окружающим миром.

Определяя роль рефлексии в личностных изменениях, большинство исследователей раскрывают ее как функцию саморегуляции, самосознания, самопознания и самоопределения в профессиональной деятельности. А организация условий для саморазвития личности, для развития мышления, для повышения продуктивности учебной деятельности является прямой задачей педагогической деятельности.

Первоначально рефлексия позиционировалась как принцип, объясняющий функционирование внутренних психических процессов, теперь же она выступает отдельным предметом исследования. В процессе рефлексии

происходит дифференциация психического на «познающее» и «познаваемое», что позволяет определять его как предмет познания [7].

Применение понятия «рефлексия» имеет долгую историю его использования в рамках философии (Дж. Локк, И. Кант, Г. Гегель, Э. Гуссерль и др.). Дж. Локк считал, что рефлексия – это наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности.

Рефлексия, с точки зрения Канта, связана с исследованием оснований познавательной способности человека. Кант выделил два типа рефлексии: логическую (сравнение представлений об окружающем мире) и трансцендентальную (сравнимые представления касаются познавательных способностей, рассудка или чувственности).

Большой вклад в разработку психологического понимания рефлексии внесли А.В. Карпов, Д.А. Леонтьев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.

В контексте исследовательских работ И.Н. Семенова функция рефлексии имеет отношение к формированию смыслов бытия и целеполаганию как регуляторов поведения и деятельности, что во многом связано со способностью к саморазвитию с высшими рефлексивными способностями, отражающими ценностно-смысловой аспект Я.

Становление индивидуальности преподавателя вуза опирается, с нашей точки зрения, на те аспекты рефлексии, анализ которых представлен в работах таких авторов как Зак А.З., Емельянов Е.Н., Слободчиков В.И., Шаров А.С., Степанов С.Ю. и др.

В частности, рефлексия может предстать как конструкт новых образов себя через саморегулирование своих действий. Данный аспект рефлексии позволяет приобретать внутренний опыт и сформировать обращенность на себя. Что, в свою очередь, служит адаптационным механизмом к внешнему миру вообще и педагогической деятельности, в частности [8].

Рефлексия в контексте саморегуляции самосознания предполагает рассмотрение ее как психологического механизма, благодаря которому изменяется индивидуальное сознание. Воздействуя на самого себя посредством рефлексии, педагог становится способен к внутренним изменениям координации своей деятельности, контролю эмоций и мыслей, а также учитывает в данной системе и других, взаимодействующих с ним.

В данном контексте, формируя внутренний мир человека, рефлексия создает базу для наиболее эффективного взаимодействия с внешним миром, что предполагает переход на качественно новый, более высокий уровень развития человека.

Все вышеизложенное указывает на то, что становление индивидуальности предполагает тотальную рефлексивность всей жизни педагога, обращение, выработку критического отношения к способу своей жизни и деятельности. Поэтому индивидуальность прямо связана с рефлексией, так как это внутренний диалог с самим собой, который приводит к чему-то новому, уникальному.

Индивидуальность человека придает самоданность его Я как непосредственно ощущаемая, переживаемая, сознаваемая, рефлексивируемая человеком действительность его бытия. Именно это Я чувствует и полагает себя как индивидуальность – в качестве уникальной, неделимой целостности преподавателя вуза в педагогической деятельности.

Таким образом, изучение становления индивидуальности преподавателя вуза в современных условиях приобретает новый контекст, где взаимосвязаны и взаимоопределяемы аксиологические, когнитологические, рефлексивные аспекты педагогической деятельности. Рефлексия выходит на ведущее место, так как именно она является непременным компонентом формирования профессиональной индивидуальности как неповторимого, самобытного стиля деятельности и неоспоримой компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 32-43.
2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М.: Воронеж: ИПП, 1996. – 200 с.
3. Ахметжанова Г.В. Функционально – личностная технология развития педагогической функции в системе непрерывного образования / Г.В. Ахметжанова // Педагогическая деятельность как социокультурный феномен: коллективная монография. – Тольятти: ТГУ, 2011. – 262 с. – С. 8-30.
4. Безрукова В.С. Интеграционные процессы в педагогической теории и практике / В.С. Безрукова. – Свердловск, 1990. – 50 с.
5. Гребенюк О. С. Основы педагогики индивидуальности / О. С. Гребенюк, Т. Б. Гребенюк. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 572 с.
6. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности / Л. А. Коростылева. – СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
7. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 450 с.
8. Кулюткин Ю.Н. Рефлексивная регуляция мыслительных действий/ Ю.Н. Кулюткин; под ред. О.К. Тихомирова // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 232 с. – С. 22-28.
9. Мерлин В.С. Психология индивидуальности: избранные психолог. труды / В. С. Мерлин; под ред. Е. А. Климова. – М.: Изд-во Психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2005. – 544 с.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

Ф.С. Приходько

Республика Беларусь, Горки, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Аннотация: Раскрывается взаиморазвивающий характер тесной интеграции вузовской науки и высшего образования. Дается характеристика академической недобросовестности, тормозящей этот процесс. Выявляются причины нарушений норм научного этики, выделяются и анализируются их разновидности, пути преодоления негативных явлений в научной деятельности.

Ключевые слова: научный этос, академическая недобросовестность, плагиат, фальсификация, верификация.

ACADEMIC DISHONESTY AS A PROBLEM OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE UNIVERSITY

F.S. Prikhodko

Republic of Belarus, Gorki, Belarusian State Agricultural Academy

Annotation: The article reveals the mutually developing nature of close integration of university science and higher education. Characteristics of academic dishonesty that hinders this process are given. The causes of violations of scientific ethos norms are revealed, their varieties are highlighted and analyzed, the ways of overcoming negative phenomena in scientific activity.

Keywords: scientific ethos, academic dishonesty, plagiarism, falsification, verification.

Становление и развитие информационного общества, инновационной экономики вызывают необходимость углубления интеграции науки и образования, поиска новых форм их взаимодействия. Образование и наука образуют собой органическое единство, при котором изменения внутри одного института обуславливают трансформации в другом. Так, наука создаёт содержательную базу для образования, задаёт ему вектор развития. В свою очередь, в процессе обучения индивид развивает свои способности, формирует навыки и умения, требуемые для занятия научной деятельностью. Поэтому результаты образовательного процесса становятся фундаментальной базой воспроизводства и развития науки как социального института, сообщества ученых. При этом на основе развивающегося научного знания функционирует не только высшее образование, но уже и школьное начинает ориентироваться на науку.

Новые условия социальной динамики требуют глубоких изменений целей и задач в области образования. Если основной задачей классического образования XX века была передача молодежи определенного набора знаний и навыков, то ныне, когда стоят задачи формирования инновационной экономики, её информационной составляющей, требуются иные компетенции, заключающиеся в формировании и развитии у будущих специалистов способностей к креативному мышлению, нахождению эффективных способов решения нестандартных проблем, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Для укрепления единства науки и образования, усиления их позитивного взаимовлияния необходимо, чтобы образовательные учреждения, прежде всего университеты, выступали как одна из форм функционирования науки. В развитых странах активная научная деятельность сотрудников университетов и обучающихся является их важнейшей обязанностью.

Важным условием развития инновационного потенциала науки, её положительного влияния на систему образования является соблюдение учёными норм научного этоса, представляющих собой моральные принципы, которые должны лежать в основе исследовательской деятельности и благодаря соблюдению которых создаются условия для наиболее плодотворного функционирования науки. Ещё со времён Ф. Бэкона наука оценивалась как

несомненное добро, а занятие ею рассматривалось как уважаемая и ценная деятельность. Она, полагал философ, способствует совершенствованию нравственности, искореняя предрассудки и невежество, расширяет пространство свободомыслия, отыскивает пути к истине, которая является сама по себе величайшей ценностью. В последующее время роль науки всё более возрастала. Она превратилась в непосредственную производительную и социальную силу. Однако развитие науки никогда не было беспроблемным. В разные времена наука сталкивалась со многими препятствиями, в той или иной мере тормозившими её прогресс.

Сегодня одним из таких препятствий, тормозящих прогресс научного знания и оказывающих негативное влияние на образовательный процесс, является академическая недобросовестность части научного сообщества. Американский исследователь Р. Мертон в 40-х годах XX века разработал и предложил научному сообществу систему норм научного этикета, включающую в себя следующие императивы: *коллективизм*, означающий признание научной деятельности как коллективной активности на благо общества, в которой вклад каждого учёного возможен лишь при опоре на результаты исследовательской деятельности всего научного сообщества. Прирост научного знания осуществляется благодаря кооперации и сотрудничеству как между отдельными учёными, так и благодаря таким взаимодействиям между поколениями исследователей. *Императив универсализма* требует открытости любых знаний для проверки, верифицируемости и воспроизводимости. *Беспристрастность* предполагает свободу научной деятельности учёного, главной целью которой должен быть поиск истины, а главной наградой – признание научным сообществом его достижений, а не собственная выгода. И, наконец, *организованный скептицизм* – норма, ориентирующая учёного на добросовестность и беспристрастность при оценке трудов коллег, на объективное критическое отношение как к своим собственным, так и к чужим результатам.

Недобросовестность в научной деятельности во многом обусловлена негативными метаморфозами духовной жизни – дегуманизацией, размыванием духовно-нравственных норм, коррупцией, распространением рыночных товарно-денежных отношений на все сферы общественной жизни, коммерциализацией научно-исследовательской деятельности, дефицитом материально-финансовых ресурсов при проведении актуальных исследований, перегруженностью профессорско-преподавательского состава учебной и часто псевдометодической работой, не оставляющей времени на серьёзную научную работу.

К пренебрежению нормами научного этикета подталкивают отсутствие во многих высших учебных заведениях действенных и чётких санкций за недобросовестное поведение в научной сфере, размытость нормативно-правовой базы, регламентирующей публикационную и инновационную активность. Из большого количества нарушителей научной этики ощутимому наказанию подвергаются лишь единицы, что резко контрастирует с непримиримым отношением к подобного рода нарушениям во многих странах Европы и Америки.

Ситуацией, когда карьерный рост, финансирование исследований, получение научными работниками квартир, премий и т.д. во многом зависят от наукометрических данных (защита диссертаций, количество публикаций, ссылок на них и др.), часто пользуются недобросовестные исследователи, больше заботящиеся не о качестве научных публикаций, а об их количестве. Такая ситуация провоцирует молодых исследователей направлять свои основные усилия на количественное увеличение формальных показателей. Следовательно, эта проблема имеет не только этический, но и материально-финансовый характер.

Наибольшему моральному осуждению со стороны честных учёных подвергается такое нарушение этики науки, как плагиат (от лат. *plagio* – «похищаю»), когда чужое исследование или его часть выдаются за свои изыскания. История плагиата тянется из глубины веков. С появлением и развитием Интернета, который сделал огромный массив информации доступным практически для всех, резко увеличились масштабы плагиата. Сегодня плагиатом могут заниматься учёные, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты, студенты. Ныне трудно найти сферу общественной деятельности, которая была бы свободна от него. Он превратился в серьёзную проблему [1].

Одной из актуальных проблем является сомнительная достоверность (неподтверждаемая) многих научных исследований, нарастающее количество невоспроизводимых результатов. Речь идёт прежде всего о естественных и технических науках, тех из них, которые вырабатывают новые знания на основе опытных данных. Достоверность устанавливается путём верификации (от лат. *verus* – истинный и *facere* – делать) – процесса определения истинности научных утверждений путём их эмпирической проверки. Это означает, что можно быть уверенным в истинности научных утверждений, их возможном практическом воплощении только тогда, когда различными исследователями в разное время и в разных местах, изучающими одни и те же объекты с применением одинаковых методов и средств, получены идентичные результаты. Они войдут в состав науки, то есть приобретут статус научного знания лишь тогда, когда их таковым квалифицирует научное сообщество. Это в идеале. Сегодня доминирует такой вариант проверки истинности представленных результатов научных исследований, как их оценка научным сообществом на научных конференциях, в публикациях, при защитах диссертаций. Рецензирование, анализ результатов, ответы на поставленные вопросы, дискуссии как способ обмена мнениями, идеями, преодоления сомнений, в определённой мере помогают установить уровень методической и методологической грамотности при выполнении работы, достоверность результатов и обоснованность выводов.

Однако самым надёжным методом верификации является повторение, воспроизведение полученных результатов другими, независимыми исследователями по представленным методикам проведения эксперимента. В действительности же, большая часть представляемых научному сообществу результатов никем не воспроизводится и, стало быть, не верифицируется [2, с. 35]. И сделать это практически невозможно, кроме отдельных случаев, ввиду

огромного массива научных публикаций, производимого научным сообществом, переварить которое оно не в состоянии.

В 2015 году авторитетное издание Science организовало проверку достоверности большого количества статей. Группа исследователей предприняла попытку воспроизвести эксперименты, на основе которых авторами публикаций были сделаны определённые выводы. В результате обнаружилось, что две трети проверок не подтвердили представленных в статьях результатов. Эта плачевная ситуация обусловлена многими причинами: маленькими выборками, некорректным анализом, спешкой, коммерциализацией, слабой квалификацией исследователей, недостатком финансирования, ошибками в методологии, погоней за приоритетом и желанием первому произвести яркое впечатление. Однако многие такие никем не подтверждённые исследования активно пропагандируются, распространяются, вводя в заблуждение как обычных людей, так и сообщество ученых. Особенно много таких неподтверждаемых результатов в биомедицинских, психологических, сельскохозяйственных науках. Проблема действительно очень актуальна, ведь воспроизводимость результатов – один из важнейших критериев научного знания, наряду с такими, как объективность, логичность, обоснованность, системность. Это те принципы, которые лежат в основе общественного доверия к науке.

Особенно опасным для общества видом академического мошенничества является сознательная фальсификация данных экспериментов. Их насчитывается сегодня несколько разновидностей: сбор данных исследователем вовсе не осуществляется, они заменяются вымышленными; ради подтверждения своей гипотезы учёный частично скрывает или искажает данные, если они идут вразрез с гипотезой; недостающее количество данных учёный компенсирует выдуманными, правдоподобными; утаивание результатов исследования, если они не соответствуют ожиданиям исследователя. В научном сообществе широко известен случай из недавнего прошлого с молодым немецким биохимиком Галлисом. Он опубликовал более десятка статей в солидных научных журналах и даже защитил докторскую диссертацию, используя вымышленные экспериментальные данные. И лишь благодаря усилиям высококвалифицированных учёных-химиков удалось доказать, что Галлис грубо сфальсифицировал результаты своих научных изысканий. Неудачливый исследователь публично покался в грубом нарушении норм научного этикета и извинился за свои действия. Галлис признался, что был настолько убеждён в истинности своей гипотезы, что решил данные, её «подтверждающие», взять с потолка. Как плагиат, так и фальсификация подпадают под библейские заповеди «не кради», «не лги».

Бороться с этим нелегко. В значительной мере ситуация обусловлена специфическими особенностями современной науки, её нацеленностью на публикационную активность и защиту диссертаций. Научная деятельность в последние десятилетия превратилась в массовую профессию, резко возросло количество научных работников, исследовательских центров и учебных заведений. Обратной стороной этого процесса стало снижение среднего

уровня экспериментальной подготовки молодых исследователей, для которых воспроизводимость результатов есть нечто второстепенное и в целом необязательное занятие. Перспективным путём решения обозначенной проблемы представляется воспитание и образование поколения молодых учёных, формирование у них стойкого убеждения, что первейший долг настоящего учёного – добывание новых достоверных знаний и верифицируемых результатов. В этом состоит одно из важнейших требований научной этики. Невоспроизводимые результаты дискредитируют науку в глазах общества как систему объективных и полезных знаний, усиливают кризисные явления в ней.

В современном мире – в одних странах больше, в других меньше – развит рынок услуг по подготовке и продаже курсовых-дипломов-диссертаций по заказу. Государственной власти и научному сообществу необходимо бороться с подобным бизнесом путём запрета его рекламы и жёсткого наказания покупателей и продавцов такой продукции. Такой запрет существует во многих странах Запада.

В мире растёт количество статей, подготовленных в соавторстве. Однако соавторство бывает разным. Коллективная подготовка научной работы даёт возможность учёным установить деловые контакты, обменяться идеями, методологическими подходами к решению теоретических и прикладных проблем. Кроме того, используется больший массив информации, обеспечивается более глубокая проработка материала, ставшего основой публикации, и, как результат, получение на выходе более актуальной и содержательной работы, экономия соавторами времени и усилий, рационально распределённых между участниками творческого коллектива. Особенно важно для развития современной науки соавторство, когда требуется подготовить статью на стыке наук, где каждый из участников ответствен за свою часть. Современная наука характеризуется комплексными исследовательскими программами, для выполнения которых требуются коллективные усилия специалистов многих областей знания, а также междисциплинарными исследованиями.

Вместе с тем распространено такое нарушение морально-этических норм, как ложное соавторство в виде его покупки или продажи. Многие авторы, набив руку на подготовке статей, поставили этот процесс на коммерческую основу. Начинающих учёных искушают продажей им соавторства в своих работах. Такие услуги пользуются стабильным спросом, что объясняется рядом причин. Каждый претендент на более высокий статус, стремится ли он успешно защитить диссертацию, повысить свой рейтинг как учёный или реализовать свои карьерные амбиции, нуждается в определённом количестве (чем больше, тем лучше) статей в журналах ВАК или Scopus. Однако не все исследователи, особенно молодые, находят в себе силы, время, а, возможно, и способности одновременно заниматься педагогической работой и научно-исследовательской деятельностью, подготовкой на должном уровне научных публикаций, требующих полной самоотдачи и значительных временных затрат. Покупка соавторства грубо нарушает признанные международным научным

сообществом этические требования к научной и публикационной деятельности. Нередко реальный автор приписывает в качестве соавтора лицо, имеющее более высокий статус, но обладающее полномочиями повысить в должности, ускорить выход публикации, минимизировать замечания рецензентов, обеспечить беспроблемную защиту диссертации.

Отдельным видом мошенничества являются недобросовестные манипуляции со ссылками. По идее их роль в развитии науки существенна, если в них указываются работы, непосредственно касающиеся темы исследования. В действительности же часто авторы ссылаются по предварительной договорённости на работы друг друга. При этом указанные в ссылках работы по своему содержанию нередко далеки от исследуемой проблемы. Существуют различные способы искусственного повышения цитируемости, которые сводятся к тому, что исследователи направляют свои усилия не на повышение качества собственных публикаций, а на увеличение количества ссылок на них.

Вред науке приносят так называемые «мусорные» журналы, размещая на своих страницах за деньги «исследования», невзирая на отсутствие их актуальности, не рецензируя, не проверяя на плагиат.

Таким образом, плагиат, фальсификация данных экспериментов в её различных вариантах, купля-продажа результатов научных исследований, ложное соавторство, мнимые конференции, функционирование «мусорных» журналов, манипуляции со ссылками и др. являются грубыми нарушениями норм научной этики, тормозящими развитие научного знания, факторами, усиливающими духовно-нравственный кризис современного общества. Для борьбы с подобными явлениями необходима политическая воля, использование международного и передового отечественного опыта.

Следует резко активизировать популяризацию норм научной этики среди всех обучающихся, занимающихся исследовательской деятельностью, и начинать её надо со школьной скамьи. Закрывать сайты, организующие подготовку по заказу курсовых-дипломов-диссертаций. Важной мерой стало бы правило размещать полный текст научной работы на сайте организации, где планируется её защита, в Интернете, обеспечив доступность исследования для всех заинтересованных лиц после защиты её на протяжении хотя бы одного года. Чтобы минимизировать нарушения этических норм, целесообразно было бы в каждом научном и образовательном учреждении разработать и принять этический кодекс, такой внутренний нормативный акт, который бы регламентировал вопросы научного этики и предусматривал ответственность за его нарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Е. Г. Современное лицо плагиата [Электронный ресурс] / Е.Г.Афанасьева, М.Г.Долгих – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-litso-plagiata-statya/viewer> (дата обращения: 21.01.2022).
2. Эрлих Г. В. Воспроизводимая невоспроизводимость //Химия и жизнь.– 2015. – №8. – С. 33-36.

РАЗДЕЛ III. ОБРАЗОВАНИЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Морозов

Республика Беларусь, Минск, Академия управления при Президенте
Республики Беларусь

Л.Р. Данакари

Волгоград, Волгоградский государственный университет

С.И. Ивентьев

Казань, ООО «ДЭЛИЛ»

Аннотация: В статье показано, что в **современных социально-экономических условиях коммуникативная компетентность** является составной частью позитивного имиджа специалиста, под которым понимается сформировавшийся образ с присущими ему ценностными характеристиками, оказывающими определенное воздействие на окружающих. Развитие коммуникативной компетентности в структуре личностных детерминант специалиста принципиально важно не только в процессе коммуникации, но и при осуществлении двух других важных сторон делового общения – перцептивной (оценка партнера по общению) и интерактивной (направленность на совершение совместных действий). Авторы приходят к выводу, что дальнейшее совершенствование коммуникативной компетентности будущих специалистов в образовательном процессе высших учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации должно быть неразрывно связано с духовно-нравственной инновационной деятельностью личности и основано на инновационной составляющей коммуникационного менеджмента.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, деловое общение, Республика Беларусь, Российская Федерация, высшее образование, духовно-нравственная инновационная деятельность, коммуникационный менеджмент.

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A MODERN SPECIALIST IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

A.V. Morozov

Republic of Belarus, Minsk, Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus

L.R. Danakari

Volgograd, Volgograd State University

S.I. Iventev

Kazan, DELIL LLC

Annotation: The article shows that in modern socio-economic conditions communicative competence is an integral part of a positive image of a specialist, which is understood as a formed image with inherent value characteristics that have a certain impact on others. The development of communicative competence in the structure of a specialist's personal determinants is fundamentally important not only in the process of communication, but also in the implementation of two other important aspects of business communication – perceptual (evaluation of a communication partner) and interactive (aimed at performing joint actions). The authors come to the conclusion that further improvement of the communicative competence of future specialists in the training process of higher educational institutions of the Republic of Belarus and the Russian Federation should be inextricably linked with the spiritual and moral innovative activity of the personality and based on the innovative component of communication management.

Keywords: communicative competence, business conversation, Republic of Belarus, Russian Federation, higher education, spiritual and moral innovation activity, communication management.

Под коммуникативной компетентностью понимается совокупность знаний и навыков, которые позволяют человеку выбирать адекватные модели речевого поведения в зависимости от ситуации общения. В активный научный оборот данный концепт ввел американский социолингвист Д. Хаймс, согласно которому сущность коммуникативной компетентности заключается не только в знании отдельных лексических единиц и способности правильно формулировать предложения, но и в умении использовать их в подходящий момент для достижения конкретной цели общения [12].

Как нами было показано ранее [10], в современных социально-экономических условиях коммуникативная компетентность является составной частью позитивного имиджа специалиста, под которым подразумевается сформировавшийся образ с присущими ему ценностными характеристиками, оказывающими определенное воздействие на окружающих. Исходным мотивом, составляющим основу мотивационного механизма совершенствования коммуникативной компетентности специалиста, является осознание того, что в современных социально-экономических условиях развитая коммуникативная культура способствует повышению эффективности жизнедеятельности и становится составной частью позитивного имиджа.

В настоящее время в научной и учебно-методической литературе коммуникативная компетентность описывается в виде совокупности следующих компонентов:

- языкового (формирование базовых лексических и грамматических навыков);
- речевого (смысловое, логическое построение высказываний, умение аргументировать свою позицию, вести дискуссию, задавать и отвечать на вопросы, слушать, устанавливать контакт);
- учебно-познавательного (навыки эффективной работы с разнообразной информацией);

– социокультурного (культура коммуникации в условиях сотрудничества, умение выслушать и осознать позицию партнёра по общению, сформулировать его интересы);

– этикетного (знание и использование правил и норм этикета в процессе общения) [3;8;11].

Коммуникативная компетентность – важнейшая составляющая профессиональной культуры: чтобы быть эффективными, современным специалистам важно владеть технологиями ведения основных видов монологического и диалогического делового общения.

Основные признаки коммуникативной компетентности специалиста:

1) оперативная и адекватная ориентировка в ситуации взаимодействия при деловом общении; 2) культура вербальной, невербальной и паравербальной составляющих коммуникации; 3) мастерство подготовки и произнесения публичной речи с использованием приемов диалогизации; 4) целенаправленное стремление понять друг друга в контексте конкретной ситуации делового общения; 5) учет социального статуса коммуникантов и возможных межкультурных различий; 6) установка при взаимодействии не только на деловой результат, но и на партнёра, его интересы; 7) психологическая уверенность в себе (не переходящая в самоуверенность); 8) умение организовывать и поддерживать продуктивное взаимодействие с общественностью, в том числе с помощью средств массовой информации и коммуникации; 9) владение приемами эффективной обратной связи; 10) умение управлять отрицательными и положительными эмоциями на всех этапах делового общения.

В настоящее время в странах Европы и Северной Америки подготовка высококвалифицированных специалистов включает в себя обучение специфике и культуре деловой речи, в том числе на психологическом уровне.

В Республике Беларусь и Российской Федерации повышенное внимание к формированию коммуникативной компетентности уделяется не только при обучении по филологическим и лингвистическим специальностям.

При подготовке учебных планов и программ высшие учебные заведения наших стран исходят из того, что **коммуникативная компетентность современных специалистов самого разного профиля** заключается в **умении эффективно устанавливать и поддерживать деловые отношения, хорошей осведомлённости в области коммуникационного менеджмента и способности результативно воплощать знания и навыки в процессе делового общения.** Чтобы добиться успеха в профессиональной деятельности важно уметь вести переговоры с партнерами, взаимодействовать внутри команды, умело руководить подчиненными, работать без конфликтов. Развитие коммуникативной компетентности в структуре личностных детерминант специалиста принципиально важно не только в процессе коммуникации, но и при осуществлении двух других важных сторон делового общения –

перцептивной (оценка партнера по общению) и интерактивной (направленность на совершение совместных действий).

Ярким примером повышенного внимания к формированию и совершенствованию профессиональной компетентности специалиста является опыт преподавания в Институте государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Так, первостепенное значение совершенствованию коммуникативной компетентности уделяется в процессе преподавания дисциплин «Деловой этикет, протокол и технологии выступлений» (специальности «Государственное и местное управление», «Государственное управление и идеология» и «Кадровая политика в государственных органах и организациях»), «Деловой этикет, протокол и технологии публичных выступлений» (специальность «Управление персоналом»), «Деловой этикет и протокол, работа со СМИ» (специальность «Государственное строительство»).

Целью изучения данных учебных дисциплин является освоение знаний, выработка умений в области современной деловой риторики, норм этикетного поведения и психологии общения государственного служащего, обеспечивающих руководителя возможностью эффективно управлять политическими, идеологическими, экономическими, социальными процессами и отношениями.

Основные задачи вышеперечисленных учебных дисциплин:

- обучить нормам делового этикета, правилам организации и проведения протокольных мероприятий;
- сформировать мастерство публичного выступления и полемики в различных деловых контекстах;
- освоить способы оптимизации служебных отношений, в том числе посредством совершенствования коммуникативной компетентности специалиста.

В результате изучения учебной дисциплины обучающиеся должны:

- знать:
 - принципы и нормы современного делового этикета и протокола;
 - технологии публичных выступлений;
 - логическую и психологическую основы убеждающей коммуникации;
 - специфику межкультурного делового взаимодействия;
 - методы диагностики, профилактики и урегулирования конфликтов;
 - технологии репутационного менеджмента;
- уметь:
 - применять на практике технологии публичных выступлений;
 - использовать современные технологии взаимодействия со СМИ;
 - применять различные формы и методы оптимизации служебных отношений;
 - использовать логические, риторические и диалектические приемы и методы аргументации;

вести конструктивные беседы, совещания, переговоры;
применять правила протокола и этикета в международном деловом общении;

– владеть:

профессиональной культурой государственного служащего;

навыками публичных выступлений;

методиками подготовки и произнесения выступлений на телевизионную камеру;

эффективными приемами полемического мастерства;

технологиями эффективного взаимодействия с общественностью.

Для слушателей специальностей переподготовки «Государственное управление национальной экономикой» и «Государственное управление социальной сферой» преподаются дисциплины «Технологии публичных выступлений» и «Технологии публичных выступлений в социальной сфере».

Целью изучения данных учебных дисциплин является освоение слушателями практических основ публичного выступления.

Основные задачи вышеперечисленных учебных дисциплин:

–развить практические навыки слушателей по использованию техники публичного выступления для повышения эффективности профессиональной коммуникации;

–обеспечить слушателей прикладными знаниями о правилах и приемах аргументации в публичной речи;

–совершенствовать навыки воздействия на аудиторию при публичном выступлении;

–развить умения слушателей по подготовке публичных выступлений при диалогических формах делового общения.

В результате изучения учебных дисциплин обучающиеся должны:

– знать:

технологии организации эффективного речевого взаимодействия;

типологию и особенности подготовки и произнесения устных публичных выступлений;

способы организации полемики, повышения доказательности и убедительности речевого воздействия;

– уметь:

композиционно правильно и логически последовательно выстраивать публичную речь;

аргументировано вести полемику,

устранять коммуникативные барьеры в различных коммуникативных ситуациях;

– владеть:

приёмами эффективного речевого взаимодействия и воздействия в устной монологической форме;

техникой красноречия, методами аргументации и опровержения;

опытом публичного выступления информационного, убеждающего и побуждающего типа.

Кроме того, в учебный план специальности переподготовки «Государственное строительство» введена дисциплина «Технологии эффективных переговоров». Цель данной учебной дисциплины – освоение слушателями теоретических основ и практики ведения переговоров, обеспечивающих эффективное решение задач в профессиональной деятельности государственного служащего.

Передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием учебной программ по всем дисциплинам, направленным на формирование коммуникативной компетентности, осуществляется с использованием следующих методов: технологий проблемного изложения учебного материала на лекционных занятиях, анализа конкретных ситуаций и видео-кейсов, ситуационного моделирования, интерактивного взаимодействия для отработки практических умений, выполнения творческих проектов по проблемным вопросам.

Главной задачей высшей школы Российской Федерации является качественная подготовка специалиста, отвечающая изменениям, происходящим именно на рынке труда [9, с. 14-22]. При этом показателями качественной подготовки специалиста выступают два основных интегральных критерия: 1) количество времени, необходимое выпускнику вуза для адаптации на рабочем месте в соответствии со своей специальностью; 2) количество «родственных» (смежных) специальностей, по которым выпускник может работать без значительных затрат времени и сил на их освоение [7, с. 27-29].

В целом, российские образовательные программы бакалавриата, магистратуры, специалитета базируются на так называемом компетентностном подходе, направленном на формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускников с учётом общеевропейской и мировой тенденций к интеграции науки и экономики [9, с. 14-22].

Вышеперечисленные базовые элементы образовательных программ по формированию профессиональной компетентности специалиста Республики Беларусь, так или иначе, схожи с основными принципами образовательных программ Российской Федерации, т.к. они основаны на главных постулатах советской высшей школы (всестороннее развитие личности, вооружение молодёжи научными знаниями о природе и обществе, выработка у неё определённого мировоззрения, воспитание молодёжи в духе существующей в обществе нравственности, сочетание образования с принципом трудового воспитания и др.) [2, с. 30-34].

Формировать у обучающихся коммуникативную и профессиональную компетенции невозможно в отрыве от духовно-нравственного воспитания и развития личности.

Риски, связанные с духовным и нравственным уровнем развития человека, именуют духовно-нравственными. Впервые концепт «духовно-

нравственные риски» был использован в дисциплине «риск-менеджмент» С.С.Гузенко, Р.А.Тимофеевым, которые обратили внимание на то, что любые риски связаны с человеческим фактором, духовным и нравственным уровнем человека, который определяет верные и направленные на пользу человека и общества управленческие решения [4, с. 179-182].

Духовно-нравственным рискам подвержены не только правовая, социальная, политическая, экономическая, но и педагогическая деятельность [6, с.66-70]. При этом педагогический состав может быть сам подтвержден духовно-нравственным рискам. Очевидно, что низкий духовно-нравственный уровень педагога приводит к деформациям в духовном и нравственном развитии его подопечных.

Духовно-нравственное воспитание и развитие личности в процессе образования и обучения должно стать важнейшим приоритетом государственной образовательной политики в силу недооцененности явления духовно-нравственных рисков в педагогической деятельности как возможности возникновения неблагоприятных ситуаций, которые будут связаны с безнравственным и аморальным поведением личности воспитанника, ставшим реакцией на «неправильную» со стороны преподавателя педагогическую деятельность.

Поиск источников и условий, при которых происходит становление и развитие педагогической духовно-нравственной деятельности педагога и воспитуемого, связан с возникновением их способности превращать собственную жизнедеятельность, в том числе на коммуникационном уровне, в процессе общения, в предмет практического преобразования при формировании процессов духовного развития. Отсутствие духовно-нравственного ядра как у педагога, так и у его воспитанника, без осуществления творческих процессов в ходе их совместной деятельности, ведёт к духовно-нравственному и социальному дисбалансу в педагогической деятельности [5].

Кроме того, в оборот российской системы высшего образования вошли такие понятия, как «духовно-нравственная инновация» и «духовно-нравственная инновационная деятельность» [1, с. 123-131].

Духовно-нравственные инновации – это новшества и изменения в духовно-нравственном облике человека и его душе.

Под духовно-нравственной инновационной деятельностью понимается деятельность, направленная на формирование нового понятийного аппарата духовно-нравственной сферы человека, трансляция и культивирование моральных ценностей человека, развитие духовно-нравственного потенциала личности и духовно-нравственное совершенствование человека с использованием прогрессивных методов и технологий. Духовно-нравственная инновационная деятельность направлена на балансировку духовных потребностей и материальных притязаний человека, что позволяет создать

благоприятные условия для духовного, нравственного и физического развития человека.

Мы считаем, что дальнейшее совершенствование коммуникативной компетентности будущих специалистов в учебном процессе высших учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации должно быть неразрывно связано с духовно-нравственной инновационной деятельностью личности и основано на инновационной составляющей коммуникационного менеджмента – самостоятельного вида современного менеджмента, профессиональной деятельности, направленной на достижение эффективной коммуникации как внутри организации, так и между организацией и ее внешней средой путем реализации вырабатываемой коммуникационной политики.

Разнообразные коммуникации в инновационном менеджменте отражают непрерывный процесс обмена информацией между участниками инноваций. Особенностью коммуникационного менеджмента является то, что он не рассматривает систему управления информационными процессами с точки зрения технических средств осуществления (источник, сообщение, передатчик, каналы, помехи, приемник, обратная связь), а акцентирует внимание на социальном аспекте технологии управления, где определяющим компонентом является человеческий фактор, прежде всего, личность специалиста, обладающего необходимыми навыками инновационной деятельности. Поэтому ключевое значение для инновационного развития организаций и предприятий, общества в целом имеет уровень инновационной составляющей коммуникационного менеджмента как элемент коммуникативной компетентности современных специалистов, выпускников высших учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таким образом, проведенный анализ позволил сформулировать следующие выводы:

1. Коммуникативная компетентность специалиста представляет собой умение эффективно устанавливать и поддерживать деловые отношения, хорошую осведомлённость в области коммуникационного менеджмента и способность результативно воплощать знания и приобретенные навыки в процессе делового общения. Исходным мотивом, составляющим основу мотивационного механизма совершенствования коммуникативной компетентности специалиста, является осознание того, что в современных социально-экономических условиях развитая коммуникативная культура способствует повышению эффективности жизнедеятельности и становится составной частью позитивного имиджа.

2. Развитие коммуникативной компетентности в структуре личностных детерминант специалиста принципиально важно не только в процессе коммуникации, но и при осуществлении двух других важных сторон делового общения – перцептивной (оценка партнера по общению) и интерактивной (направленность на совершение совместных действий).

3. Дальнейшее совершенствование коммуникативной компетентности будущих специалистов в образовательном процессе высших учебных заведений Республики Беларусь и Российской Федерации должно быть неразрывно связано с духовно-нравственной инновационной деятельностью личности и основано на инновационной составляющей коммуникационного менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллина Г.Р. Духовно-нравственная инновационная деятельность // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова: материалы конференций, 06.-14.10.2020 г. / отв. ред. и сост. М.Ю. Спирин; [науч. ред. С.Ю. Суменков, И.А. Кузьмин] / Г.Р. Асадуллина, С.И. Ивентьев.– Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2021. – С. 123-131.
2. Ашенова Т.М. Доктрина советского образования и современная реформа образования // Национальные приоритеты России. –2012. –№ 1(6). – С. 30-34.
3. Багдасарьян И.С. Формирование коммуникативной компетенции менеджера: психолого-педагогические аспекты / И. С. Багдасарьян, Г. В. Дудкина. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – 190 с.
4. Гузенко С.С. Духовно-нравственный аспект риск-менеджмента // Информационные технологии в экономике: материалы IV Республиканской научно-практической Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, 25-26.03.2020 г./ С.С. Гузенко, Р.А. Тимофеев. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2020. – С. 179-182.
5. Данакари Л.Р. Духовно-нравственные ценности как основа системы образования // Социально-политические и экономические проблемы современной России // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Э.Ш. Мусаева / Л.Р. Данакари, К.П. Ермоченко, С.И. Ивентьев. – Махачкала: АЛЕФ, 2021. – С. 53-61.
6. Данакари Л.Р. Педагогическая деятельность: духовно-нравственные риски // Карбышевские чтения: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции / под общ. ред. Грошевой Л.И. в 8 т., Т.4. / Л.Р. Данакари, К.П. Ермоченко, С.И. Ивентьев. – Тюмень: ТВВИКУ, 2021. – С. 66-70.
7. Кириллова О.Ю. Противоречия и перспективы развития Российской системы образования // Успехи современного естествознания. – 2006. – № 10. – С. 27-29.
8. Кузнецов И.Н. Деловое общение. Деловой этикет / И. Н. Кузнецов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 212 с.
9. Мамедова А. В. Формирование коммуникативной компетентности магистров в современной системе подготовки специалистов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. –2013. –№ 2 (39). – С. 14-22.
10. Морозов А.В. Коммуникативная компетентность как основа позитивного имиджа современного руководителя // Проблемы управления человеческими ресурсами: Сб. м-лов V науч.-практ. интернет-конф. / Под общ. ред. М.А. Пономаревой, Н.А. Азаренок / А. В. Морозов – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – С. 24-28.
11. Тимченко Н.М. Психология и этика делового общения / Н. М. Тимченко. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 480 с.
12. Hymes D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics / Ed. : J. B. Pride, J. Holmes. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269-293.

К ВОПРОСУ О СЕТЕВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Т.М. Миронова

Санкт-Петербург, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме трансформации системы высшего образования под влиянием информационных технологий. Изменения затрагивают не только формы, методы и содержание обучения, но также академическую культуру в целом, что становится предметом рассмотрения новой, цифровой академической этики. На основании сравнения традиционной, либеральной и цифровой моделей автором делается вывод об эволюционном характере сетевой структуры современного университета.

Ключевые слова: высшее образование, университет, цифровизация, цифровой университет, цифровая академическая этика.

ABOUT SOME ASPECTS OF A NETWORK UNIVERSITY

T.M. Mironova

St.-Petersburg, the University under Inter-Parliamentary Assembly of EurAsES

Annotation: This article is devoted to the problem of digital transformation of higher education system. The changes in not only educational forms, methods and content but also the academic culture as such become the object of new digital academic ethics. Comparing traditional, liberal and digital models, the author assumes that modern university evolves into a network one.

Keywords: higher education, university, digitalization, digital university, digital academic ethics.

Концепция сетевого обучения, изначально предполагавшая реализацию интерактивной модели «равный к равному», в настоящее время обретает новые смыслы благодаря процессу цифровизации. IT-технологии предоставляют безграничные возможности изменения конфигураций участников образовательного процесса, ресурсов образовательной деятельности, управления обучением. И если на начальном этапе внедрение сетевого обучения ограничивалось взаимодействием провайдеров образовательных услуг при сохранении прежних правил игры, то, благодаря появлению «виртуального учебного пространства» [5, с. 35], создаются предпосылки для глобальной цифровой трансформации системы образования. В то время как школа всё ещё остаётся последним оплотом консерватизма, высшее образование, ввиду своей тесной связи с экономикой, вынуждено не только следовать всем актуальным трендам, но и создавать их. Новый, цифровой университет должен быть не только посредником между наукой и обществом, но и интегратором различных сетей, как регионального, так и мирового уровня.

Идея университета, являясь ключевой для высшего образования вообще, в то же время играет особую роль в европейской культуре и системе ценностей. Подобно другим средневековым заимствованиям с Востока, университет в Европе сначала был экзотикой, неким Хогвартсом, школой чародейства и магии знаний, недоступных подавляющему большинству. При этом, как в Арабском халифате к моменту основания в сер. IX в. первого университета Аль-Карауин

ещё неокончательно сложилась система предшествующих ступеней образования [3, с.302], так и в Европе рождение школы и рождение университета происходили одновременно. В Среднем Средневековье параллельно с церковными появляются цеховые и гильдейские школы, которые в качестве элемента городской культуры давали более основательное знание латыни – языка международного общения и торговли. Первые университеты (Болонский, 1088 г., Оксфордский, 1096 г., Кембриджский, 1209 г., Парижский, 1215 г.) также формировались по типу гильдий (от нем. Gilde – корпорация). Однако, если европейская школа изначально задумывалась как массовая (например, бесплатная латинская школа, недоступная простолюдинам только из-за незнания латыни), университет сразу возник как элитарное корпоративное сообщество. Именно его высокий интеллектуальный потенциал сделал возможным культурный взлёт Европы в эпоху Возрождения. Последующая секуляризация образования, основанная на представлении о том, что светское знание профессионально и полезно, предопределила трансформацию университета в элемент государственной структуры.

Модель, воплощённая В. Гумбольдтом в начале XIX в. в Берлинском университете, подразумевала прежде всего превращение последнего из корпорации в государственное учреждение, т.е. институционализацию национальной системы образования [6, с. 8]. Несмотря на то, что данная тенденция отвечала вызовам промышленной революции, влияние экономического фактора нивелировалось государственным протекционизмом: университет всё так же мог обладать автономией и академическими свободами, знания всё так же являлись самодовлеющей ценностью, а научные исследования, неотделимые от преподавания, носили фундаментальный характер. Эпоха Просвещения только закрепила представления о том, что университет производит элиту общества, утвердив меритократические идеалы получения государственных должностей в соответствии со способностями. Эталоном профессуры стали И. Кант и Г. Гегель, а университет – местом, где можно прикоснуться к человеческой гениальности. С этой точки зрения классический университет на протяжении 100 лет являлся образцом элитарного, действительно высшего образования.

Следующей исторической трансформации университета способствовали процессы демократизации и массовизации, обусловленные соответствующими изменениями во внутренней политике государств в XX в. При этом доступ к высшему образованию не был абсолютно свободным, за исключением короткого периода после революции 1917 г. в России, но всё больше регулировался потребностями нарастающей индустриализации, а именно подготовкой квалифицированных кадров для промышленности. Ранее в XIX в. на практическое применение знаний были нацелены различные инженерные, политехнические школы, послужившие прототипом профильных институтов. Сближение науки и технологии положило конец доминированию классического гуманитарного образования, оставив ему функцию идеологического обслуживания существовавших режимов. Одновременно с демократизацией и

массовизацией происходила стандартизация высшего образования, утрата исключительного характера образовательных программ, при том, что образовательная культура в целом и методы обучения в частности оставались неизменными с XII-XIII вв.: логическая последовательность изучения материала, лекции, экзамены.

Философский дискурс о едином языке науки, предпринятый в неопозитивизме первой половины XX в., результатом которого стала идеализация обезличенного знания, внёс свой вклад и в изменение дидактики высшего образования. Формы обучения превратились в инструмент управления: лекция как обезличенный монолог о предмете и экзамен как специальная процедура контроля обезличенного знания, самым эффективным инструментом которой выступает цифра. Объективные оценки нужны для того, чтобы проверить, насколько обезличено (идеально) знание: цифра, элиминируя все субъективные оттенки понимания и непонимания, должна донести идеальное знание в целостности и сохранности. Бальность шкалы в этом смысле не имеет решающего значения, т.к. прогрессивное градуирование также служит интенсификации контроля – и над оцениваемым, и над оценивающим. Как следствие, стандартизация и формализация экзаменационных процедур способствовали всё возрастающей унификации знания и культуры.

Учитывая вышеописанные трансформации, процесс цифровизации современного университета был предопределён основными тенденциями развития высшего образования: рационализацией, унификацией, массовизацией. Американский академический капитализм 1970-80 гг. дополнил эти тенденции, реализовав возвращение к первоначальной идее корпорации, прошедшей тем не менее собственные этапы трансформации: во-первых, из гильдии в организацию и, во-вторых, из национальной корпорации в транснациональную. Различные частные концепты, от предпринимательского до инновационного университета, равным образом закрепляют ведущую роль стандартизации и формализации при доминировании компетентностного подхода, призванного способствовать академической мобильности. Попытка внедрения американской либеральной системы высшего образования в России привела к искусственному синтезу элементов нового и старого, классического университета.

Из системы академического капитализма удалось заимствовать как элементы – КРІ и наукометрию, так и целиком концепцию образовательных услуг, в которой нуждались не только основанные в 1990-е г.г. частные вузы, но и унаследованные от советского высшего образования государственные образовательные учреждения. Закрепление понятия «образовательных услуг» в законодательстве легализовало статус университета как коммерческого предприятия, основной целью которого является получение прибыли. В свою очередь, рост прибыли мог достигаться не только путём повышения стоимости обучения, но и за счёт увеличения количества потребителей образовательных услуг, а также снижения издержек. Таким образом, либеральная модель университета оказывается принципиально экстенсивной, в отличие от традиционной модели. В российских реалиях рост числа потребителей платных

образовательных услуг вузов обуславливается отсутствием конкурса при поступлении и минимальными проходными баллами ЕГЭ, что неизбежно влияет на качество обучения. С другой стороны, затраты на профессорско-преподавательский состав у российского университета на порядок ниже, чем у европейского, а тем более американского. Манипулирование показателями средней заработной платы в сочетании с преднамеренно неверным толкованием верхнего предела учебной нагрузки, когда нормирование часов на 2 ставки выдаётся за одну*, подкреплённые психологическим эффектом краткосрочных эффективных контрактов ППС, позволяют существенно минимизировать постоянные затраты.

Современный глобальный экономический кризис выдвинул цифровизацию в качестве основного пути решения насущных социально-экономических проблем. В сфере высшего образования объективная невозможность дальнейшего роста стоимости обучения в условиях снижения доходов населения может быть компенсирована при помощи IT-технологий: во-первых, расширением контингента обучающихся и, во-вторых, снижением издержек на эксплуатацию зданий и заработную плату штатных сотрудников. Университет как цифровая образовательная экосистема приобретает практически неограниченные возможности увеличения предложения образовательных услуг при более низкой их себестоимости. За образец берутся массовые открытые онлайн курсы (МООС), функционирующие на глобальных платформах, но конкретные технологические решения университеты пытаются разрабатывать собственными силами. Студенту как потребителю услуги предлагается готовый продукт, представляющий одновременно и результат образовательного процесса, и пошаговые методики его достижения. При этом возникает феномен «квантификации знания», измерения соотношения переданной и воспроизведённой информации [6, с. 56], препятствующий самостоятельному и системному познанию.

Проблемы массового высшего образования усугубляются при его переходе в виртуальное пространство: с одной стороны, содержание онлайн курсов становится всё более унифицированным и формализованным, с другой – требующим постоянной фасилитации. Для успешного функционирования цифровой образовательной платформы необходима качественная интерактивная составляющая онлайн курсов, проектированием и поддержкой которой занимается целый коллектив. Данное обстоятельство ставит под сомнение ключевую роль профессора как профессионала и признанного

* Согласно п.7.1.1. Приложения №2 к Приказу Министерства образования и науки РФ от 22 декабря 2014 г. N 1601 норма часов учебной (преподавательской) работы за ставку заработной платы в организациях СПО составляет 720 часов в год (18 часов в неделю в течение 10 месяцев), а верхний предел учебной нагрузки устанавливается в объеме, не превышающем 1440 часов в учебном году; согласно п.7.1.2. верхний предел учебной нагрузки, определяемый по должностям профессорско-преподавательского состава организаций ВПО, устанавливается в объеме, не превышающем 900 часов в учебном году.

эксперта в своей области, делегируя существенную часть его функций команде узких технических специалистов [7, с. 45-46]. Такое символическое изгнание профессора из университета демонстрирует, что одной из главных целей цифровой трансформации оказывается не расширение технологических возможностей образовательного процесса, а масштабирование фасилитации, с чем успешнее справляется искусственный интеллект [1, с. 820].

Следовательно, университет как цифровая образовательная платформа вступает в противоречие с идеей традиционного университета: подобный вызов порождает и выводит на первый план вопрос об этике цифрового образования. Цифра, воплощённая в bigdata, являясь, прежде всего, инструментом контроля, уничтожает свободу, а значит и жизнь, «витальность» университета [9, с. 62]. До сих пор, выполняя свою функцию социализации, университет представал не только в виде социальной сети, обеспечивающей групповую мобильность, но и как социальное тело – братство, товарищество, объединённое идеей. Академические свободы не могут осуществляться в абсолютно публичном цифровом пространстве, где каждое действие фиксируется и модерируется: это разрушает не только атмосферу научного творчества, но и межличностные отношения. В виртуальной бестелесной реальности трансформируются не только категории свободы, приватности, истины, но, самое главное, оказываются невостребованными такие нравственные ценности, как сочувствие, милосердие, любовь [4, с. 11], что неизбежно легитимизирует насилие. В этих условиях цифровая академическая этика регулирует не взаимоотношения людей, организованных при помощи IT-технологий, она скорее является техникой безопасности производственных процессов в сфере образования, а значит не может обеспечивать выполнение функций воспитания, социализации, осуществления межкультурного диалога.

Таким образом, цифровая трансформация университета в реальности затрагивает прежде всего содержание обучения и сам образовательный процесс, при том, что неотъемлемой составляющей цифровизации должна стать оптимизация управленческих процессов и документооборота. Цифровой кампус, электронный деканат, электронный студенческий билет и электронная ведомость, информационная система управления пунктом общественного питания [2, с. 92] гораздо эффективнее снижают постоянные затраты ввиду того, что бюрократизация, востребованная академическим капитализмом в условиях рейтинговой конкуренции, непроизводительна: с этой точки зрения, цифровизация даёт шанс вернуться к первоначальной идее университета как сообщества профессоров и студентов, распределяя административные функции между самими заинтересованными сторонами. Таким образом индивидуальные образовательные траектории и персональное обучение развиваются в цифровой экосистеме не благодаря, а вопреки централизованному управлению: полноценное внедрение цифрового портфолио упраздняет за ненадобностью систему учебных планов, учебных графиков, расписания, а также специальности и образовательные программы как таковые. В перспективе цифровой след обучающегося станет основой цифрового диплома,

сформированного и хранящегося при помощи блокчейн-технологии, доступ к которому позволит работодателю и HR-структурам составить исчерпывающее представление о деловых и личностных качествах кандидата на вакансию.

Учитывая вышеизложенное, условия цифровизации высшего образования аналогичны условиям цифровизации экономики в целом. Дифференциация университетов на разработчиков и пользователей онлайн курсов [5, с.32] в итоге приведёт к поглощению последних и созданию мета-университетов, объединяющих классический университет с глобальной образовательной платформой. Принципы сетевого обучения, основанные на формальном равенстве участников образовательного рынка, могут быть интериоризированы в видоизменённой концепции сетевого университета. Если раньше сети формировали различные университеты, основываясь в т.ч. и на политической конъюнктуре (например, сетевой университет СНГ, сетевой университет ШОС [10, с.12]), то в соответствии с экономической целесообразностью структура каждого университета в отдельности будет также становиться сетевой. «Атомное» строение университета акцентируется в различных постклассических моделях: например, мультиуниверситет К. Керра, экологический университет Р. Барнетта, предпринимательский университет Б. Кларка и др. Во всех вышеперечисленных моделях можно выделить ядро и периферию при отсутствии чётких границ между университетом и социумом, что является ответом на вызовы быстроменяющегося мира, адаптацией к сложности и неустойчивым связям современного общества [8, с.96-97], когда университет больше не может оставаться закрытой корпорацией, «башней из слоновой кости». Сетевая структура аккумулирует исследовательский потенциал в ядре – традиционном университете, распределяя остальные функции, связанные как с самим обучением, так и с предпринимательством, от ядра к периферии. Такая сеть позволит сочетать интересы научного сообщества и запросы обучающихся как на качественное очное, так и на массовое (в перспективе возможно и всеобщее) онлайн образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов А.А., Заречкин Е.Ю., Куприяновский В.П. О цифровой экосистеме современного университета // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2019. – № 4. – С. 815–824.
2. Кузина Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» // E-Management. – 2020. – № 2. – С. 89-96.
3. Кухарева Е.В. Образование в арабских странах из глубины веков до наших дней // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – Том 35. – Вып. 2. – С. 299-306.
4. Мелешко Е.Д. Трансгуманизм и цифровая этика // Гуманитарные ведомости ТПУ им. Л.Н. Толстого. – 2021. – № 2 (38). – С. 5-16.
5. Нагаева И.А. Сетевое обучение: становление и перспективы развития // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2013. – № 3. – С. 31–37.
6. Налетова И.В. Университет Гумбольдта в динамике развития университетского образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 9 (89). – С. 7-12.
7. Прокофьев А.В. Этика профессора в цифровом университете // Ведомости прикладной этики. – 2021. – Вып.58. – С. 31-53.

8. Сметанина М.Д. Модели университетов в культурологическом дискурсе // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 10 (66). – С. 95-98.
9. Согомонов А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе // Ведомости прикладной этики. – 2021. – Вып.57. – С. 48-63.
10. Юрьев В.М., Налетова И.В. Сетевой университет как модель современных взаимодействий региональных университетов // Вестник ТГУ – 2014. – Вып. 3 (131). – С. 7–15.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Я.В. Лях

Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Аннотация: В данной статье рассматриваются преимущества и недостатки организации образовательного процесса в период пандемии. Рассматриваются трудности, с которыми сталкивается современное образование, а также их способы решения.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционное обучение, информационно-коммуникационные технологии, обучение, образовательные платформы.

PROBLEMS OF THE EDUCATIONAL PROCESS ORGANIZATION IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING THE PANDEMIC

Y.V. Liakh

Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

Annotation: This article discusses the advantages and disadvantages of organizing the educational process during the pandemic. The difficulties faced by modern education, as well as their solutions are examined.

Keywords: higher education, distance learning, information and communication technologies, teaching, educational platforms.

Пандемия COVID-19 так или иначе повлияла на все области экономики, изменила привычный образ жизни, научила человечество жить по-новому. В настоящее время сложно найти сферу деятельности, которую бы не затронула пандемия COVID-19.

Конечно, если говорить о сфере образования, то последствия коронавируса отличаются в разных странах и даже регионах и, безусловно, имеют свои особенности. Но в целом, учебные заведения оказались в тяжелых условиях. COVID-19 затронул все уровни и ступени образования, включая высшее образование.

Руководство ВУЗов было вынуждено в самые быстрые сроки адаптироваться к надвигающимся изменениям, выделять огромное

финансирование на быструю цифровизацию образования, а также зачастую принимать решения, не учитывая возможные последствия.

Негативное влияние пандемия оказала также и на международное сотрудничество в области образования и науки. Например, многие деловые поездки были отменены, программы обменов студентов и научно-педагогических кадров приостановлены, а некоторые программы по развитию научно-исследовательского сотрудничества поставлены на паузу [1].

Университетам пришлось в короткие сроки решать многие важные вопросы. Следовало определить, в каких формах лучше проводить дистанционное обучение и какие технические средства для этого использовать. Также встал вопрос об оценке усвоения студентами полученного материала в таких условиях. Руководство ВУЗов должно было решить, как проводить выпускные экзамены и каким образом осуществлять набор на следующий учебный год. Большинство ВУЗов столкнулось с вопросами организации логистики и обеспечения образовательного процесса для иностранных студентов. Были пересмотрены формы работы с иностранными партнерами по разработке и реализации совместных образовательных программ.

Также пандемия затронула и законодательство, регулирующее сферу образования. Государства вынуждены вносить изменения в законы, фиксируя переход вузов на онлайн образование, проведение вступительных экзаменов и государственной аттестации онлайн, организацию работы и оплаты труда профессорско-преподавательского состава [2].

В период пандемии активное внедрение различных методов и форм обучения с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является обязательным условием и неотъемлемой частью образовательного процесса. Информационно-коммуникационными технологиями считается набор механизмов и способов, которые используются для автоматизированного сбора, обработки, хранения и передачи информации.

Конечно, применение этих информационно-коммуникационных технологий помогает разнообразить формы и методы работы преподавателей, а также способствует формированию мотивации, повышению интереса и вовлеченности со стороны обучающихся. В настоящее время уровень информатизации образовательного процесса характеризуется не только применением отдельных технических средств, но и внедрением полноценных системных методов обучения, обмена и передачи информации, с помощью которых достигается высокая эффективность всего учебного процесса.

В настоящее время для дистанционного обучения широко используются такие современные платформы как Google Classroom, Microsoft Team, Moodle. С помощью таких платформ для проведения онлайн занятий, как Discord и Zoom, возможна организация занятий в режиме видео- и аудиоконференций, что обеспечивает наличие зрительного и звукового контакта между преподавателем и обучающимися, создавая благоприятную для обучения общую языковую среду. Кроме того, использование данных платформ дает возможность дополнить процесс обучения визуальными презентациями в

интерактивном режиме. Использование Интернет-форумов, чатов и социальных сетей в рамках дистанционной формы обучения дает возможность обучающимся свободно общаться с носителями языка, осуществляя диалог в устной и в письменной формах.

Но в ходе информатизации высшего образования в период пандемии COVID-19 ВУЗы сталкиваются и с определенными трудностями. Например, внедрение ИКТ в образовательный процесс приводит к сокращению социальных контактов, уменьшению практики реального взаимодействия и общения. К тому же, наблюдается ухудшение психологического и физиологического состояния учащегося. Студент быстро привыкает к новым технологиям и использует их постоянно. Также происходит снижение речевой активности обучающегося (что особенно характерно для форм дистанционного обучения), в результате чего студент теряет навыки формулирования и высказывания собственных мыслей. Согласно последним психологическим исследованиям, длительное отсутствие активной речевой практики негативно сказывается на процессах мышления. Более того, наблюдается недостаток живого диалогического общения между участниками образовательного процесса, который становится дефицитным в результате чрезмерной индивидуализации обучения. Информатизация приводит к появлению у студентов и преподавателей компьютерной тревожности, которая является большой психологической проблемой. Это способствует снижению компьютерной грамотности и интереса к работе с ИКТ. У студентов такая форма тревожности возникает, как реакция на страх получить плохую отметку, показаться неспособным или глупым по сравнению с другими учащимися. Преподаватели также часто сталкиваются с серьезными трудностями в процессе освоения ИКТ. Они могут опасаться того, что их рабочие места займут компьютеры или педагоги, которые лучше владеют современными образовательными средствами. Одним из важных факторов тревожности является также осознание ими того, что их студенты владеют ИКТ намного лучше, чем они сами.

В нынешних условиях важнейшими задачами для высших учебных заведений являются следующие. Во-первых, должны быть разработаны мероприятия по поддержке студентов и преподавателей, так как все участники образовательного процесса должны иметь стабильный доступ к Интернету, наличие необходимого оборудования [2]. Следует организовать тренинги для профессорско-преподавательского состава по обучению особенностям преподавания онлайн, функционалу и возможностям доступных платформ и сервисов. Возможно, стоит организовать специальную платформу для обмена опытом между преподавателями в области дистанционного обучения студентов. Во-вторых, должны быть найдены способы эффективного перехода на онлайн обучение. В-третьих, нужно разработать четкую систему критериев оценки знаний, учитывая новое онлайн расписание и педагогические подходы. Это, несомненно, потребует больших усилий, но в то же время позволит обеспечить в будущем качество обучения и обоснованность итоговых оценок.

В-четвертых, стоит наладить партнерство с зарубежными университетами, которые готовы делиться своими ресурсами, опытом как в области онлайн обучения, так и в области научного онлайн сотрудничества.

Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия сильно влияет на организацию образовательного процесса в ВУЗах. Уже сейчас можно предположить, насколько серьезными будут последствия для развития высшего образования во всем мире. Думается, университеты после пандемии начнут использовать потенциал онлайн обучения более системно. Также они начнут адаптировать инновационные подходы к обучению. Несомненно, произойдет изменение устоявшихся подходов, инструментов и методов оценки знаний. Последствия пандемии отразятся и на интернационализации ВУЗов, международном образовательном и научном сотрудничестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. COVID-19: эффекты для высшего образования [Электронный ресурс]. – URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/>. – Дата обращения 25.01.2022.
2. Влияние COVID-19 на опыт обучения студентов в ВУЗе [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.wework.com/ru-RU/ideas/research-insights/research-studies/the-impact-of-covid-19-on-the-university-student-experience>. – Дата обращения 27.01.2022.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ВУЗЕ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ

И.В. Сульдикова

Смоленск, Смоленский государственный институт искусств

Аннотация: В статье рассматривается обучение в творческом вузе с точки зрения возможности и перспектив применения дистанционных технологий и информационно-коммуникационных средств наряду с традиционными методами и формами. Приводятся достоинства и недостатки их комбинирования. Дается характеристика информационной среде обучения образовательной организации. Выделяют признаки и свойства информационной среды образовательной организации.

Ключевые слова: информационные технологии, дистанционное обучение, высшее образование, творческий ВУЗ, традиционные методы обучения.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DISTANCE LEARNING IN A CREATIVE UNIVERSITY: NEW TECHNOLOGIES AND TRADITIONAL METHODS

I.V. Suldikova

Smolensk, Smolensk State Institute of Arts

Annotation: The article deals with teaching at a creative university from the point of view of the possibility and prospects of using remote technologies and information and communication tools

along with traditional methods and forms. The advantages and disadvantages of their combination are given. The characteristic of the information environment of training of the educational organization is given. There are signs and properties of the information environment of an educational organization.

Keywords: information technology, distance learning, higher education, creative university, traditional teaching methods

Развитие информационно-коммуникационных технологий влечет за собой существенные изменения информационной среды современного образования. Эти изменения, как и любые другие, открывают новые возможности для реформирования общества, находящего свое отражение в системе образования [2, с. 21].

В современном мире персональные компьютеры и сопутствующее оборудование являются неотъемлемой частью нашей жизни, компьютерная грамотность теперь доступна каждому и не зависит от уровня образования, проектирование информационной среды является насущным вопросом системы образования, на деятельность которой информационные процессы оказывают большое влияние.

Как и любые процессы нашей жизнедеятельности информационные протекают в определенной среде, в качестве которой принято рассматривать информационную. Информационная среда обусловлена рядом особенностей:

1. программно-аппаратной организацией информационной среды;
2. учебно-методическим наполнением ее информационных ресурсов;
3. организацией деятельности педагогического коллектива в самой среде [3, с. 45].

Также выделяют признаки и свойства, необходимые для характеристики информационной среды образовательной организации.

1. Информационная среда является условием и средством сложных взаимодействий типа "человек - техника", "человек - человек", "человек - знаковая система", "человек - художественный образ".

2. Информационная среда формируется как самоорганизующаяся система в неразрывной связи с развитием педагогической системы образовательной организации. Такое развитие зависит от уровня самой организации и имеющегося и планируемого технического оснащения. Информационная среда должна быть единой и обладать целостной структурой: такие свойства обусловлены единством педагогических целей, взаимосвязью решаемых педагогических задач и взаимодействием участников образовательного процесса. Информатизацию основных видов деятельности (образовательной, управленческой, отвечающей за коммуникации) обеспечивают инвариантные компоненты, которые также включены в информационную среду [1, с. 34].

Информационная среда в образовательной организации обеспечивает наличие единой базы данных, однократный ввод данных с возможностью их последующего редактирования, многопользовательский режим использования данных, разграничение прав доступа к данным, использование одних и тех же данных в различных приложениях и процессах, возможность обмена данными

между различными прикладными программами без выполнения операций экспорта-импорта.

Информационная среда образовательного учреждения может рассматриваться не только в качестве компонента информационных сред более высокого уровня организации (района, города), но и как модель развития информационной среды образовательной системы вообще, поскольку именно в условиях образовательного учреждения осуществляются основные виды деятельности: обучение, воспитание и развитие личности детей.

Творческий ВУЗ в большинстве случаев предполагает широкий набор специальностей (направлений подготовки). При этом в процессе обучения студентам необходимо взаимодействие для достижения поставленных перед ними преподавателями целей. Если в процессе очного обучения это достаточно просто для творческих молодых людей, то с точки зрения заочного, а тем более дистанционного обучения вовлечение студентов других направлений в свои проекты ставит многих в тупик.

С появлением виртуальных образовательных площадок дистанционное обучение по предметам базового цикла значительно упростилось. Финальное тестирование может с достаточной точностью показать уровень знаний. Такой же подход может применяться и в обучении по предметам профессионального цикла на направлениях подготовки «Социально-культурная деятельность», «Библиотечно-информационная деятельность» и некоторых других. Возможность загрузки и проверки, а также комментирования и оценивания итоговых проектов, эссе и других видов заданий в определенные сроки позволяет в реальном режиме контролировать успеваемость студентов.

В то же время в творческом ВУЗе многие предметы профессионального цикла требуют любого вида контактной работы от непосредственного аудиторного занятия до онлайн трансляций или пересылки видеозаписей. Большим минусом в данной ситуации является невозможность групповых занятий в форме ансамблей и репетиций. Плюсы видеофиксации заключаются в возможности повторить просмотр, проанализировать ошибки, сравнить несколько разных по времени видео, проследить динамику развития умений обучающегося.

Современные технологии также позволяют проводить занятия в форме видеоконференций. Это упрощает восприятие групповой работы по специальным предметам, так как преподаватель видит уровень подготовки каждого студента по отдельности и сравнительно с другими обучающимися.

Также возможность самих студентов посмотреть на себя со стороны позволяет проанализировать качество собственной подготовки и из нескольких попыток выбрать лучшую и отослать преподавателю.

Расширяют горизонты дистанционного образования в современных условиях и социальные сети. Обучающиеся более оперативно откликаются на сообщения, так как чаще пользуются ими, чем электронной почтой или электронной образовательной средой. Во многих социальных сетях есть

возможность пересылки документов разных форматов, ссылок и фото-видеофайлов.

Таким образом, современные технологии не только упрощают в условиях дистанционного образования коммуникацию преподаватель - обучающийся, но и расширяют возможности для студентов, их горизонты познания и воображения, стремления к саморазвитию и самосовершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А.Н. Телекоммуникационный проект в дистанционном обучении русскому языку детей соотечественников // Русский язык за рубежом. -2008. – №4. – С. 31-35.
2. Горлова Л.Н. Личный ресурс информационной компетентности /Л.Н. Горлова.// Применение новых технологий в образовании. Материалы XVI Международной конференции. Сб. статей: Троицк.– 2005. – С.21–22.
3. Самерханова Э.К. Цифровые ресурсы для организации образовательного процесса и оценки достижений обучающихся в дистанционном формате: обзор цифровых ресурсов для дистанционного образования / Э.К. Самерханова. – Н.Новгород: Мининский университет, 2020. – 50 с.

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛИАЛА РЭУ ИМ. Г. В. ПЛЕХАНОВА С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПАТРИОТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ

Т.В. Жукова, О.Н. Конюченко

Оренбург, Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова

Аннотация: В статье рассматривается опыт работы волонтерского студенческого клуба при высшем учебном заведении, роль студенческого патриотического клуба в воспитании современной молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, студенческий клуб, волонтеры Победы, гражданско-патриотического воспитания молодежи.

EXPERIENCE OF INTERACTION OF STUDENTS OF THE ORENBURG BRANCH OF PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS WITH PUBLIC PATRIOTIC ORGANIZATIONS OF VARIOUS LEVELS

T.V. Zhukova, O.N. Konyuchenko

Orenburg, Orenburg branch Plekhanov Russian University of Economics

Annotation: The article examines the experience of the volunteer student club at a higher educational institution, the role of the student patriotic club in the education of modern youth.

Keywords: patriotism, student club, Victory volunteers, civic and patriotic education of youth.

Ни для кого не секрет, что человек не может жить без истории – истории своей семьи, своей страны, своей Родины. В настоящее время происходят

ужасные события: некоторые исследователи пытаются фальсифицировать историю Великой Отечественной Войны, и в целом, историю всего мира.

События последней мировой войны пытаются переиначить, представить в искаженном виде. Поэтому очень важно воспитывать такую молодежь, которая гордится своей Родиной, помнит цену победы, чтит память всех павших в битве за мир во всем мире.

Несомненно, для этого и в школах, и в средних специальных образовательных учреждениях, в высших учебных заведениях преподаются дисциплины, в ходе которых у обучающихся формируется историческое сознание, развивается потребность к оценкам исторических событий и фактов действительности, усвоению идеи единства мирового историко-культурного процесса при одновременном признании многообразия его форм.

Однако, несмотря на это, в молодежной среде остается проблема неправильного понимания, трактовки тех или иных исторических событий, принятие западных идей как единственно верных, нелюбовь к своей Родине. Для того, чтобы решить данную проблему, необходимо больше внимания уделять вопросу гражданско-патриотического воспитания молодежи.

Одним из способов заинтересовать молодежь больше и глубже изучать свою историю, помнить о важных исторических событиях своей страны, является привлечение их к волонтерству.

В Российской Федерации принят закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», в котором дается определение волонтерству [2], разработана Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года [3].

В сфере образования развитие добровольчества (волонтерства) по направлению гражданско-патриотического воспитания предполагает оказание помощи ветеранам Великой Отечественной войны и боевых действий, взаимодействие с ветеранскими организациями; благоустройство памятных мест и воинских захоронений, содействие в увековечении памяти погибших при защите Отечества; участие добровольцев (волонтеров) в организации акций, посвященных памятным событиям в истории России.

С 2015 года на территории Российской Федерации был создан Всероссийский волонтерский корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной Войне, – так началась история развития всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы», цель которого – сохранить память о великой Победе [1].

В Оренбургской области также функционирует движение «Волонтеры Победы», включающее в себя двадцать семь местных отделений, в состав которых входит пять общественных центров гражданско-патриотического воспитания на базе высших учебных заведений, среди которых и Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова.

В Оренбургском филиале реализуются следующие направления волонтерского гражданско-патриотического движения:

- Великая Победа (сохранение памяти о Великой Отечественной Войне);

- Связь поколений (помощь ветеранам и взаимодействие с ветеранскими организациями);
- Медиапобеда (создание и обучение региональных медиакоманд);
- Моя Победа (обучение активистов движения);
- Наши победы (популяризация героев и событий современных достижений России через интересные для молодежи формы);
- Моя история (оказание волонтерской помощи в составлении семейного древа и работе с архивными документами).

Ежегодно наши студенты – Волонтеры Победы принимают участие в различных мероприятиях, посвященных Великой Отечественной Войне.

Третьего сентября в День солидарности в борьбе с терроризмом в филиале проводятся тематические беседы со студентами, на которых рассказывается о том, что такое терроризм, о трагедии одиннадцатого сентября, о героях, отдавших жизнь в борьбе с терроризмом. Эта памятная дата установлена в 2005 году и связана с трагическими событиями в Беслане, когда боевики захватили одну из городских школ. В результате теракта в школе №1 погибли более трехсот человек, среди них 186 детей. Студенты Оренбургского филиала минутой молчания чтят память жертв теракта, а также тех, кто погиб при исполнении служебного долга. Также в этот день студенты принимают участие в церемонии возложения цветов к памятнику героя России Александра Прохоренко.

В День окончания Второй мировой войны, а точнее вечером, по всей России, и, в том числе, в Оренбурге проводится акция «Свеча памяти». В выставочном комплексе «Салют, Победа!» волонтеры, в числе которых волонтеры Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, выложили символическую надпись «Помним» из сотен свечей и раздали участникам акции фронтовые треугольники с текстом письма из прошлого. Участники акции почтили минутой молчания память о погибших в годы войны и возложили цветы к мемориалу «Вечный огонь».

В декабре традиционно студенты принимают участие в акции «Улицы героев», приуроченной ко Дню Героев Отечества. В этот день Волонтеры Победы выходят на улицы населенных пунктов, названных в честь Героев Советского Союза и Героев России. Находясь в указанных локациях, волонтеры раздают жителям листовки в виде солдатских (фронтовых) писем-треугольников с информацией о Герое, в честь которого названа улица, а также о его подвиге.

Третьего декабря в День Неизвестного солдата ребята возлагают цветы к мемориальному комплексу «Вечный огонь», почтив память всех тех, кто отдал свою жизнь на полях сражений за Родину.

Акция «Блокадный хлеб» проводится в январе двадцать седьмого числа в День снятия блокады Ленинграда. Волонтеры Победы Оренбургского филиала принимают участие в данной акции, раздавая жителям Оренбурга кусочек хлеба и информационную листовку, которые помогут сохранить память о событиях тех далеких военных лет с 1941 по 1945 годы.

В феврале волонтеры Победы не оставляют без внимания День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (второго февраля). А еще в феврале очень значимое событие для нашего города – День рождения поэта Мусы Джалиля. Наш земляк, антифашист, непокорённый борец, узник тюрьмы смерти Моабит, казнённый в застенках берлинской тюрьмы, герой Советского Союза Муса Мустаафович Залилов родился 15 февраля 1906 года в деревне Мустафино Шарлыкского района. Весь мир узнал его под именем Муса Джалиль после перевода с татарского на русский язык и публикации поэтического цикла «Моабитская тетрадь». Позднее «Моабитская тетрадь» была переведена более чем на 60 языков мира. В 2021 году в честь 115-летия со дня рождения Мусы Джалиля студенты Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова открыли марафон "живых стихов" Мусы Джалиля, реализованный в форме видеороликов в социальных сетях. Также этому знаменательному событию был посвящен традиционный творческий вечер «Моя весна, моя Победа!», проводимый ежегодно в канун Дня Победы. Силами преподавателей, Студенческого Совета и Волонтеров Победы Оренбургского филиала была разработана музыкальная постановка, в которую были органично вплетены художественные номера приглашенных гостей из школ, вузов и общественных организаций г. Оренбурга.

В День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества студенты – волонтеры традиционно несут цветы к мемориалу Воинам-интернационалистам в Парке 50-летия СССР.

Несомненно, самым главным событием является день Победы в Великой Отечественной Войне. К этому событию проводятся различные мероприятия, в которых также принимают активное участие наши студенты. Это и диктант Победы. В 2021 году площадкой проведения акции стал Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. Во Всероссийском историческом диктанте на тему событий Великой Отечественной войны на площадке нашего филиала приняли участие более 40 человек, несмотря на то, что были доступны онлайн сервисы прохождения тестирования. Участие в диктанте для одних – это способ проверить свои знания, для других – узнать новые факты, получить новый вектор изучения истории нашей страны, благодаря нестандартным и креативным вопросам теста.

Девятого мая делегация Оренбургского филиала возложила цветы к мемориалу «Вечный огонь», а также выступила с художественными номерами на студенческой творческой площадке на пешеходной улице г. Оренбурга.

Акция «Бессмертный полк» в 2021 году проводилась в онлайн-формате. Но даже в таком формате, принимая участие, мы выражаем бесконечную благодарность и вечную память всем тем, кто ковал победу для нас, тем, кто подарил нам светлое мирное небо над головой. Посредством официальных аккаунтов социальных сетей ВКонтакте и Instagram мы организуем развернутую публикацию истории жизни и подвига участников войны из числа родственников студентов, сотрудников и преподавателей филиала.

Положительный опыт по формированию гражданско-патриотической позиции студентов Оренбургский филиал имеет из взаимодействия с военно-историческим клубом «Пересвет». Деятельностью клуба является историческая реконструкция таких исторических периодов, как Русь X-XI века, Новгородское и Владимиро-Суздальское княжество 13-15 веков, РККА 1941-1945 годов.

Эти и ряд других мероприятий, проводимых Оренбургским филиалом РЭУ им. Г.В.Плеханова со студентами, в том числе и Волонтерами Победы, дает нам веру в то, что современная молодежь будет помнить о том, какой ценой досталась победа в Великой Отечественной Войне, будет чтить героев той войны и нынешних героев России, будут ценить и беречь хрупкий мир на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев Д. А. Социальное партнерство в сфере молодежной политики / Д. А. Астафьев // Государственная молодежная политика: опыт, тенденции, перспективы: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Оренбург, 26 ноября 2015 года / Департамент молодежной политики Оренбургской области; Оренбургский региональный штаб Всероссийской общественной организации "Молодая гвардия Единой России"; Оренбургская областная общественная организация "Федерация детских организаций"; Институт управления Оренбургского государственного аграрного университета. – Оренбург: РуссСервис, 2015. – С. 13-16.
2. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 05.02.2018) "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года». – URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf>

ЭФФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА СТУДЕНТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Т.Э. Доценко, Н.В. Веницкая

Бийск, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина

Аннотация: В статье рассмотрены задачи формирования патриотизма и духовности через обращение к традиционной культуре, предложены эффективные формы воспитания патриотизма в молодежной среде.

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, духовность, традиционная культура.

EFFECTIVE FORMS OF EDUCATION OF PATRIOTISM OF STUDENTS IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

T.E. Dotsenko, N.V. Vinitzkaya

Biysk, Shukshin Altai State for Humanities and Pedagogy University

Abstract: The article considers the tasks of forming patriotism and spirituality through the appeal to traditional culture, suggests effective forms of education of patriotism in the youth environment.

Keywords: education, patriotism, spirituality, traditional culture.

Воспитание – неотъемлемый процесс социализации. Концепция воспитания разрабатывается сейчас для всех ступеней образования. Принцип «обучения через всю жизнь» стал осознаваться в синтезе с процессом воспитания. Ясное понимание того, что образование и воспитание связаны неразрывно, приводит к пересмотру акцентов и в образовательном процессе.

Процесс воспитания осознается как многоуровневая система, охватывающая такие формы воспитания как: духовное, нравственное, эстетическое, трудовое, гражданское и патриотическое, экологическое.

Определяя актуальные цели работы педагогов в данном направлении, необходимо иметь в виду, что само понятие воспитания за последние 15–20 лет эволюционировало. Сегодня, реализуя свою деятельность в этой области, необходимо учитывать «Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Концепцию духовно нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Традиционные и инновационные средства и формы воспитательного процесса» и План мероприятий в 2021-2025 гг. «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2021 года» (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. № 2945-р).

Одним из аспектов Стратегии является обеспечение поддержки семейного воспитания – сохранение, укрепление и развитие культуры семейного воспитания детей на основе традиционных семейных и духовно-нравственных ценностей, с учетом роли традиционных религий России, способствующих формированию четкой гражданской позиции и формированию основ патриотизма.

В большинстве исследований, связанных с вопросами воспитания в целом и семейного воспитания в частности, происходит естественное обращение к теме традиционного уклада жизни, традиционной культуры, национальных традиций и ценностей.

Пристальный взгляд на традиционную культуру и фольклор не является случайным. Те области воспитания, которые сейчас разделены (эстетическое, духовно-нравственное, патриотическое и т.д.) в культуре традиционной являлись неразрывным целым. Синкретичный характер народной культуры с ее ярко выраженными национальными ценностями теперь в эпоху размытых границ добра и зла, низкого и высокого снова стал интересен и актуален. И уже в который раз исследователи-фольклористы, педагоги и профессиональные деятели искусства обращаются к народным истокам в поисках понятных определений и представлений о добре и зле, долге и справедливости, красоте и самой цели существования человека.

Духовное становление тесно связано с окружающей действительностью, культурным наследием своего народа, освоением общемировых ценностей. Современный мир охвачен процессом глобализации. Этот процесс нередко

саму возможность существования самобытности культуры отдельных народов ставит под вопрос. Причем речь идет не только о сознательном уничтожении или культурном геноциде, но и невольном нанесении вреда, когда культурные формы одних народов бездумно принимаются или навязываются другим народам [3, с.7].

Суть духовности и ее специфику как ценности культуры в русле ее национальной самобытности нельзя понять без анализа того ментального основания (традиционной культуры), на котором держится культура в целом. Являясь целью культурного прогресса как процесса самосовершенствования, духовность как итог духовной деятельности опредмечивается в артефактах, ценностях культуры и распредмечивается в процессе их интерпретации, конституируя смысловые пласты, лежащие между «здравым смыслом» и глубинным, непроявленным содержанием, порождаемым диалектикой взаимодействия идеала и действительности.

На наш взгляд, духовность – не наличное состояние культуры, а ценность, которая может отрицаться деградирующим обществом и замещаться суррогатом, бездуховностью мещанского, потребительского сознания его членов, но не деградировать как таковая. И то, какие именно ценности и образцы поведения предлагают членам общества образование, литература, наука, искусство или религия, может быть, по крайней мере, одной из причин расцвета культуры и раскрытия потенциала ее духовности либо, напротив, деградации культуры и роста бездуховности и аморализма.

Одним из симптомов этого является кризис религии, но, к примеру, Советский Союз как атеистическое общество ориентировался на высокую культуру и искусство, сохраняя культурные стандарты просветительского общества до самого конца своей истории [3, с. 106]. С другой стороны, может быть отмечен и кризис семьи и семейных ценностей в их традиционном понимании.

Частично традиции семейного воспитания сейчас на себя приняла система образования. Целый ряд дисциплин, разделов и воспитательных мероприятий направлен на изучение исторического опыта освоения национальных и семейных ценностей различными народами. Сейчас пришло осознание многоликости мира необходимости искать не столько различия, сколько сходство, с одной стороны, и формирования способности к ясно осознанной гражданской идентичности, с другой.

Авторам статьи задача формирования патриотизма и духовности на основе стратегии развития воспитания в Российской Федерации видится особенно значимой в рамках деятельности образовательных организаций высшего образования педагогической направленности.

Данная область деятельности может быть поделена на два блока – теоретический и практический. Первый формирует методические основы патриотического и духовного воспитания, цели и задачи; второй представлен непосредственно реализацией данных задач в рамках учебной и внеучебной деятельности.

Сложностями, возникающими при воспитании патриотизма и духовности, могут стать установки при организации проверки результатов деятельности организации. Очень важно в данном случае не впасть в формализм, прибегая к многочисленным анкетам и опросникам. В противном случае возникает опасность формирования не «естественного», а «навязанного» патриотизма с неискренними формами поведения. Для избегания подобных ситуаций важно анализировать не уровень сформированности духовности в процентах или показывать уровень повышения патриотизма в графиках, но проанализировать уровень обеспечения условий в организации для формирования духовного и патриотического воспитания. Критериями развития духовности и патриотизма могут быть обозначены культурно-патриотическая компетентность и желание быть вовлеченным в мероприятия, проводимыми в данном направлении

В какой-то момент развития общественных отношений и образования сами понятия патриотизма и духовности были отодвинуты понятиями «толерантность» и «мультикультурализм». Однако, сейчас вернулось понимание того, что безграничная толерантность губительна для менталитета, разрушительна для культуры и формирования собственной культурной идентичности. Патриотизм и духовность – понятия, уходящие корнями в традиционные ценности и смыслы.

Теоретические обоснования духовности встречаются в работах К.Д.Ушинского и Н.А.Бердяева. Анализ направлений патриотического воспитания был проведен М.В. Циулиной. В области воспитания «естественного» патриотизма целесообразно придерживаться этнофункциональной методологии в области воспитания, информационной безопасности и др., разработанной А.В.Сухаревым, упоминаемой М.В.Салтыковой [4]. По мнению А.А. Калекина, «принятые государством меры, создание нормативно-правовой базы патриотического воспитания граждан Российской Федерации позволили придать этому направлению системный и цельный характер» [2].

Цель воспитательной работы в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете имени В.М. Шукшина определена как создание условий для активной жизнедеятельности обучающихся, их гражданского самоопределения, профессионального становления и индивидуально-личностной самореализации в созидательной деятельности для удовлетворения потребностей в нравственном, культурном, интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии. Чрезвычайно важной эта работа видится еще и потому, что педагоги, которых выпускает вуз, будут воспитывать следующие поколения российских граждан.

Как было отмечено ранее, чтобы данная работа не приобрела формальный характер, сотрудники отдела по внеучебной работе со студентами совместно с преподавателями кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин разработали и внедрили в воспитательный процесс вуза «военные блоки» - литературно-музыкальные композиции патриотической

направленности. Блоки имеют свои особенности в зависимости от мероприятия, в котором они используются и представляют собой креативный симбиоз творческих номеров и исторических справок. Так, например, на торжественной линейке, посвященной Дню знаний, военный блок представлен творческим номером на военную тематику и исторической справкой о деятельности института в период войны. Особое внимание уделяется информации о том, что даже в условиях военного времени вуз ни на день не останавливал свою работу.

В рамках празднования Дня учителя мы рассказываем о подвигах педагогов-фронтовиков и тружеников тыла. Традицией является выставка в фойе главного корпуса университета, где представлен материал о педагогах – ветеранах вуза.

На наш взгляд, результатом такой работы является заинтересованность студентов в дальнейшем изучении и популяризации этой темы. Поэтому, в рамках участия во Всероссийской акции «Снежный десант РСО», студенческий педагогический отряд «Земляки» использует «военный блок» в концертной программе. Дополнительно бойцы отряда записывают воспоминания ветеранов о непростых годах войны, тяжелой работе в тылу.

В торжественных мероприятиях, посвященных Дню защитников Отечества и Международному женскому дню, мы рассказываем о вкладе педагогов в работу вуза в период Великой Отечественной войны.

Участвуя в акции «День единый действий», студенты университета, благодаря педагогам кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, узнают о страшных последствиях геноцида во время войны, знакомятся с историей вуза и города.

И конечно, ко Дню Победы в университете реализуется целый комплекс мероприятий. Это и работа «Бессмертного полка-онлайн», и создание театральной постановки, посвященной первым выпускникам вуза 1941 года, и участие в разного рода акциях.

На наш взгляд, истории педагогов вуза имеют яркую эмоциональную окраску, так как студенты учатся в тех же зданиях, тем же предметам и той же благородной профессии.

Необходимость осуществлять патриотическое и духовное воспитание в среде студенческой молодежи не подвергается сомнению. Большой акцент делается не просто на празднование государственных праздников и исторических дат, но осознанному пониманию и пропаганде достижений в отечественной науке, спорте, культуре. Возрождение традиций осознается как необходимость воспитания личности, способной признавать ценности других народов, религий, культур, не теряя при этом собственной идентичности и осознавая значимость и ценность отечественных исторических событий и культурных достижений. Одним из проявлений этой тенденции является реабилитация подлинных исторических событий и включение новых сведений о них в образовательный процесс и воспитательные мероприятия. Бесспорно, что эффективное патриотическое воспитание возможно лишь в результате соединения усилий преподавательского состава, студенческой молодежи,

общественных молодежных организаций [1]. Велико значение волонтерских объединений в молодежной среде в процессе организации мероприятий, проведения поисковой работы, организации общественных акций. При этом оказываются активно задействованы такие формы воспитания, как мировоззренческо-познавательная, мотивационно-ценностная и деятельностно-эмоциональная. Комплексный подход позволяет более полно реализовать поставленные цели и добиться большего отклика от участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Л. Современные формы патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестник Воронежского университета – 2016 – №1 – <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2016/01/2016-01-04.pdf>
2. Калекин А. А. Патриотическое воспитание курсантов военного вуза на основе культурологического подхода (автореферат на соискание ученой степени к. пед. н.): <https://www.dissercat.com/content/patrioticheskoe-vozpitanie-kursantov-voennogo-vuza-na-osnove-kulturologicheskogo-podkhoda>
3. Никитина И.В., Веницкая Н.В. Миф, эстетическое и художественное как источники духовности: Монография. / Никитина И. В., Веницкая Н.В. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. – 429 с.
4. Салтыкова М. В. Цели и задачи формирования патриотизма на основе стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Вестник Московской международной академии. – 2017. – №1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-zadachi-formirovaniya-patriotizma-na-osnove-strategii-razvitiya-vozpitaniya-v-rossiyskoy-federatsii-na-period-do-2025-goda>

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПАТРИОТИЗМА У ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

А.Л. Иванова, С.О. Фоминых

Чебоксары, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

Аннотация: В статье рассмотрены важность развития патриотизма среди молодежи и современные подходы к его формированию. Педагоги, работающие с подрастающим поколением и молодежью, должны иметь представление о формировании у них патриотических чувств. Именно в этот период становления личности можно заложить основные черты патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, подрастающее поколение, молодежь, Родина.

MODERN APPROACHES TO THE FORMATION OF PATRIOTISM AMONG PUBLIC SCHOOL STUDENTS

A.L. Ivanova, S.O. Fominykh

Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University I. Yakovlev

Annotation: This article discusses the importance of developing patriotism among young people and modern approaches to its formation. Teachers working with the younger generation and youth should have an idea about the formation of patriotic feelings in them. It is during this period of personality formation that the main features of patriotism can be laid. Consequently, patriotic education plays a very important role in the development of patriotic traits in schoolchildren.

Keywords: patriotism, younger generation, youth, Motherland.

По мнению Р.Б. Сулейманова, участника Великой Отечественной войны, командира батальона 498-го стрелкового полка, для формирования у подрастающего поколения осознанного отношения «к стране, её прошлому, настоящему и будущему, развить патриотические качества и национальное самосознание учащихся, расширить их знания об истории и культуре родных мест, о подвигах предков в защите Родины, преподаватель должен обладать такими качествами, как высокая культура, мораль, нравственность, гражданственность, быть патриотом своей страны, любить и уважать свою Родину» [2, с. 82].

Следовательно, перед учителем стоят следующие задачи:

- развивать у подрастающего поколения любовь к Родине;
- формировать уважение к народу, национальной культуре и традициям;
- воспитывать любовь и бережное отношение к истории родного края, родной природе и к своей малой родине;
- формировать у школьников готовность трудиться на благо Родины и защищать её.

Для решения поставленных задач во внеурочное время нужно проводить мероприятия, направленные на воспитание патриотизма. В частности, для молодых людей среднего школьного возраста, это может осуществляться во время классных часов на различные темы, такие как «Моя Россия», «Долг перед Родиной», «Я служу Отечеству» и многие другие. Также необходимо организовывать различные экскурсии, мероприятия, направленные на воспитание патриотизма, у детей старшего школьного возраста [1, с. 98-108].

Очень важно формировать национальное самосознание, нравственную культуру, национальные традиции. Чувство любви к Родине, уважение к старшим, культ семьи должны быть сформированы у молодежи. Стимулирование этих качеств в стенах образовательных учреждений не должно вступать в противоречие с реальностью общественной жизни.

Воспитание патриотизма у детей является достаточно сложным процессом. Следовательно, педагоги должны обладать специальной подготовкой и иметь патриотическую убежденность. Педагог, который не имеет патриотических качеств, не сможет их воспитать у детей.

Наиболее распространенные формы воспитательной деятельности по формированию патриотизма:

- поисково-исследовательские проекты;
- экскурсии и походы по местам боевой славы;
- встречи с ветеранами Великой Отечественной войны;
- тематические классные часы;

- литературно-художественное творчество детей, посвященное военной тематике;
- работа школьных музеев и мемориалов;
- использование воспитывающего потенциала преподаваемых учебных дисциплин;
- социально-значимые проекты практической деятельности детей.

Нами было проведено эмпирическое исследование на базе МБОУ «Красноволжская СОШ» Горномарийского р-на РМЭ по выявлению уровня сформированности патриотизма у школьников среднего и старшего звена.

Согласно результатам опроса, можно сделать следующие выводы:

- большинство учащихся 7 класса понятие «патриотизм» определяют как необходимость быть ответственным, помогать, защищать; хранить преданность и уважение к Родине;
- учащиеся 8-9 классов патриотизм связывают с любовью к Родине, стране; с защитой природы, с помощью нуждающимся;
- учащиеся 10-11 классов выбрали «любовь и преданность к своей Родине, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины».

Таким образом, у старшеклассников понимание понятия «патриотизм» сформировано на должном уровне.

Наибольший интерес вызывают ответы на вопрос: «Считаете ли вы себя патриотом?»

66,7% семиклассников не определились ответом, лишь 33,3% считают себя патриотами; среди школьников 8-9 классов 65% патриотов, а среди учеников 10-11 классов – лишь 60 %.

По мнению учащихся, на формирование их патриотических качеств повлияли родители, школа, окружающие и СМИ.

Мероприятия по патриотическому воспитанию в школе проводятся. К ним, с точки зрения обучающихся, можно отнести: военно-патриотические мероприятия, выставки картин на военно-патриотическую тему, парад 9 мая, военно-спортивные игры, открытые уроки на военно-патриотические темы, конкурсы, парад Победы, фестивали и конкурсы.

В 7-9 классах можно проводить военно-спортивные игры, а ученики 11 класса хотят принять участие в фестивалях и конкурсах патриотической направленности.

Также ученикам были предложены вопросы, позволяющие выявить уровень знаний об истории России. Абсолютное большинство школьников ответило верно на поставленные вопросы.

Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод о том, что патриотическое воспитание находится на хорошем уровне. Дело патриотического воспитания детей в нашей стране – в надежных руках педагогов с гуманистическим мировоззрением

В Красноволжской СОШ очень большое внимание уделяется формированию патриотического воспитания подрастающего поколения посредством таких форм, как:

- ребята изучают истории участников ВОВ;
- ежегодно учащиеся среднего и старшего звена участвуют в параде Победы, в акции «Бессмертный полк»;
- проходят фестивали военных песен, конкурсы стихотворений на военно-патриотическую тему;
- в школе периодически проводятся встречи с ветеранами ВОВ, с участниками афганской войны.

Также в школе существует детское объединение, которое относится к штабу движения школьников «Наследники Акпарса». В школе внедрены такие социально-значимые программы, как «Свой голос», «Милосердие», «Древо жизни», «Я хочу, я могу, я имею право», «Земля предков».

Ежегодно учащиеся школы принимают активное участие в таких мероприятиях, как: «Я – гражданин России», фестиваль «Детство без границ», в акции «Мы-россияне! И этим гордимся!», в фестивале волонтеров.

Зимой для учащихся 5-11 классов учителя ОБЖ и физкультуры проводят традиционную игру «Зарница».

Красноволжская СОШ является районным центром «Юнармии». Ребята со всех школ района собираются вместе на различные сборы и мероприятия.

В г. Козьмодемьянск существует музейный комплекс, в котором ежегодно проходят различные мероприятия по формированию гражданско-патриотического воспитания школьников. С 15 января по 15 февраля 2022 г. художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева, структурное подразделение Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса, проводит литературный конкурс «Служу России».

В этом же музее организована выставка «Православие в произведениях художников», которая продлится до 15 января 2022 г.

Горномарийский драматический театр каждый год старается ставить новые спектакли, которые посещают и учащиеся школы. В этом году театр показывает лирическую комедию «Когда-нибудь встретимся». В спектакле звучат также горномарийские народные песни, записанные в ходе экспедиции методистом отдела культуры Тамарой Петровой.

Обобщение разнообразного творческого опыта педагогов по патриотическому воспитанию школьников позволяет сделать вывод о том, что педагоги осознают важность патриотического воспитания детей и значение эмоционального воздействия в этом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова И.А. Патриотическое воспитание в средней школе / И.А. Агапова, М.А. Давыдова.– М.: Айрис-пресс, 2002. – 146 с.
2. Сулейманов Р.Б. Развитие патриотического воспитания в образовательном учреждении / Р.Б. Сулейманов. – Новосибирск: Наука, 1995. – 159 с.

МЕСТО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Н.Ф. Свобода, О.Б. Воробьева

Самара, Самарский государственный университет путей сообщения

Аннотация: В статье предложено обоснование выбора русской философии в качестве основополагающего вузовского курса дисциплины «Философия» в техническом вузе. Два основных вопроса: содержание курса и методика его преподавания рассматриваются в аспекте проблем личностного и национального самопознания.

Ключевые слова: высшая школа, гуманитарное образование, философия, методика преподавания философии, русская философия, национальное сознание.

THE PLACE OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE HUMANITARIAN EDUCATION OF STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

N.F. Svoboda, O.B. Vorobeva

Samara, Samara State Transport University

Annotation: The article offers a justification for the choice of Russian philosophy as the fundamental university course of the discipline "Philosophy" in a technical university. Two main issues: the content of the course and the methodology of its teaching are considered in the aspect of the problems of personal and national self-knowledge.

Keywords: higher school, humanities education, philosophy, methods of teaching philosophy, Russian philosophy, national consciousness.

В последнее время в высшей школе обозначилась тенденция к минимизации изучения гуманитарных дисциплин. Данную ситуацию можно считать, среди прочего, отражением утилитарно-технократических настроений, которые распространены в обществе на всех уровнях. Однако, в современном социуме «базовые этические категории, такие как добро и зло теряют напряженность, становясь почти неразличимыми, порождая нравственный нигилизм» и комплекс проблем идейно-этического плана [3, с.137]. И, в очередной раз, в результате такого кризиса сложились благоприятные предпосылки для объединенной продуктивной работы гуманитариев.

Каким же потенциалом должно обладать современное гуманитарное образование, чтобы оно могло заявить о себе в обществе в качестве стратегии устойчивого развития общества? Ответ однозначен: гуманитарное образование сегодня, прежде всего, должно способствовать процессу самопознания, возникновению органического ощущения Родины. Главная задача, полагаем мы, стоящая перед философским просвещением в техническом вузе, обратить внимание студента на духовную сторону жизни.

Для решения этой задачи диалог преподавателя и студента по традиционной формуле: «что, как и почему» следует дополнить: «для чего», «что готов принять», «от чего готов отказаться». Данный подход имеет преимущество: активность студента направлена на анализ своих представлений

и чувств, результаты которого становятся очевидными. Рефлексия, задачей которой является перевод собственных ощущений из сферы бессознательного в сферу осознанного, это, прежде всего, аналитическая деятельность самопознания. Кто я такой? Как формировалась культура моей Родины? В каких формах проявляются культур философии традиции моей страны? Для чего мне нужно понимание современных культурных процессов? Какова их динамика? Какие позиции существуют в данном вопросе? Как она влияет на чувства и взгляды людей? С кем и в каком вопросе я могу быть солидарен? Чья позиция (и почему) для меня не приемлема?

Подобная форма диалога не только развивает интерес к прошлому и настоящему своей Родины, но и способствует пониманию и выработке оценки достижений культуры России на основе историко-мировоззренческого контекста их создания. «Прошлое живет в сознании, памяти, традиции, настоящем, предметном мире человека, достоинствах его культуры и оживляется настоящим, участвуя в процессе целеполагания и практического созидания» [1, с. 33].

Просвещение – традиционно сфера поиска новых средств обучения. Студент не всегда понимает, что культивирование национального самосознания – длительный процесс. Воспитать в себе чувство национальной принадлежности гораздо труднее, чем сформировать знания по истории, философии, культуре нашей Родины. А вот разрушить это чувство иногда довольно просто – как в субъективном, так и в объективном плане [4]. Что из этого следует? А то, что студент может в период обучения приобрести навыки различения характера воздействия на него со стороны различных социальных институтов (например, СМИ) и определения возможностей противостояния этим воздействиям, с одной стороны. А с другой – самому, сделав национальное сознание объектом внимания, уметь учиться быть его носителем. Так уж устроен человек: рано или поздно он задумывается, пытается объяснить, что же такое национальная принадлежность? И можно ли научиться понимать ее? И как не растеряться, очутившись перед вопросами существования в русской культуре?

Поэтому в преподавании гуманитарных дисциплин особенно важно сохранить единое культурное пространство, основываясь на русском языке, русской культуре. Одно из возможных средств решения этой задачи – изучение русской философии в рамках вузовского курса философии.

Классический философ современен всем эпохам. Его мысли и образы действенны для любого исторического периода, доступны всем, интересующимся проблемами духовной жизни. Философ по своей сути реалист, он добавляет реальности свою личную ноту. Внешне его философия – это метафизика, а в глубине – простая житейская правда. Метафизическая самооценочность слова не приносится в жертву идеологическому соответствию. В русской философии экзистенциальный мотив явлен во всю силу. Есть что услышать и духовной элите, и потерявшему в безличности существования, и находящемуся на пути самопознания. Проблемы личности и общества, свободы и закона, жестокости и милосердия, жизни и смерти, временного и вечного,

конечного и бесконечного и т.д. трактуются и морально, и метафизически. Понятия, в которых оформляются эти проблемы, могут употребляться в повседневной жизни небрежно, теряя свою силу и предмет, который требует осмысления.

История русской философской мысли показывает, что философия не только выдвигала и решала проблемы социальной динамики, но и, в первую очередь, занималась вопросами личностной идентичности, места личности в духовной культуре. Не менее важным является то, что существенным фактором развития различных сфер жизни общества было обозначено национальное сознание. Данное обстоятельство позволяло философии обрести национальную окраску, определяя возможность создания действенного и целостного мировоззрения. Это мировоззрение, законченное в смысле признания абсолютной ценности феномена жизни, субстанциональной личности человека. В результате основной темой русской философии становится творческое призвание человека и смысл культуры. Одно из ее достижений – это выяснение роли, которую играет в жизни человека его личностное самопознание: метафизически и исторически важен вывод об органической связи национального сознания и личностного самосознания.

Таким образом, три обстоятельства позволяют нам ставить вопрос о русской философии в образовательном курсе «Философия».

1. В нынешних условиях этической смятенности и утраты многих ориентиров как никогда важно обращение к опыту русской философской классики. Именно там Россия впервые философски явлена как целое и цельное, единое и неделимое.

2. В русской философии рассматриваются самые серьезные коллизии общества и проблемы личности. Можно ли найти ключи к их разрешению, когда и каким образом? Этот вопрос философ задает каждому, на которого он возлагает и свои надежды, и, в известной мере, определённую долю ответственности.

3. История мировой философской мысли, безусловно, представляет важнейший контент вузовского курса дисциплины «Философия». Но он, как правило, заслоняет собой темы отечественной философии, поглощая учебные часы, и без того крайне мало отпущенные на дисциплину.

Исходя из такого видения философии, ее роли в современной культуре, можно посмотреть на изменение и практических задач. Нужна ясная и продуманная программа приобщения студентов к наследию русской философии во всей ее полноте. Произведения классических русских философов могут занять место первоисточников, способствующих самостоятельному пониманию России, помогающих студенту культивировать в себе русский ум.

В нашей работе мы хотим показать выбор студентами первоисточников русских философов для изучения и последующей работы над творческими эссе, которые, в частности, используются в практике СамГУПС.

В центре внимания студентов достаточно часто находится тема начала (время, предпосылки) формирования русского менталитета. Для решения этой

задачи студентам в качестве первоисточника рекомендуется труд Льва Гумилева «От Руси к России». Если говорить о проблеме русского сознания, то в этом случае востребованы работы А. Забияко «Антиномии русского сознания: труд и праздность», «Отчизна и чужбина», «История древнерусской культуры». Углубленное изучение истории своей Родины, ее общекультурных и национальных традиций находит отклик в молодежной среде и задает интереснейшую рефлексивную работу.

Не только прошлое интересно студентам: часто задаваемый тон практических занятий – будущее России и мира. Студенчество ищет ответы на эти вопросы в трудах М. Мамардашвили «Сознание и цивилизация», А. Панарина «Искушение глобализмом», В. Соловьева «Воскресные письма».

Часто предметом изучения студенческой молодежи становится сравнительный анализ русской и западноевропейской философии, который представлен в труде А.Ф. Лосева «Русская философия», что говорит об интересе обучающихся к теме сопоставления мировых цивилизаций.

Нравственное измерение общества и человека, вопросы справедливости – еще одна из востребованных тем студенческой молодежью. Здесь в поле внимания у обучающихся следующие работы: А.А. Гусейнов «Золотое правило нравственности», А.А. Милтс «Совесть», В.А. Печенев «Правдоискательство: нравственно-философская идея и жизнь», С. Франк «Духовные основы общества», Э.Ю. Соловьёв «Категорический императив нравственности и права», П. Флоренский «Столп и утверждение истины».

Для студенческой молодежи важны взгляды выдающейся интеллигенции прошлого и настоящего, они – авторитетны и весомы как для формирования знания по тому или иному вопросу, так и для формирования личностной мировоззренческой позиции. Русская философия предстает для студентов интегральным источником опыта общества и чувства самосознания в нем, из которого человек приобретает понимание себя, единства себя и Родины, себя и мира в целом. Русские философы «досконально изучили сущность русской культуры, осмыслили сложности и перипетии исторического развития нашего общества и смогли предвидеть многие проблемы современности» [2, с. 55].

Очевидно, что изучение не только дисциплины «Философия», но и всех дисциплин гуманитарного цикла целесообразно строить в значительной мере на опыте отечественной философии. Во-первых, в России, как и в любой другой стране, должно изучать русскую философию, как классическую, так и современную. Во-вторых, как можно раньше нужно начинать изучение ее истории линейно, а не по так называемым концентрам. Конечно, сейчас это очень трудно в связи с уменьшающимся количеством учебных часов, выделяющихся на дисциплину, а также профильностью обучения. Иначе педагогу в своей деятельности придется ограничиться в большей степени названием трудов и содержанием доктрин русских философов. В-третьих, знакомство с современным состоянием философских исследований, возможно, следует вести не только персонально, сколько панорамно, не столько с разными именами, сколько с разными трудами.

В философском просвещении, пожалуй, больше, чем в любой другой области просвещения, возможности «прогнозирования» несколько ограничены. Мы думаем (надеемся!), что в конечном счете возобладает и победит строгая классическая традиция, уже долгое время вытесняемая разными привнесениями извне. Философия (русская философия) в техническом вузе как учебный предмет достойна того, чтобы мы считали ее подлинно необходимой, исходя из обогащения знаниями, переживаниями, раздумьями, прежде каждому неведомыми. Идя к неизвестному, личность вырывается за «черту земного притяжения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Залунин В.И. К вопросу о сущности, структуре, основаниях, смысле и логике истории (некоторые проблемы философии истории как учебной и научной дисциплины) / В.И. Залунин // Общество, педагогика, психология: актуальные исследования. – 2021. – С. 28-48.
2. Изотов М.О. Духовно-нравственные проблемы современности в контексте наследия русской философии / М.О. Изотов // Духовно-нравственные основы образования и воспитания: история, традиции, современность. – 2021. – С. 52-57.
3. Лобова Т.Г. «Духовный реализм» как ответ профанной морали / Т.Г. Лобова, Т.В. Мироненко // Этика и история философии. – 2021. – С. 137-141.
4. Нарочницкая Н.А. Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории // Перспективы. Электронный журнал. – 2021. – №4-1 (24-25). – С. 7-35. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46270969> (дата обращения 11.01.2022).

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Д.Ф. Морозова

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Аннотация: В статье рассматривается как формируются ценностные ориентиры в исторической науке и как они меняются в ходе развития научной дисциплины и смены типов рациональности.

Ключевые слова: ценности, историческая наука, типы рациональности.

FORMATION AND REPRESENTATION OF VALUE ORIENTATIONS IN HISTORICAL RESEARCH

D.F. Morozova

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Annotation: The article discusses how value orientations are formed in historical science and how they change during the development of scientific discipline and the change of types of rationality.

Keywords: values, historical science, types of rationality.

Ценность пребывает, хотя мы и перестаём воспринимать её. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды.

П.А. Флоренский «1934- 1937 гг. Документы, отрывки из переписки с семьей».

Историческая память народа тесно связана с понятием идентичности, проблема взаимосвязи которых особенно актуализировалась, когда человечество совершило переход от традиционных устоев к идеалам глобализации. Идентичность становится необходимым условием укорененности человека в пространстве и времени, его самоотождествления. Поэтому в системе образования большое внимание уделяется изучению истории России, что является мощным каналом для формирования национальной идентичности. По этой причине историческая исследовательская работа всегда была тесно связана с ценностными идеалами народа.

В этом и заключается одна из основных особенностей истории как науки: предметом исследования являются действующие субъекты, рассматриваемые в социокультурном измерении. Поэтому историки в своей работе решают задачу «как в контексте ценностной «нагруженности» познания получать относительно истинное знание о действительном мире, а не только о его предельной идеализации и абстрактной модели» [13]. Историческая наука на протяжении всего своего развития находилась в поиске новых методологических основ в исследованиях исторических событий. Этот процесс происходит как на уровне теоретико-методологическом, так и при решении конкретных историографических и исторических проблем. В своем становлении наука освобождается от прошлых идеологических наслоений, которые, как правило, заменяются новыми, пересматривает взгляды на взаимоотношения с государством и обществом. Значительную роль в этом играет мировоззрение самого историка и тот теоретический и идеологический контекст, в который он погружен.

Поэтому методологи делают вывод, что научное знание и познание существует в определенной теоретико-методологической системе, которые определяют направление исследований, проблематизацию и поиск решений. Одно из самых популярных терминологических обозначений таких систем в российской науке стало понятие типов рациональности В.С. Степина, в данной статье историческое исследование анализируется именно в рамках этого подхода.

Но для начала необходимо прояснить: как историческая наука связана с аксиологическими проблемами. Г. Зиммель замечал, что «факты жизни ... становятся ценностями лишь тогда, когда они превосходят рамки своего природного в себе существования и, рассмотренные с точки зрения определенных идеалов, помещаются в культурный контекст» [9, с. 556]. Одна из главных задач историка - это как раз установления фактов, которые впоследствии вписываются в культурный контекст, в итоге становятся *историческим фактом*, то есть становится *элементом реальности* для определенной социальной группы.

Кроме того обратим внимание, что немецкий философ Генрих Риккерт причислял историю к числу идиографических (от греч. *idios* – особенный, своеобразный, *grapho* – пишу) наук, где предметом исследования являются уникальные и неповторимые объекты. Если мы попробуем определить исторический процесс, очевидной характеристикой его станет постоянная изменчивость, протяженность во времени, но, тем не менее, без обращения к истории, к прошедшим уникальным и неповторимым объектам, «человек не мог бы соучаствовать в полноте культурной жизни человечества» [12, с. 392]. А вот культурные ценности и нормы поведения уже медленно меняются во времени.

Но не стоит забывать, что не только сами ценности фиксируются в истории через труд историков, но и сами историки в своей исследовательской работе ориентируются как на общепринятые в профессиональной среде нормы научности, так и на интересы «того сообщества, к которому человек ощущает свою принадлежность – своей родной страны, своего народа, своей религии, своей значимой социальной группы» [8, с. 18]. Более того, как замечалось ранее, историческое исследование строится на основе данных, полученных из *исторических источников*, которые, в свою очередь, являются свидетельством активности человеческого сознания в прошлом, *объективированным результатом творческой деятельности* человека, который также имеет свою эмоциональную вовлеченность в определенную ценностную парадигму. Таким образом, становится очевидна взаимосвязь культурных ценностей и исторической науки.

В классическом типе рациональности, где время трактуется как последовательная смена состояний и пространство как вместительница разных образований, причинно-следственные связи оказываются главенствующими. В такой парадигме историк, как независимый наблюдатель, извлекает с помощью критического метода из исторического источника необходимую информацию и *описывает* ее в своей работе. То есть субъект познавательной деятельности имеет незначительное влияние на конечный результат исследования. При такой познавательной установке даже не может возникнуть вопроса о ценностном отношении субъекта к объекту, поскольку оно предполагает некоторую личную оценку и, следовательно, искажение объективности получаемого знания [14, с. 37].

Но, как мы уже выявили, историческая наука напрямую взаимосвязана с культурными ценностями и даже не может существовать вне них. Поскольку в классическом типе рациональности происходило четкое разделение между субъектом познания и объектом, ценностные ориентиры выстраивались вокруг лидирующей фигуры, ведущего актора исторического процесса. Такое представление сформировалось, например, у одного из первых историков – Фукидида. В своей «Истории» он указывал, что ни одно свидетельство не должно приниматься на веру, тщательно проверяться, что является необходимым условием для получения достоверного знания [1, с. 4-5]. Но ценностная наполненность всей работы передается через патристический пафос самого известного эпизода «Истории» - надгробной речи Перикла. Нет